№ 2
2019

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ПУШКИН

16+

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

ISSN 2412-9798
20192
9 772412 979007

№ 2 (18) ● 2019

16+

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ
АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:
Южный филиал ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77-62997
от 4 сентября 2015 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:
350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Номер сверстан: 28.06.2019
Размещен в сети Интернет: 30.06.2019

Главный редактор:

ГОРЛОВА
Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института Наследия

Выпускающие редакторы:

КОВАЛЕНКО
Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ
Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ
Виталий Вячеславович
— кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА
Ольга Ивановна
— кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ
Александр Анатольевич
— кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА
Анна Натановна
— доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА
Наталья Анатольевна
— кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО
Владимир Емельянович
— кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АКАЕВ Вахит Хумидович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

АРАКЕЛОВА Александра Олеговна — доктор искусствоведения, директор департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

БУЕВА Людмила Пантелеевна — действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, г. Москва, Россия

ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич — доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

ДЕМИН Вадим Петрович — действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия

КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович — доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия

КУПЦОВА Ирина Валентиновна — доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

МАТВЕЕВ Олег Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия

МИРОНОВ Арсений Станиславович — кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия

НЕРЕТИН Олег Петрович — доктор экономических наук, советник директора Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Россия

ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ПЕТРОВ Владимир Михайлович — доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия

РАТУШНЯК Валерий Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия

РАХАЕВ Анатолий Измаилович — доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ХАНГЕЛЬДИЕВА Ирина Георгиевна — доктор философских наук, профессор, декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, г. Москва, Россия

ЧЕЛЫШЕВ Евгений Петрович — действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЩЕРБАКОВА Анна Иосифовна — доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, г. Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА Рена — доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ДЖИВЕНСКА Малгожата Цецилия — Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА Аркадий Иванович — кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА Владимир Константинович — доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР Капил — профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА Кристиан Джон — Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПАТИНЬО Хуан Карлос — доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА Джантхьяло Рао — профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдерабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ Эртегин — доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ЧОЛАРИЯ Борис Шаликоевич — директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскир г. Сухум, Республика Абхазия

VOL.2
(18)
2019

HERITAGE НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ OF CENTURIES

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:
Autonomous Not-for-Profit Organization Center for Intellectual Development and Patriotic Education "Native traditions"

PUBLISHER:
Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ ФС № 77-62997
on September 4, 2015

ISSN 2412-9798

Editorial Office:
Address:
Office 5, 28 Krasnaya Street, Krasnodar, Russia, 350063.
Telephone:
+7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal are those of the authors, and do not necessarily coincide with those of the Editors, the Editorial Board or the Publications Council.

Imposed on 28 June 2019
Published online on 30 June 2019

Editor-in-Chief:
Irina I. **GORLOVA**
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Managing Editors:
Timofey V. **KOVALENKO**
Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anatoly V. **KRYUKOV**
Cand. Sci. (National History), Academic Secretary, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

By Order of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation No. 21-r of 12 February 2019, the electronic scientific journal *Heritage of Centuries* was included into the List of Reviewed Scientific Journals in which main scientific results of dissertations for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral (Dr. Sci.) degrees should be published.

EDITORIAL BOARD

Vitaliy V. **BONDAR** — Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Olga I. **BYCHKOVA** — Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A. **GUTSALOV** — Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N. **EREMEEVA** — Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Natalya A. **KOSTINA** — Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Vladimir E. **NAUMENKO** — Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Republic of Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Vakhit Kh. **AKAEV** — Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Aleksandra O. **ARAKELOVA** — Dr. Sci. (Musical Art), Director, Department of Science and Education of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lyudmila P. **BUEVA** — Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shakhrudin A. **GAPUROV** — Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Vadim P. **DEMIN** — Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honoured Art Worker of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A. **KUDRYAVTSEV** — Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation

Irina V. **KUPTSOVA** — Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Oleg V. **MATVEEV** — Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Senior Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation

Arseniy S. **MIRONOV** — Cand. Sci. (Journalism), Rector, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation

Oleg P. **NERETIN** — Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Advisor to the Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Nadezhda Kh. **ORLOVA** — Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof., Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Vladimir M. **PETROV** — Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russian Federation

Valeriy N. **RATUSHNYAK** — Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation

Anatoliy I. **RAKHAEV** — Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation

PUBLICATIONS COUNCIL

Irina G. **KHANGEL'DIEVA** — Dr. Sci. (Aestethics), Prof., Dean, Faculty of Business in Culture; Head, Department of Applied Culturology and Sociocultural Management, International University in Moscow, Moscow, Russian Federation

Evgeniy P. **CHELYSHEV** — Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order "For Merit to the Fatherland" 3rd and 4th Classes, Moscow, Russian Federation

Anna I. **SHCHERBAKOVA** — Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russian Federation

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena **ABDULLAYEVA** — Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Boris Sh. **CHOLARIYA** — PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Cecylia Malgorzata **DZIEWIECKA** — Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Arkadiy I. **DZHOPUA** — Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Hieronim **GRALA** — Dr Hab., Senior Lecturer, Faculty "Artes Liberales", University of Warsaw, Warsaw, Republic of Poland

Kapil **KUMAR** — Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New Dehli, Republic of India

Christian John **MAKGALA** — MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Juan Carlos **PATIÑO** — Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluka, United Mexican States

Jandhyala **PRABHAKARA RAO** — Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Ertegin **SALAMZADE** — Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vladimir K. **ZANTARIA** — Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ПУШКИН»
(РЕДАКТОР Е. Ю. ТРЕТЬЯКОВА)

НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ПУШКИН 13

А. Л. Зорин
К вопросу о мировоззрении А. С. Пушкина 13

О. Б. Сокурова
Духовные проблемы новоевропейского человека
в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина 23

Е. Ю. Третьякова
Символика обновления литературного процесса
в пушкинских рукописях 1830 года 34

А. М. Амирханян
Культурно-исторический и биографический контекст
пушкинской строфы об «эриванских коврах» 45

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ 52

Ю. А. Русина, Е. С. Янцевич
Студенческое бытие в «лихие 1990-е»:
по материалам устных интервью преподавателей
исторического факультета Уральского федерального университета 52

К. К. Горшенев
Глобализация и империализм
в контексте взаимодействия культур: подходы, мнения, идеи 60

К. Е. Рыбак, Ю. С. Избачков
Образ Наталии Рокотовой как ключ
к пониманию творческого метода Елены Ивановны Рерих 68

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР 81

Ю. А. Вирт, И. Л. Бабич
Культура и пространство: географические образы в позиционировании
территориальных брендов (на примере Юга России и Швейцарии) 81

Ж. М. Аппаева
Специфика этнического стиля
в монументальной скульптуре Кабардино-Балкарии 95

КНИЖНОЕ РЕВЮ 104

В. Е. Триодин
На пути к пониманию «не понимаю» 104

О. Е. Селявина
Гражданский подвиг московских ополченцев 81

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ 116

О. В. Спачиль
Пушкин, Чехов, Крым 116

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
THE ETERNAL PUSHKIN
(EDITED BY ELENA YU. TRETYAKOVA)

THE ETERNAL PUSHKIN **13**

Alexandr L. Zorin
On the Worldview of Alexander Pushkin 13

Olga B. Sokurova
Spiritual Problems of the New European Man in *The Little Tragedies* by Alexander Pushkin 23

Elena Yu. Tretyakova
The Symbolism of Literary Process Renewal in Pushkin's Manuscripts of 1830 34

Anahit M. Amirkhanyan
The Cultural-Historical and Biographical Context of Pushkin's Stanza About "Erivan Carpets" 45

ANTHROPOLOGY OF CULTURE **52**

Yulia A. Rousina, Evgenii S. Iantsevich
Students' Everyday Life in the "Dashing 1990s": Based on Oral Interviews with Lecturers of the Faculty of History of the Ural Federal University 52

Konstantin K. Gorshenev
Globalization and Imperialism in the Context of the Interaction of Cultures: Approaches, Opinions, Ideas 60

Kirill E. Rybak, Yuri S. Izbachkov
The Image of Natalia Rokotova as the Key to Understanding
the Creative Method of Helena Ivanovna Roerich 68

AT THE CROSSROADS OF CULTURES 81

Irina L. Babich, Yulia V. Wirth
Culture and Space: Geographical Images in the Positioning
of Territorial Brands (On the Example of the South of Russia and Switzerland) 81

Zhaukhar M. Appaeva
The Specificity of the Ethnic Style
in the Monumental Sculpture of Kabardino-Balkaria 95

BOOK REVIEWS 104

Vladimir Ye. Triodin
Towards an Understanding of "I Don't Understand" 104

Olga E. Selyavina
The Civil Feat of the Moscow People's Militia 111

SCIENTIFIC LIFE OF THE SOUTH OF RUSSIA 116

Marshall A. Botkin, Olga V. Spachil
Pushkin, Chekhov and the Crimea 116

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ПУШКИН

Пушкинским юбилеям принадлежит особое место в календаре знаменательных дат отечественной культуры. Когда-то торжества в честь столетнего юбилея Александра Сергеевича помогли классически ясно оформить представление о вехах развития русской культуры Нового времени. «Пушкинским началом» золотого века русской словесности назвали потомки то, что способствует органичному самобытному росту национальных достижений во всех сферах просвещенной деятельности. Ориентиры пути, проложенные в русле мифа отечественной культуры, сделали фигуру Пушкина фигурой культурного героя.

Расцвет органического единства на этапе «от Пушкина до Чехова», создав огромный массив русской классики, показал, что дело вовсе не в эталонах формы. Пушкин – пульс глубинных гармонических законов. Это чувствовали и пропустили сквозь себя художники Серебряного века, к этому в конце концов пришли и те, кто справился с искусами эпохи модернизма.

Редакционная коллегия журнала озаглавила специальную рубрику номера, посвященного 220-летию со дня рождения великого русского поэта, «Неисчерпаемый Пушкин», – как дань пушкинскому вкладу в поддержку законов устойчивости культурного бытия. Подборка материалов специальной рубрики отражает существенные, на наш взгляд, грани неисчерпаемого понятия Пушкин.

Один из основных – вопрос об эволюции мировоззрения поэта, пришедшего в зрелые годы к национально-патриотическому умонастроению, оформленному как государственное сознание.

В гениальных произведениях Пушкина, в частности, в цикле «Маленьких трагедий» намечены пути решения проблем, остающихся и ныне в высшей степени актуальными и жизненно значимыми. Современные исследователи раскрывают это на базе текстологического анализа с применением знаний из области истории, философии и богословия.

Продолжается изучение рукописного наследия поэта. Новые сведения о его творческой лаборатории дает анализ рисунков в рукописях 1830 г., отразивших мысли Пушкина о преобразованиях литературного процесса.

Сохраняет значимость и выявление тем и мотивов, восходящих к емким культурным пластам тысячелетней истории народов. Мотив «эриванские ковры» в стихотворении, написанном Пушкиным по следам крымских впечатлений («В прохладе сладостной фонтанов…», 1828 г.), интересен как экскурс в историю христианства древности, связывающую между собою Византию, Армению, Крым.

Наши современники черпают в пушкинском начале импульсы художественного, умственного и гражданского развития, которыми обеспечены устойчивость фундаментальных опор, преемственность качественных проявлений национального самосознания, возможность транслировать потомкам объективное знание о культурном самочувствии эпох. Говорить и думать о Пушкине – значит говорить и думать не только о великом прошлом, но и о будущем нашей родной культуры.

Редактор специальной рубрики Е. Ю. Третьякова

ЗОРИН Александр Львович
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия
Alexandr L. ZORIN
Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Leading Researcher,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russian Federation
azor115@rambler.ru

УДК [008:140.8]:821.161.1
ГРНТИ 13.09
ВАК 24.00.01

К вопросу о мировоззрении А. С. Пушкина

On the Worldview of Alexander Pushkin

В статье рассматриваются особенности мировоззрения А. С. Пушкина — гениального поэта и оригинального мыслителя, оставившего глубокий след в русской культуре и национальном самосознании. Вопрос этот неоднократно освещался в работах разных исследователей, которые, исходя из собственных политических, этических и религиозных воззрений, зачастую односторонне оценивали его социально-политические, эстетические и религиозные взгляды. Автором ставится задача рассмотреть пушкинское мировоззрение в контексте всего жизненного и творческого пути поэта, привлекая не только его художественные произведения, но и переписку с друзьями и знакомыми, а также воспоминания современников.

Проделанный анализ показывает, что поэт вовсе не готов был втиснуть свою жизнь в прокрустово ложе какой-то философской теории, а стремился испытать все состояния человеческого духа: он то жаждет жизни и всех ее радостей, то отрекается от нее вплоть до аскезы; то открыт окружающему миру, то замкнут и сосредоточен в себе; предстает то атеистом и даже богохульником, то искренне религиозным человеком, видящим в своем творчестве проявление божественного дара. Однако, при всей способности Пушкина в зависимости от обстоятельств и устремлений менять свой облик, в развитии его мировоззрения можно найти устойчивые тенденции. Его становление как личности идет от юношеского бунтарства и свободомыслия к либеральному консерватизму, опирающемуся на национальные традиции и русскую культуру, с одной стороны, и требующему личной свободы человека как залога возможности творческой деятельности, — с другой.

Ключевые слова: мировоззрение, объективизм, субъективизм свободомыслие, либеральный консерватизм, национальные традиции, русская культура, оптимизм, пессимизм, западничество, монархизм.

В преддверии празднования 220-й годовщины со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина вновь возникает повышенный интерес к его творчеству и личности, вновь оценивается его роль и значение для развития отечественной и мировой литературы и культуры, вновь осуществляются попытки проникнуть в его внутренний мир, выявить новые грани его универсального гения, почувствовать настрой его души и прояснить его мироощущение.

В этом русле вполне закономерен, казалось бы, уже давно и хорошо исследованный вопрос, касающийся особенностей мировоззрения этой незаурядной личности, оставившей столь глубокий след в русской культуре и национальном самосознании. И здесь становится ясно, что ранее проделанная работа требует уточнения и корректировки. Это обусловлено тем, что разные исследователи жизни и творчества Пушкина, будучи сами носителями определенных политических, нравственно-этических, эстетических и религиозных воззрений, стремились найти в великом русском поэте своего единомышленника. Так, Ф. М. Достоевский в своей речи, произнесенной по случаю открытия памятника Пушкину в Москве (1880), представил, по мнению К. Н. Леонтьева, «чувственного, языческого, героического» Пушкина в виде «смиренного христианина» [7, с. 390]. И с этим упреком можно вполне согласиться, не забывая при этом о безусловной односторонности оценки великого поэта со стороны автора книги «Византизм и славянство».

Но дело не только в личных пристрастиях писавших о Пушкине: на многих работах, посвященных рассмотрению его мировоззрения, лежала печать той эпохи, в которую они были созданы. Ярким примером такой ангажированности эпохой и политической конъюнктурой является доклад В. Я. Кирпотина «Мировоззрение Пушкина», сделанный в АН СССР по случаю столетия смерти поэта. В этом выступлении гений русской поэзии предстает как человек, которому присущ «материалистический и атеистический взгляд на мир», который «превращает Евангелие и христианство в смешное и глупое суеверие, достойное только осмеяния перед лицом разума», для которого всё мистическое и потусторонний мир «только фантом, только иллюзия непросвещенного невежественного воображения» [4, с. 24]. По мнению докладчика, Пушкин стопроцентный оптимист, поэтому «унынье и мечтательность, т. е. пессимизм и идеализм, были для него неприемлемы». И, наконец, в «лучших» традициях марксистской критики в отношении поэта делается следующее замечание: «Пушкина, по его мировоззрению, по его теоретическим взглядам нельзя, конечно, назвать диалектиком, но в творческой практике он гениальным пониманием художника-реалиста дал не один пример диалектической разработки своих тем» [4, с. 32]. Сюда бы можно было еще добавить рассуждения о Пушкине как прирожденном революционере, яром борце с российским самодержавием и крепостничеством. И действительно он сам признался в разговоре с императором Николаем I, что если бы находился в Петербурге в день восстания декабристов на Сенатской площади, то, безусловно, примкнул к последним.

Наряду с подобной односторонней трактовкой особенностей мировоззрения Пушкина еще в дореволюционный период возникла диаметрально противоположная точка зрения, согласно которой поэт был глубоко религиозным и даже набожным человеком, чуть ли не с юных лет готовым закончить свою жизнь в монастырской келье, а посему являл собой «национальный православный символ поэта-пророка». Эта точка зрения активно реанимируется в постсоветский период в трудах не только религиозных деятелей, но и некоторых крупных исследователей пушкинского наследия. В результате такой трактовки «Пушкин предстает глубоко верующим христианином, национальным православным поэтом, правда, заблуждавшимся вначале, но вернувшимся в конце своего жизненного пути в лоно церкви» [5, с. 4]. Всё вышеизложенное говорит о том, что проблема особенностей мировоззрения Пушкина является далеко не решенной и требует к себе пристального внимания и новых подходов. Как справедливо отмечает С. Ю. Ковалева, «Пушкина надо воспринимать не “выборочно”, а во всей полноте жизненного и творческого пути» [5, с. 5].

При этом в основу исследования поставленной проблемы должны быть положены следующие факторы: 1) социально-политическая и культурно-идеологическая обстановка, в которой жил и творил поэт; 2) духовная эволюция его личности, весьма импульсивной по своей природе, вечно готовой к усвоению нового жизненного опыта и, как следствие, пересмотру основополагающих целеустановок, беспрестанно и мучительно ищущей смысл жизни, надежные точки опоры в постоянно меняющемся мире, ведущей беспрерывный диалог не только с окружающими, но и с самой собой ради обретения подлинной истины и веры; 3) принятие во внимание всего творческого наследия поэта, т. е. рассмотрение не только его лирики и прозы, но также использование пушкинских писем и воспоминаний современников.

Начнем с характеристики эпохи, в которую жил Пушкин и которую он определил как «жестокий век». Это было время бурных событий, которые переживала не только Россия, но и вся Европа. Осуществленная в конце XVIII столетия Великая французская революция повлекла за собой череду войн, которые закончились поражением наполеоновской армии в России и захватом Парижа войсками коалиции в 1814 г. Император Александр I, возглавлявший антинаполеоновскую коалицию, возвращается в Россию победителем и героем, от которого российская общественность ждет перемен в социально-политическом устройстве страны. «Война 1812 г., получившая название освободительной,— пишет в этой связи В. В. Зеньковский,— дала огромный толчок развитию идейной и общественной жизни в России. Огромное количество русских людей непосредственно прикоснулось… к европейской жизни, и это живое знакомство с Западной Европой гораздо сильнее повлияло на русскую душу, чем то увлечение Западом, которое проявилось в XVIII веке» [2, с. 143]. Многие русские патриоты желали видеть свою страну избавленной от крепостного права и самодержавного правления, свободной и просвещенной. Пушкин, который учился в это время в Царскосельском лицее, являвшемся, по мнению некоторых современников, «рассадником якобинства», невольно впитывал в себя этот дух свободомыслия, основывающийся на трудах французских просветителей, и прежде всего Ф. Вольтера, идеи которого проникли в Россию еще в царствование Екатерины II. В 1816 г. юный поэт подпадает под сильное политическое и идейное влияние П. Я. Чаадаева, участника Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русских войск 1813–1814 гг. Этим влиянием определяется настрой некоторых его произведений, прежде всего таких, как ода «Вольность» и послание «К Чаадаеву», где он выражает уверенность, что «Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья», т. е. поверженного самодержавия, будут написаны имена его единомышленников.

Однако уже в это время политический радикализм Пушкина отличается от революционного радикализма А. Н. Радищева, который был непримиримым противником монархии вообще. Юный же поэт порицает тех монархов, которые изменили духовной сущности монархии и превратились в тиранов, попирающих все законы — божественные и человеческие. Будучи противником тирании, он напоминает зарвавшимся правителям следующее:

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон

[6, т. 1, с. 46].

Другой весьма болезненной проблемой России первой половины XIX в. было существование крепостного права. Хотя некоторые послабления в этом вопросе были сделаны в начале царствования Александра I, издавшего «Манифест о вольных хлебопашцах», но в целом положение крепостных крестьян мало изменилось. Юный Пушкин касается этой злободневной темы в стихотворении «Деревня», где «среди цветущих нив и гор» с прискорбием замечает «невежества убийственный позор», «барство дикое, без чувства, без закона», присвоившее себе «и труд, и собственность, и время земледельца». В конце стихотворения поэт с надеждой вопрошает:

Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

[6, т. 1, с. 82]

Из слов его понятно, что освобождение крестьян от гнета крепостничества он связывает не с революционным свержением рабства, а с благой волей царя, дарующего посредством собственного соизволения свободу своим подданным. Таким образом, юный Пушкин, подобно многим своим сверстникам, «переболел» умственными болезнями своей эпохи, к которым помимо революционной романтики, выражавшейся в порицании самодержавного деспотизма и моральном осуждении крепостничества, можно отнести увлечение масонскими идеями во время южной ссылки, а также атеистическими и даже богоборческими настроениями, в полной мере проявившимися в «Гавриилиаде», хотя на допросе сам поэт отрицал то, что является автором этого произведения. Более того, невзирая на то, что он брал во время пребывания в Кишиневе уроки атеизма у англичанина Хатчисона, последний, судя по всему, не смог до конца его убедить, что Бога не существует. Доказательством тому служат записки А. О. Смирновой, где приводятся слова Пушкина об итогах своего обучения касательно этого весьма щепетильного вопроса. «Я очень хорошо сделал,— пишет поэт,— что брал уроки атеизма: я увидел, какие вероятности представляет атеизм, взвесил их, продумал, и пришел к результату, что сумма этих вероятностей сводится к нулю. А нуль только тогда имеет реальное значение, когда перед ним стоит цифра. Этой-то цифры и недоставало моему профессору атеизма. Я, в конце концов, пришел к тому убеждению, что нашел Бога именно потому, что Он существует» [3, с. 28]. Таким образом, несмотря на весь свой революционный задор и нигилизм по отношению к социально-политическим порядкам в России, «ни убежденным масоном, ни революционером, ни атеистом Пушкин не становится» [9, с. 14]. И это не удивительно: его порывистая и необузданная натура не дает ему сосредоточиться та чем-то одном. При всех своих духовных исканиях он ведет свойственный людям его круга светский образ жизни: участвует в юношеских попойках и пирах, является завсегдатаем театральных лож, не чуждается любовных утех, пишет едкие эпиграммы на врагов и недоброжелателей, соблазняет жен своих начальников, т. е. ничто человеческое ему не чуждо. Но предаваясь радостям жизни, поэт не чувствует себя полностью удовлетворенным: наступают минуты, когда его душа стремится к уединению, к сосредоточению на радостных мгновениях творчества, во время которых «мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы легкие навстречу им бегут» [6, т. 2, с. 312].

Пушкина часто называют солнечным гением, несущим в своем творчестве радость, умиротворение и просветление. И это, безусловно, верно.

Прав В. В. Розанов, который пишет: «Пушкин — это покой, ясность и уравновешенность» [8, с. 366]. Но это только часть истины, поскольку пушкинское мироощущение имеет обратную сторону, связанную с «хандрой», «безнадежностью», чувством глубокой и неуемной тоски. И мотивы подобного рода пронизывают всё творчество поэта, начиная с периода лицейской жизни. Уже в ранней пушкинской лирике мы можем найти строки: «моя стезя печальна и темна», «дышать унынием мой удел», «вся жизнь моя печальный мрак ненастья», «душа полна невольной грустной думой». Такие высказывания вряд ли можно представлять лишь как своеобразный литературный прием или отдание дани моде того времени, поскольку грустные и унылые настроения находят свое проявление в течение всей жизни Пушкина и являются неотъемлемой составной частью, если не его мировоззрения, то его мироощущения. Поэт — это мятущаяся душа: он хочет «стать у бездны на краю» или «изведать тайны гроба». Он вовсе не тот рационалист просветительского толка, каким его хотят представить некоторые. В глубине своей души он мистик, стремящийся узреть «в мире здешнем мир иной» (Д. С. Мережковский). Поэтому его творчество не остается замкнутым в пределах «земной действительности», а имеет, по словам Ф. М. Достоевского, тенденцию «соприкасаться мирам иным». Отсюда наличие фантастических элементов в ряде прозаических произведений Пушника, которые играют в жизни людей существенную роль. В этой связи уместно вспомнить о «черном человеке» из «Моцарта и Сальери». Этот персонаж, по мнению био-

графов великого австрийского композитора, действительно существовал и даже известно его имя; но в какой мере он явился виновником ранней смерти В. А. Моцарта,— кто может это достоверно объяснить?

Если интерес к предельным вопросам человеческого существования является неизменным на протяжении всего творческого пути великого русского поэта, то трактовка и решение проблем социально-исторического характера в его работах раннего и зрелого периодов творчества получают существенные корректировки. И переломным моментом в этом смысле можно считать восстание и поражение декабристов в 1825 г. С одной стороны, в мятеже были замешаны многие из его близких знакомых и друзей, и их осуждение и последовавшая за этим казнь одних и ссылка других острой болью отозвались в сердце Пушкина; с другой стороны, под влиянием указанных событий он окончательно освобождается от обуревавшего его в юношеские годы бунтарского духа и романтически-либеральной мечтательности. Определенную роль в этом деле сыграли доверительные отношения, установившиеся между поэтом и новым монархом. Если вспомнить, что Александр I и Пушкин относились друг к другу с крайней неприязнью, то Николай I, будучи почти ровесником поэта, хотя бы внешне пытался принять в его жизни активное участие: прежде всего освободил его от ссылки, позволил вернуться в столицу и даже пообещал быть его первым цензором. Вначале Пушкин возлагал на нового императора определенные надежды, что нашло свое отражение в «Стансах» (1826), где дается совет, как правильно вести государственную политику и каковы должны быть ее приоритеты. Однако наступившая после разгрома восстания декабристов удушающая общественная атмосфера вызывала у поэта приступы глубокого отчаяния, нашедшие отражение в таких стихотворениях, как «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?..» или «В степи мирской, печальной и безбрежной…». Его часто посещает мысль о том, что смерть может быть предпочтительней жизни, и это свое мироощущение он пытается выразить в мрачной поэме об Агасфере, начатой, но не законченной ввиду увлечения другими проблемами, касающимися судьбы России и ее места в мировом историческом процессе. «В 30-х годах творчество Пушкина снова почти целиком посвящается разработке социальных вопросов. Народ, крепостное крестьянство, его жизнь, его поэзия, его борьба за свое освобождение, становится одной из основных тем Пушкина — художника и историка, каким он делается в эти годы» [1, с. 441].

Важную роль в становлении политического мировоззрения поэта и формировании его как прозорливого историка сыграли трагедия «Борис Годунов», написанная еще до декабрьского восстания, а также работы исторического характера, созданные в зрелый период творчества. Среди них на первом месте стоит «История Пугачева», в которой затрагиваются острые социально-политические и философско-исторические проблемы. В начале 1830-х гг. Пушкин критически осваивает труды современных ему французских историков — Ф. Гизо, О. Тьерри и О. Минье. Все это позволяет сложиться в его голове оригинальной социально-исторической концепции, в которой находят отражение вопросы, касающиеся определения движущих сил исторического процесса, взаимоотношений верховной власти и народа, места России в мировой истории и перспектив ее дальнейшего развития, а также конфликта между счастьем отдельно взятой личности и благом государства.

«Общим фундаментом политического мировоззрения Пушкина,— отмечает С. Л. Франк,— было национально-патриотическое умонастроение, оформленное как государственное сознание. Этим был обусловлен прежде всего его страстный постоянный интерес к внешнеполитической судьбе России» [9, с. 43]. В этом смысле поэт относился к тем немногим людям, которые остались верны идеалам своей юности и даже в сложное для России время, связанное с восстанием в Польше в 1830 г. и вмешательством европейских держав в русско-польские дела, не предались «сентиментальному космополитизму» и не утратили чувство национального достоинства, а сохраняли непоколебимую уверенность в прочности Российского государства.

Не будучи связан партийно-политическими узами и догматами, обладая конкретно-реалистическим умом, Пушкин при всем своем страстном интересе к культуре и политической жизни Западной Европы, при всем своем в этом смысле «западничестве», «был совершенно свободен от того рабски-ученического, восторженно-некритического отношения к западным политическим идеям и движениям, которое так характерно для обычного типа русских западников» [9, с. 46]. Он хорошо понимал отличие России от Запада и, будучи наделен здравым смыслом и критическим историческим сознанием, отказывался от возможности непосредственного и безоговорочного применения западных социально-философских и политических доктрин к российской действительности. По его мнению, история России «требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формы, выведенные Гизотом (Ф. Гизо.— А. З.) из истории христианского Запада» [6, т. 7, с. 210].

Консерватизм политического мировоззрения великого русского поэта проявляется также в его неприятии всякого рода мятежей и революций. В зрелом возрасте нелюбовь к радикальным и насильственным методам политической борьбы превращается у него в неподдельную тревогу о возможности применения этих методов и в стремление мирным путем разрешать социально-политические конфликты. Известное пушкинское высказывание: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» — суровое предупреждение любителям всякого рода политических авантюр. Но Пушкин не останавливается на негативной формулировке; в другом месте он дает положительный вариант решения этой же проблемы. «Лучшие и прочнейшие изменения,— замечает он,— суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...» [6, т. 6, с. 350].

Одной из «печальных истин» для поэта является то, что «недостаток просвещения и нравственности» способен вовлекать в общем-то неплохих людей, желающих блага для своего народа и отечества, «в преступные заблуждения». И чтобы помочь избежать этого, особенно, что касается молодого поколения, Пушкин делает следующее замечание: «Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла ... Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» [6, т. 7, с. 308].

Отсюда вытекает требование свободного культурного развития для обеспечения правопорядка и независимости личности. При этом само культурное развитие должно осуществляться на почтительном отношении к историческому прошлому народа и его вековым традициям. Одним словом, на любви «к отеческим гробам» и «к родному пепелищу» «основано от века самостоянье человека». Исходя из этого, поэт выдвигает требование уважать старинное родовое дворянство как носителя культурно-исторической преемственности в России. «Наследственность высшей знати,— пишет он,— есть гарантия ее независимости — противоположное неизбежно явится средством тирании или скорее трусливого и дряблого деспотизма» [6, т. 6, с. 312]. Это говорит о том, что, несмотря на безусловное сочувствие к простому народу, на искренне желание освободить крестьянство от «барства дикого», Пушкин ни в коем разе не был эгалитаристом. Более того, ему претила демократия в смысле господства «народа», «массы» или «черни», поскольку «неравенство есть закон природы», а значит, разумная воля меньшинства (политической и культурной элиты) призвана управлять народами. По своим политическим убеждениям он всегда оставался монархистом и требовал только ограничения власти государей законом, дабы монархия не превращалась в деспотизм. Поэт нисколько не сомневался в необходимости и полезности монархии для России. В этой связи он искренне утверждал: «Со времени восшествия на престол дома Романовых правительство у нас всегда впереди на поприще образования и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно» [6, т. 6, с. 209].

Такой взгляд на роль монархии в России является, безусловно, уникальным: он

далек от официального монархизма правительственных и придворных кругов, а также от романтического априорно-философского взгляда на монархию славянофилов. Особенность веры Пушкина в монархию основана, как это ни парадоксально, на любви к свободе и культуре. Поэт не требует у Николая I права на активное участие в политических делах, более того, он даже соглашается с необходимостью введения цензуры, лишь бы она сама подчинялась строгим законам. Ему достаточно лишь духовной независимости, возможности свободно заниматься творческим трудом, а также невмешательства в его личную и семейную жизнь. В последние годы своей жизни он пытается получить отставку, снять с себя придворный мундир и претворить в жизнь свою давнюю заветную мечту — поселиться в деревне и заниматься в уединении творчеством. Но просьба поэта о отставке вызвала крайнее раздражение царя, который был далек от того образа идеального монарха, каковым тот представал в его воображении. В итоге Пушкин, искренне надеявшийся, что в лице Николая I Россия все же обретет достойного преемника Петра, в конце своей жизни вынужден был испить чашу горького разочарования и с сожалением констатировать, что в правящем императоре «beaucoup du Praporchique et un peu du Pierre le Grand» (франц.: «много от прапорщика и мало от Петра Великого») как записал поэт в дневнике 21 мая 1834 г. [6, т. 7, с. 288].

Если оценивать мировоззрение А. С. Пушкина в общем и целом, становится понятно, что на протяжении своей жизни поэт не замыкается окончательно ни в каком конкретном миросозерцании, ни в каком духовном направлении, ни в какой философской теории. И в этом смысле он «сверхпартиен» не в сугубо политическом, а в философском смысле, т. е. ни материалист, ни идеалист, ни объективист, ни субъективист. Жизненная мудрость Пушкина никогда не является ни только субъективным настроением, ни только объективной теорией бытия. По сути своей она предстает не чем иным, как откровением бытия, обретшего голос и повествующего о самом себе.

Поэт, как Протей, постоянно меняет свой облик: он то оптимистичен и даже гедонистичен, то пессимистичен и даже трагичен; то светел и лучезарен, то угрюм и мрачен; то жаждет жизни и всех ее радостей, то отрекается от нее вплоть до аскезы; то открыт окружающему миру, то замкнут и сосредоточен в себе; то предстает атеистом и даже богохульником, то искренне религиозным человеком, видящим в своем творчестве проявление божественного дара. В этом, пожалуй, состоит универсальность его гения, который на протяжении жизни поэта блещет и переливается всеми своими гранями, разными оттенками и цветами. Он может, как изображенный им Моцарт, слушать заурядного уличного музыканта, потешаясь над ним, и писать реквием, живо интересоваться земным и обыденным и одновременно быть обращенным к небесному и божественному. Но при всей искрометности и многогранности пушкинского гения, всей способности поэта в зависимости от обстоятельств и устремлений менять свой облик, в развитии его мировоззрения можно найти устойчивые тенденции, которые отчетливо видны, если окинуть его жизнь единым взором. Его становление как личности идет от юношеского бунтарства и свободомыслия к либеральному консерватизму, опирающемуся на укорененные в веках национальные традиции и русскую культуру, с одной стороны, и требующему личной свободы человека как залога возможности творческой деятельности,— с другой. Основой политического мировоззрения поэта, несмотря на всё его убежденное «западничество», с годами становится национально-патриотическое умонастроение, которое заставляет его критически относиться к западным политическим доктринам и движениям и, как следствие, быть непримиримым противником демократии, а идеалом политического устройства России считать монархию как государственный институт, который призван, опираясь на строгое соблюдение законов, обеспечить стабильное внутреннее положение страны и способствовать ее экономическому и культурному процветанию.

Alexandr L. ZORIN

On the Worldview of Alexander Pushkin

Abstract. The article deals with the features of the worldview of Alexander Pushkin, a brilliant poet and an original thinker, who left a deep trace in Russian culture and national consciousness. This issue has been repeatedly described in the works of different researchers who, based on their own political, ethical and religious ideas, often unilaterally assessed Pushkin's socio-political, aesthetic and religious views. Back in the 19th century, Pushkin was presented as a "humble Christian" (F.M. Dostoevsky), on the one hand, and as a "pagan, rebellious, sensual and heroic" Russian genius (K.N. Leontiev), on the other. The assessments of Pushkin's worldview in the Soviet and post-Soviet periods differ significantly.

In this regard, the article aims to consider Pushkin's worldview in the context of his whole life and career, attracting not only his works of art, but also his correspondence with friends and acquaintances, as well as memories of contemporaries.

At the same time, the study takes into account not only the socio-political, cultural and ideological situation in which Pushkin lived and worked, but also his spiritual evolution, for he was rather impulsive in nature, was constantly looking for the meaning of life, reliable points of support in the ever-changing world. As many of his peers, young Pushkin went through the "mental diseases" of his era, which, in addition to revolutionary romance expressed in the condemnation of autocratic despotism and moral condemnation of serfdom, included passion for the Masonic ideas, atheistic and even militant atheistic attitudes. But in the period of maturity, which came after the defeat of the Decembrist uprising in 1825, the foundation of Pushkin's political views becomes a national-patriotic mentality designed as a public service consciousness. The conservatism of his political worldview manifests itself as a dislike for radical and violent methods of political struggle. In his political convictions, Pushkin becomes a monarchist and only demands restrictions on the sovereign's power by law so that the monarchy does not turn into despotism.

The analysis shows that Pushkin was not ready to cram his life in the Procrustean bed of some philosophical theory, but attempted to experience all the states of the human spirit: he craves life and all its joys then renounces it up to austerity; he is open to the outside world then closed and concentrated on himself; he appears to be an atheist and even a blasphemer then a genuinely religious person who sees the manifestation of the divine gift in his works. However, despite Pushkin's ability to change his image depending on the circumstances and aspirations, there is a sustainable trend in the development of his worldview. His personal formation goes from youthful rebellion and liberty to liberal conservatism based on national traditions and Russian culture, on the one hand, and requiring personal liberty as a guarantee of creative activity, on the other.

Keywords: worldview, objectivism, subjectivism, freethought, liberal conservatism, national traditions, Russian culture, optimism, pessimism, Westernism, monarchism.

Использованная литература:

1. Бонди С. Поэмы Пушкина // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1975. С. 433–467.
2. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Л.: Эго, 1991.
3. Ильин И. А. Пророческое признание Пушкина. Рига: Ernst Plates, 1937.
4. Кирпотин В. Я. Мировоззрение Пушкина // Вестник Академии Наук СССР, 1937. № 2–3. С. 19–35.
5. Ковалева С. Ю. Проблемы религиозности в мировоззрении и лирическом наследии А. С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2005.

References:

1. Bondi, S. (1975) Poemy Pushkina [Poems of Pushkin]. In: Pushkin, A.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Zen'kovskiy, V.V. (1991) *Istoriya russkoy filosofii: v 2 t.* [History of Russian Philosophy: In 2 vols]. Vol. 1. Leningrad: Ego.
3. Il'in, I.A. (1937) *Prorocheskoye priznaniye Pushkina* [Pushkin's prophetic confession]. Riga: Ernst Plates.
4. Kirpotin, V.Ya. (1937) Mirovozzrenie Pushkina [Pushkin's worldview]. *Vestnik Akademii Nauk SSSR.* 2–3. pp. 19–35.

6. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1974–1978.

7. Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990.

8. Розанов В. В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990.

9. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Мюнхен: б.и., 1957.

5. Kovaleva, S.Yu. (2005) *Problemy religioznosti v mirovozzrenii i liricheskom nasledii A. S. Pushkina* [Problems of religiosity in the worldview and lyrical heritage of A.S. Pushkin]. Philology Cand. Diss. Voronezh.

6. Pushkin, A.S. (1974–1978) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

7. Gal'tseva, R.A. (1990) *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike: konets XIX – pervaya polovina XX veka* [Pushkin in Russian philosophical criticism: the end of the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: Kniga.

8. Rozanov, V.V. (1990) *Sumerki prosveshcheniya* [The twilight of the Enlightenment]. Moscow: Pedagogika.

9. Frank, S.L. (1957) *Etudy o Puskine* [Studies on Pushkin]. Munich: [s.n.].

Полная библиографическая ссылка на статью:

Зорин, А. Л. К вопросу о мировоззрении А. С. Пушкина [Электронный ресурс] / А. Л. Зорин // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 13-22. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Zorin.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Zorin, A. L. (2019) On the Worldview of Alexander Pushkin. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 13-22. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Zorin.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

СОКУРОВА Ольга Борисовна
доктор культурологии, доцент кафедры истории
западноевропейской и русской культуры
Института истории Санкт-Петербургского
государственного университета
Санкт-Петербург, Россия
Olga B. SOKUROVA
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Assoc. Prof.,
Department of History of Western European and Russian Culture,
Institute of History, Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
sokurova_ob@mail.ru

УДК [008:316.42]:821.161.1
ГРНТИ 13.11.28
ВАК 24.00.01

Духовные проблемы новоевропейского человека в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина

Spiritual Problems of the New European Man in *The Little Tragedies* by Alexander Pushkin

Статья посвящена изучению духовной проблематики «маленьких трагедий», созданных Пушкиным Болдинской осенью 1830 г. В этом драматургическом цикле поэт осуществляет гениальное художественное исследование главных страстей новоевропейского человека. Эти страсти – сребролюбие («Скупой рыцарь»); гордыня и зависть («Моцарт и Сальери»); донжуанизм («Каменный гость»); циничное отношение к смерти и страх перед бессмертием («Пир во время чумы»). Каждая трагедия опирается на определенный источник в западноевропейской литературе, который поэт переосмысливает в русле православной культурно-религиозной традиции.

Методологическая сложность исследования обусловлена сжатостью формы и «художественной экономией мысли», характерных для «Маленьких трагедий», – тем, что академик А. А. Потебня называл «сгущением мысли в слове». Выявление этих мыслей, несущих в себе энергию пророческих откровений, возможно лишь на основе тщательного текстологического анализа и целостного представления о философско-эстетических проблемах, религиозных течениях и состоянии науки Нового времени в Европе. Кроме того, постижение проблематики «Маленьких трагедий» требует от исследователя, помимо профессиональных навыков, еще и очень серьезного духовного труда – наиболее сложного из видов человеческой деятельности. Как представляется, работы такого уровня, пусть и немногочисленные, начали появляться в конце XX – начале XXI в. и в настоящее время продолжаются. В статье даются ссылки на статьи В. С. Непомнящего, И. М. Андреева, В. Е. Ветловской, Ю. К. Руденко, Б. Н. Тарасова – ученых, прокладывающих путь именно в этом наиболее востребованном направлении отечественной пушкинистики. В то же время автор статьи стремится внести свой вклад в общее дело.

В статье последовательно изучается духовная проблематика каждой части Пушкинского драматического цикла. Используется комплексный культурологический метод с применением текстологического и психологического анализа, философских и богословских знаний.

В статье сделаны новые наблюдения о характере действующих лиц «Маленьких трагедий» и мотивах их поступков. Причем особое внимание направлено на по-своему близких Пушкину и до сих пор недостаточно глубоко понимаемых персонажей (Альбер, Моцарт, Дон Гуан, Вальсингам). Выявляются внутренние связи трагедий с Евангельскими сюжетами. Отмечена резкая смена ценностей при переходе от Средневековья к Новому времени. Показано, что страсти, наиболее сильно и опасно проявившие себя в новоевропейском обществе, обусловлены его апостасийным состоянием. Сделан вывод, что в каждой трагедии происходит не только противостояние человека человеку в «горизонтальном» измерении земной жизни, но и вызов человека Небу – по вертикали. Но если в первой трагедии («Скупой рыцарь») горизонталь земного бытия перечеркивает вертикаль божественных установлений, то в финале последней трагедии («Пир во время чумы») эта вертикаль восстанавливается.

Весь ход исследования показывает, что Пушкин в своем гениальном цикле намечает пути решения проблем, остающихся актуальными и жизненно значимыми для современного человечества.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Маленькие трагедии», Новое время, тип личности новоевропейского человека, герои-антагонисты, спор человека с Небом, пушкинская переработка европейских литературных источников, русская культурно-религиозная традиция.

Плодоносной болдинской осенью 1830 г. наряду с лирическими шедеврами Пушкиным были написаны последние главы «Евгения Онегина» и созданы гениальные «Маленькие трагедии». Можно предположить, что между романом и драматическим циклом существовала внутренняя связь. Создав образ современного русского европейца, «москвича в гарольдовом плаще», прошедшего мимо своего счастья из-за утраты личностного самостоянья и подражания чужим образцам («уж не пародия ли он?»), Пушкин логикой творческого пути пришел к необходимости заглянуть в самые истоки новоевропейских духовных проблем. В изначальных пластах Нового времени он ищет и находит литературные памятники из разных европейских стран, на которые ссылается, но которые существенно переосмысливает и перерабатывает, доводит до небывалой философской глубины – и с гениальным мастерством осуществляет художественное исследование главных страстей новоевропейского человека. Эти страсти – сребролюбие («Скупой рыцарь»); гордыня и зависть («Моцарт и Сальери»); донжуанизм («Каменный гость»); циничное отношение к смерти и страх перед бессмертием («Пир во время чумы»).

Б. Н. Тарасов, известный современный исследователь русской и западноевропейской культурных и мировоззренческих традиций и их проявлений в исторической парадигме Нового и Новейшего времени, делится следующим важным наблюдением: «Пушкин отчетливо видел, что накопление культурных ценностей не освободило людей от “сомнительных и лживых идеалов” власти и наслаждения, так прочно укорененных в глубине человеческой природы и постоянно препятствующих гармонизации человеческих отношений. Напротив, в “шуме” бытия он различал нарастающее усиление и повсеместное распространение “звуков”, разрушительность которых исследуется в болдинских “Маленьких трагедиях”, названных “опытами драматического изучения”. В этих “опытах” … перед читателем проходят разные страны и эпохи, возникают всемирно известные художественные образы. В многослойности “Маленьких трагедий” сокрыто много внешне различных, но внутренне связанных тем» [11, с. 171].

Изучению этих тем и «сокрытых связей» между ними и посвящена данная статья.

Методологическая сложность такого изучения обусловлена «сжатостью формы» и «доведенной до последних пределов художественной экономией мысли» (то, что академик А. А. Потебня называл «сгущением мысли в слове»), на которые обратил внимание Д. Н. Овсянико-Куликовский еще в 1909 г. Его исследование о Пушкине профессор русской литературы из Джорданвиля И. М. Андреев относил к числу немногих удачных попыток дореволюционного литературоведения правдиво осветить некоторые стороны «драматических опытов» Пушкина. Со своей стороны, Андреев отмечал особую сложность и в то же время насущную необходимость проникнуть в *духовное* содержание пушкинских трагедий, которые считал «исключительно гениальными», и добавлял: «Гений – явление духовное. А духовное от душевного отличается больше, чем душевное отличается от телесного. Этим объясняется почти полное отсутствие критических работ о маленьких трагедиях, более или менее адекватных, вернее и точнее сказать – конгениальных этим совершеннейшим произведениям величайшего гения мировой литературы» [1, с. 73].

Итак, постижение проблематики «Маленьких трагедий» требует от исследователя, помимо профессиональных навыков, еще и очень серьезного духовного труда – наиболее сложного из всех видов человеческой деятельности. Как представляется, работы такого уровня, пусть и немногочисленные, начав появляться в конце XX – начале XXI в., в настоящее время продолжаются (см., напр., [2]; [3]; [4]; [5]; [7];[9]; [12]).

«Пушкин словно ждал нашего катастрофического времени, чтобы выйти ему навстречу», – считает В. С. Непомнящий, председатель Пушкинской комиссии. Он одним из первых приступил к последовательному и внимательному изучению духовной биографии Пушкина. На основе этого изучения он сделал, в частности, следующий вывод: «Драматическая система Пушкина построена не на взаимоотношениях отдельных лиц и даже групп лиц между собою и не на связях одних событий и поступков с другими. Она построена на взаимоотношениях человека с мирозданием, с Абсолютным» [7, с. 303].

Соглашаясь с этим выводом, все же уточним, что взаимоотношения (а в условиях Нового времени чаще конфликт) человека с Абсолютным вовсе не отменяет отношений и связей лиц, событий и поступков, напротив, многое в них определяет и проясняет (кстати, сам Непомнящий это превосходно показал в своем блестящем анализе «Бориса Годунова»). Пушкин никогда не был ни спиритуалистом, ни философом-теоретиком, ни морализирующим ригористом. А такого рода «уклоны» и «предрассудки любимой мысли» иной раз наблюдаются у некоторых современных литературоведов, и мешают понять сложные проблемы, противоречивые характеры персонажей и скрытые мотивы их действий в неразрывной живой ткани пушкинских драм.

Мы постараемся рассмотреть изображенную в «Маленьких трагедиях» *горизонталь земного бытия* и дать оценку страстей, потупков и конфликтов на *вертикали отношений человека и Бога* в единой духовно-эстетической системе координат.

Итак, «Скупой рыцарь».

«Скупой рыцарь? Само сочетание, хотя большинство о том никак не подозревает, есть оксюморон, то есть соединение в одном несоединимых понятий… Среди рыцарских добродетелей особо почиталась когда-то щедрость и расточительство, но никак не скупость… Для рыцаря деньги есть средство, а не цель. И вот “скупой рыцарь” – нелепица, невозможная диковина. Что-то непоправимо смещается в умах, если такое становится возможным. Трагедия. Жизнь утрачивает поэзию, становится рационально сухой, убийственно тоскливой. Это трагедия и для самого Пушкина…» [5, с. 252–253]. Так считает М. М. Дунаев. Подтвердим это мнение.

Оксюморон в названии первой трагедии указывает на резкую смену ценностей в результате перехода от Средневековья к Новому времени. Кодекс чести, согласно которому скупость считалась низким качеством, невозможным для рыцаря, вытесняется поклонением золотому тельцу. И старый барон, одержимый скупостью, «рыцарски» служит своим сундукам. Золото становится богом новоевропей-

ского человека. И поэтому ростовщик, чье ремесло в предшествующую эпоху презиралось и порицалось, в Новое время становится хозяином жизни.

В своем знаменитом монологе старый барон мысленно восходит на холм из накопленных богатств и наслаждается сознанием собственной неограниченной власти:

Что не подвластно мне? Как некий демон
Отселе править миром я могу…

[8, с. 112].

Эта сцена напоминает о третьем искушении Христа в пустыне, когда с высокого холма дьявол показал все царства мира и сказал: «Все сие дам Тебе, если поклонишься мне». Христос отверг это искушение. Но современный мир его принял. Пушкин прозорливо раскрывает в образе барона корень страсти сребролюбия: нет на земле большего соблазна, более сильного наркотика, чем Власть, а деньги – это путь к власти. Но тот, кто к ним страстно стремится, сам всецело оказывается их рабом. Об этом парадоксе свидетельствует сын старого барона Альбер:

О! Мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ, и сам им служит.
И как же служит? Как алжирский раб,
Как пес цепной…

[8, с. 109].

Альбер – антагонист отца. Он щедр (отдает последнюю бутылку вина больному кузнецу) и благороден (с негодованием отвергает намек ростовщика с помощью «чудодейственных капель» поторопить смерть отца). Однако трагедия молодого человека в том, что время, в которое он живет, диктует свои условия, и деньги ему жизненно необходимы. Пушкин словно пропускает его бедственное положение через собственный жизненный опыт: его отец, Сергей Львович, был невероятно скуп. Сын вынужден был, даже больным, возвращаться со службы домой пешком, не нанимая извозчика; ему приходилось носить потрепанную обувь, что задевало юношеское самолюбие. Его Альбер от безысходности обращается к герцогу с просьбой повлиять на старого барона, и в доме герцога едва не происходит нравственно безобразный со стороны обоих противников,–поединок сына с отцом.

Последний предсмертный вздох скупого рыцаря – «Ключи! Ключи мои!» [8, с. 120]. Он переживает о ключах от сундуков, в то время как правоверному католику подобало бы думать о ключах от Царства Небесного, которые находятся на поясе св. апостола Петра. Горизонталь земного бытия перечеркивает вертикаль божественных установлений. Там, на Небесах – Отец, Сын и Дух Любви, а здесь, на земле – отец, сын и дух ненависти между ними. Это своего рода образ антитроицы. «Ужасный век, ужасные сердца»…

В «Моцарте и Сальери» вызов Небу заявлен первой же фразой Сальери («но правды нет и выше»). В лице Сальери отношения новоевропейского человека с Богом – это уже не отношения сына с Отцом, а договорные расчеты наемного работника с Хозяином. Сальери выражает претензию, что его трудовые усилия не оценены по заслугам и гениальный музыкальный дар достался не ему, а «гуляке праздному» Моцарту. Сальери с обидой повествует о том, как всю жизнь трудился в поте лица, последовательно осваивая сначала ремесло, затем высокое композиторское искусство. Однако он признается, что и тогда, когда был пройден путь от ремесленника к художнику, он не смел «помышлять еще о славе» [8, с. 122]. Таким образом, вовсе не творчество, а слава находится на вершине его иерархии ценностей. Но почему? Пушкин показывает, что слава, как и деньги – это путь к Власти. И если деньги дают материальную власть над миром, то слава – еще более соблазнительную власть над душами людей, и демонически гордый Сальери стремится к такой власти. Он хочет быть богом в музыке.

Юридизм, рационализм, фарисейское морализаторство, приоритет буквы над духом, возвышение прагматической пользы над «бесполезной» красотой «райских песен» Моцарта – таков целый комплекс духовных проблем, коренящихся в новоевропейском сциентизме и протестантской этике, которые сфокусированы в образе Сальери. И все же главной проблемой этого героя является указанная Пушкиным демоническая гордыня, порождающая зависть. С образом Сальери связан символический ряд «мертвых» эпитетов, метафор и сравнений («*Звуки умертвив, Музыку я разъ-*

ял, как труп»; *«заветный дар любви, переходи сегодня в чашу дружбы»* – это сказано о яде!) Завистник заряжен *смертью*. Его антагонист Моцарт верен *жизни* и, в отличие от Сальери, который с ранних лет «отверг праздные забавы», детски радуется всем ее проявлениям. Его музыка живет в народе, о чем свидетельствует начальная сцена с уличным музыкантом, которого Моцарт, хохоча, притащил к Сальери.

Г. В. Свиридов, выдающийся русский композитор XX столетия, пристально изучавший (как и другие крупные музыканты) трагедию «Моцарт и Сальери», особо выделил именно эту сцену: «Любопытно, что Пушкин сделал трактирного скрипача – *слепым*. Это – тонкая, гениальная деталь! Он играет не по нотам, а по слуху. Музыку Моцарта он берет, что называется, "из воздуха", который как бы пронизан, пропитан ею. Если сказать просто: дар мелодии – вот тот божественный дар, которым наделен Моцарт и который отсутствует у "жрецов" искусства вроде Сальери…» [10, с. 267–268].

Свиридов был не согласен с теми, кто считал, что Сальери испытывал зависть меньшего таланта к более крупному: ведь не завидует же Сальери Гайдну, или великому Глюку, или грандиозному успеху Пиччини, кумиру Парижа. «*Народность Моцарта – вот с чем он не может помириться*». Свиридов выделяет эту мысль. И продолжает: «Борьба с Моцартом – это борьба с национальным гением … Это не значит, что Моцарт все это осознает. В противоположность Сальери, он мало рационалистичен в истоках творчества, поет как птица, вдохновение занимает громадное место, божественный дар вдохновенной мелодии, чему никак нельзя научиться, что дается от природы, *от Бога*» [10, с. 269]. В согласии с Пушкиным, Свиридов дает четкое различение гения и таланта: «Талант – пластические способности, умение, мастерство, рациональное… Гений – дух творчества, наитие, озарение, откровение, способность общения с высшей силой, <способность> получать от нее первотолчок, а не придумывать его» [10, с. 270].

Пушкин показывает, что Моцарт наделен гениальным даром вовсе не по «ошибке», как думает Сальери, и что существует неразрывная таинственная связь между личностными качествами и творческими способностями, между человеком и художником. Однако пренебрежительное представление о гениальном Моцарте как «гуляке праздном», легкомысленном и поверхностном человеке, вертопрахе, было характерно не только для Сальери, но и для многих его современников, а также для последующих исследователей, писателей, сценаристов и режиссеров на Западе. Подобные взгляды аргументированно опровергает российский ученый, профессор Ю. К. Руденко: «Все дело – в тех личностных характеристиках героев-антиподов, которые выстраиваются Пушкиным в трагедии. В них – вся суть художественного (и жизненного) конфликта, столь лаконично, и в то же время исчерпывающе глубоко выраженного поэтом» [9, с. 66]. На основе текстологического анализа Ю. К. Руденко выделяет ведущие черты личности Сальери: это гордый эгоцентрик; «он ненавидит Моцарта именно как Божьего избранника – следовательно, он богопротивник. Себе присваивает он прерогативу Высшего Суда: убивая Моцарта, он якобы "восстанавливает справедливость"…» [9, с. 72] Следует вывод: «Перед нами – типичный западный человек, с его органическим индивидуализмом, эгоизмом … мировоззренческим и практическим протестантизмом, с защитным чувством корпоративной солидарности…» [9, с. 77].

Тип личности, противоположный сальеризму, утверждает ученый, мы видим в пушкинском Моцарте, которому свойственны детская веселость, простодушие, кротость. «Он, Богом одаренный гений, лишен малейшего тщеславия: он не думает о своей одаренности, потому что она *живет* в нем, а он – в ней и ею» [9, с. 78].

К этому хотелось бы добавить, что Моцарт показан в трагедии очень простым и в то же время глубоким, обладающим тончайшей интуицией и прозорливым умом. Эти качества следует особо подчеркнуть, поскольку многие исследователи считают, что он детски простодушно не подозревает о злодейском замысле Сальери. У Пушкина все гораздо тоньше и глубже: именно потому, что Моцарт интуитивно чувствует что-то темное и опасное в душе Сальери, он рассказывает ему о черном человеке и заказанном им Реквиеме и при-

знается, что ему чудится близкое присутствие этого черного человека за столом: «…Мне кажется, он с нами сам-третей сидит» [8, с. 130]. Сальери пытается шуткой развеять тревогу Моцарта и напоминает ему о веселой «Женитьбе Фигаро» Бомарше, но Моцарт упорно возвращается на прежний путь своих мыслей и предчувствий: «Ах правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравил?» [8, с. 130]. И тут же останавливает себя, одновременно интуитивно пытаясь в последний момент остановить и Сальери в исполнении его черного замысла: «Он же гений, как ты да я…» [8, с. 130]. Тем самым Моцарт деликатно пытается успокоить завистливую гордость Сальери (о которой он догадывается и которую в то же время по чистоте души не хочет видеть) и называет его гением прежде, чем себя.

Солнечного Моцарта действительно можно считать alter ego Пушкина. Именно ему поэт доверил ключевую философскую формулу, выражающую его собственное credo: «…Гений и злодейство – две вещи несовместные. Не правда ль?» [8, с. 131].

В трагедии существуют внутренние связи с евангельскими образами и сюжетами: неодолимая страсть зависти и злодеяние Сальери ассоциируются с Каином, убийцей Авеля, а слова Моцарта, поднявшего бокал с отравленным вином («За твое здоровье, друг…» [8, с. 130]), напоминают слова Христа в Гефсиманском саду, обращенные к Иуде: «Друг, зачем ты пришел?» Важно отметить, что в финале трагедии Сальери, прежде столь уверенный в своей правоте, остается с бурей вопросов в душе, которая потрясена догадкой, что прав не он, а Моцарт: несовместимы гений и злодейство, и «не был убийцею создатель Ватикана» [8, с. 132]. И он, Сальери, гордившийся своим злодеянием, – не гений.

Характерно, что на Западе очень болезненно воспринимают именно эту маленькую трагедию Пушкина: создаются сальериевские общества; к одной из юбилейных пушкинских дат на канале BBC прозвучала передача, участники которой, один за другим, занимались апологетикой Сальери. Передача шла исключительно на фоне его музыки…

В нашей гуманитарной науке нет единого взгляда на вопрос о причастности Сальери к отравлению Моцарта; на сей счет существует обширная литература с противоречивыми суждениями. Наиболее значимое, насыщенное фактами и документами, научно выверенное исследование данной проблемы было осуществлено в недавнее время ведущим сотрудником Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) В. Е. Ветловской [2].

…Когда П. А. Катенин упрекнул Пушкина в предвзятом отношении к Сальери, тот напомнил ему, что на премьере оперы Моцарта «Дон Жуан», состоявшейся в 1787 г., среди восторженных аплодисментов раздался свист. Свистел Сальери. Если он мог освистать гениальную оперу, считал поэт, то мог быть причастен к убийству ее создателя.

Следующая пушкинская трагедия посвящена главному герою упомянутой моцартовской оперы. История Дон Жуана стала бродячим сюжетом европейской литературы и одним из главных мифов Нового времени. У героя был реальный прототип. Дон Хуан Тенорио жил в XIV столетии, был рыцарем Ордена подвязки при короле Педро Жестоком. По преданию, он убил командора Ордена, вступившегося за честь своей дочери. Впоследствии монахи-францисканцы заманили Дона Хуана в монастырский сад и расправились с ним, пустив слух, что этот убийца и развратный безбожник якобы уничтожен статуей командора.

Одной из первых литературных обработок данного сюжета была пьеса известного испанского драматурга Тирсо де Молина, написанная в 1630 г. «Тирсо де Молина изображает своего героя стремительным, буйным, чувственным, мужественным, ветреным, отдающимся наслаждениям минуты. От начала и до конца он целиком во власти своих инстинктов» [6, с. 343]. На его примере можно увидеть, как ренессансное раскрепощение человеческой личности, в конечном счете, привело к ее разрушению.

Потом сюжет перекочевал в Италию, далее – во Францию, Австрию, Германию и Англию. Сначала в образе героя европейского мифа преобладали комедийные краски. Затем Мольер углубил и укрупнил этот образ, показав его циничным аристократом, безнравственной личностью. Романтики, прежде всего Байрон, напротив, возвысили героя, – как

они считали, он осмелился бросить вызов ханжеской морали общества.

Пушкин разрабатывает бродячий европейский сюжет по-новому. Его Дон Гуан – не просто человек, одержимый любовной страстью. Он – *художник страсти*. Неслучайно в начале пьесы, в разговоре со слугой Лепорелло, Дон Гуан упоминает об одной из прежних своих возлюбленных Инезе. Она не была кокеткой, эта женщина с глубокими грустными глазами, и Дон Гуан, опытный соблазнитель, долго и упорно добивался ее взаимности:

Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвелых губах. Это странно.
Ты, кажется, ее не находил
Красавицей. И точно, мало было
В ней истинно прекрасного. Глаза,
Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб – как у больной, –
Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

[8, с. 136–137].

В данном случае видно, что Дон Гуан мог заглянуть в глубину женской личности, понять и оценить ее внутреннюю красоту. Он что-то искал в женщинах…

Совсем иной является Лаура, еще одна возлюбленная Дон Гуана и в некотором отношении, его alter ego в женском образе. Это молодая актриса. Мы видим ее после удачного спектакля, в тесной толпе поклонников. По их просьбе она поет – и вызывает общий восторг. Ее спрашивают, чьи слова прозвучали в исполненной песне. Она отвечает: «Дон Гуана … Их сочинил когда-то мой верный друг, мой ветреный любовник» [8, с. 142]. Таким образом, наделив героя поэтическим даром, Пушкин максимально приблизил его к себе. И страсти, которым подвержен герой, были ему хорошо знакомы.

Но вернемся к Лауре. Она выпроваживает всех, оставив у себя Дона Карлоса, брата убитого Гуаном Командора, который резко выбранил и ее, и Дон Гуана, услышав из ее уст это ненавистное имя. Лауре пришлась по душе его горячность: «Ты, бешеный! останься у меня. Ты мне понравился; ты Дон Гуана напомнил мне, как выбранил меня и стиснул зубы с скрежетом» [8, с. 143]. Далее между ними происходит диалог, на который следует обратить внимание. Дон Карлос, человек с немалым жизненным опытом, пытается заставить Лауру задуматься о том, что будет с ней, когда красота ее увянет, слава померкнет, а толпа поклонников поредеет. Она искренне недоумевает: «Тогда? Зачем об этом думать?». Она живет одним днем, одним мигом, поэтому на вопрос Дон Карлоса, сильно ли она любит Дон Гуана, Лаура с непосредственным удивлением отвечает, что это невозможно, когда Дон Карлос здесь: «Мне двух любить нельзя» [8, с. 144]. Но появляется Дон Гуан, и она, тут же забыв о госте, бросается ему на шею. Миг-в-настоящем. Эгоистический гедонизм, стремящийся взять от жизни все и сразу, наслаждаться, не помня прошлого и не думая о будущем. Это еще одна, очень характерная для человека Нового времени, его мировоззренческая позиция.

Дон Гуан в данном отношении даже превзошел свою легкомысленную возлюбленную: убив на поединке Дона Карлоса, он намерен, не теряя времени, продолжить любовное свидание, несмотря на то, что рядом находится еще не остывшее тело убитого им человека. Это запредельный цинизм, невозможный в прежние времена, когда тайна смерти вызывала в людях невольный священный трепет. Данный поступок Дон Гуана предваряет и объясняет его дерзкое приглашение статуе Командора постоять на часах во время свидания героя с Донной Анной. Основой такого поведения является кощунственное безбожие. Еще один вызов Небу…

Каким было отношение Дон Гуана к Донне Анне? Очередное мимолетное увлечение – или более серьезное чувство? В пользу второй версии говорит то, что, назвавшись сначала Доном Диего, герой во время свидания, рискуя всем, называет свое настоящее имя: тот, кто любит, желает, чтобы в ответ любили именно его, а не вымышленного другого. Так же ведет себя, между прочим, и Лжедмитрий в пушкинской трагедии «Борис Годунов»: будучи по-настоящему влюбленным и стремясь к взаимности, он идет на предельный риск, раскрыв правду о себе «полячке гордой».

В таком случае, наказание героя смертью от пожатья «каменной десницы» Коман-

дора оказывается для него особенно суровым: находясь совсем близко от счастья, он лишился его, и лишился неслучайно. Возможно, ему был дан особый дар любви, но он разменял этот великий дар на мелкую монету. Единственность большого чувства подменил множественностью пошлых похождений – и потерял право на счастье.

М. М. Дунаев обращает внимание на то, что «Каменный гость» писался Пушкиным накануне женитьбы. Поэт оглядывается на прошлую жизнь, на прежние увлечения, сожалеет о былой игре страстей и задается вопросом: что ждет его впереди. «Готовясь к повороту в своей судьбе, Пушкин осмыслял в Болдине трагическую участь Дон Гуана» [5, с. 270]. Осмыслял пророчески.

В Москве тем временем бушевала эпидемия холеры. Рассчитывая пробыть в нижегородском имении недели две, Пушкин из-за холерных карантинов задержался там на два с половиной месяца, и этому обстоятельству мы обязаны появлением шедевров Болдинской осени. Эпидемия, скорее всего, послужила толчком для замысла «Пира во время чумы». В этой последней маленькой трагедии художественно воссоздана «пороговая ситуация» человека, находящегося перед лицом смерти.

Новое время породило человека сомневающегося. Прежде всего, он сомневается в своем бессмертии. Открытия науки и доводы собственного скептического ума для него гораздо убедительнее догматов веры. Однако тем сильнее, неотразимей и непобедимей оказывается главный враг человека – Смерть. Что может он противопоставить ей, особенно когда она приходит в его город, его дом в образе жуткой и могучей Чумы и «льстится жатвою богатой»? Ничего, кроме разве что дерзкого вызова, насмешливого хохота в безносое лицо: ты пугаешь, а нам не страшно. Может быть, и страшно, но этого нельзя показывать.

И вот на опустевшей улице небольшого английского городка накрыты столы и идет веселый пир: молодые люди провожают первого выбывшего из их круга. Один, подняв бокал, напоминает, каким весельчаком и балагуром был покойник, и призывает проводить его звоном бокалов и веселыми возгласами. Председатель пира Вальсингам предотвращает это кощунство, предложив молча выпить в честь умершего. Он старше, опытнее, неизмеримо глубже окружающих юнцов и девиц. Зачем он оказался среди них?

Пока мы не знаем тайны его личности и судьбы, она открывается постепенно.

Вальсингам просит шотландку Мэри спеть грустную песню ее родины, и она поет бесхитростную и трогательную песню о такой же беде, когда-то опустошившей ее родную сторону. Героиня песни – девушка, понявшая, что чумное дыхание смерти коснулось и ее. Но думает она не о себе, а о любимом человеке, и торопится предупредить его об опасности, молит держаться подальше от себя и даже на похоронах – от ее гроба. Песня жертвенной женской любви заканчивается словами:

И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах

[8, с. 169].

На слова этой песни Георгий Свиридов написал гениальную музыку; недавно в его архиве найдены другие номера к спектаклю по пушкинской трагедии, посвященной предстоянию человека перед смертью и бессмертию любви.

В «Пире во время чумы» у Мэри есть соперница, Луиза, которая в приступе ревности начинает грубо поносить «слезливую песню» и ее исполнительницу. Вдруг на улице появляется телега, доверху наполненная трупами. Среди наступившего гнетущего молчания Луиза падает в обморок, и Вальсингам произносит знаменательные слова: «Нежного слабей жестокий» [8, с. 170]. Он просит Мэри позаботиться о подруге. Именно тогда, желая поднять дух молодых людей, потрясенных тяжелым зрелищем, и не дать им сломаться перед лицом Противника, он бросает этому Противнику вызов – поет знаменитый гимн Чуме. Гимн звучит совсем иначе, чем песня Мэри: в бодром маршевом ритме. Он полон сильных и смелых образов. Пушкин написал его в жанре мнимых «похвал», характерных для литературы позднего Северного Ренессанса (в этом жанре написана, например, знаменитая «Похвала глупости» Эразма Роттердамского).

Итак – хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье,
Бокалы пеним дружно мы,
И Девы-Розы пьем дыханье –
Быть может... полное Чумы

[8, с. 171–172].

Гимн Чуме – это бунт против нее, это попытка доказать, что ее ужас можно преодолеть силой иронии и смеха, а ее непобедимость победить силой ума и духа. Однако самая последняя строка Гимна звучит отрезвляюще…

Режиссер Михаил Швейцер, в 1980-е гг. экранизировавший «Маленькие трагедии» в телевизионном цикле с великолепным актерским составом, изменил композицию пушкинского «Пира…», сделав Гимн Чуме кульминацией финала и на нем кончив фильм. Тем самым он хотел представить бунтарский Гимн как апофеоз человеческого духа.

Но у Пушкина не так. После Гимна начинается главное. Появляется Священник. Зрелище пирующей компании среди всеобщего бедствия, горя и слез вызывает его естественную реакцию: «Безбожный пир, безбожные безумцы!». Он стремится разогнать пирующих: «Ступайте по своим домам». Председатель бросает в ответ краткую, но многозначительную реплику: «Дома у нас печальны – юность любит радость» [8, с. 172]. Он словно объясняет, почему находится среди этой пирующей молодежи: чтобы поддержать, не дать сломаться. Ведь именно в юности, под вызывающей маской фрондерства, могут скрываться одиночество, растерянность и боль. Автор «Маленьких трагедий» это хорошо знал. Но Священник все еще пребывает праведном гневе. Он потрясен, увидев здесь Вальсингама, семью которого, должно быть, давно и хорошо знал. И он делает все, чтобы вырвать этого человека из гибельного, как ему представляется, окружения. Со стороны Председателя следует ответная ироничная отповедь: «Признаю усилья меня спасти… Старик, иди же с миром. Но проклят будь, кто за тобой пойдет» [8, с. 173]. Но старик-священник и не думает отступать. Он продолжает борьбу за гибнущую душу, напомнив Вальсингаму, как еще недавно тот рыдал у гроба умершей матери. Председатель непреклонен и продолжает гнать непрошеного гостя. И тогда старый пастырь применяет самое сильное средство: «Матильды чистый дух тебя зовет!» Он напомнил духовному сыну об умершей жене, с которой его связывала, как видно, великая и неугасимая любовь. Это был удар, в результате которого с глаз Вальсингам словно упала завеса, он духовно очнулся и увидел действительную бедственность и гибельность своего положения: «Где я? Святое чадо света! Вижу тебя я там, куда мой падший дух не досягнет уже» [8, с. 173].

Здесь Пушкин делает поразительное открытие: человек Нового времени может усилием духа и воли побороть страх смерти. *Но гораздо более смерти он боится бессмертия*. Так было с Гамлетом («Какие сны в том смертном сне приснятся?»). Так происходит с Вальсингамом, которого более всего мучает тайная мысль, что его нравственное падение не позволит ему в Вечности встретиться с любимой женой. Но… «Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах». Песня Мэри прозвучала в трагедии неслучайно. Она дает надежду сверх всякой надежды. Возможно, там, в небесах, «Матильды чистый дух» предстательствует за мужа. И это уже христианская тема бессмертной любви и высшей милости.

Поразителен финал последней пушкинской трагедии. Из этого столкновения оба – и Священник, и Вальсингам – вышли во многом другими людьми. Каждый что-то очень важное понял. И Вальсингам уже не гонит назойливого «старика», а молит любящего и дорогого человека: «Отец мой, ради Бога, оставь меня». И Священник, бросив читать мораль перед открывшейся ему бездной отчаяния и боли, благословляет и просит прощения: «Спаси тебя Господь; Прости, мой сын». Духовная вертикаль восстановлена. Там, на Небе – Отец и Сын и Дух Любви. Здесь, на земле – прошедшее через крестную муку, восстановленное в человеческих сердцах любящее отцовство и сыновство, светлое отражение Святой Троицы.

В конце трагедии – гениальная ремарка: «Пир продолжается. Председатель остается погруженным в глубокую задумчивость». В нем идет невидимая духовная работа. К ней призваны и мы, среди всемирного Пира во время Чумы, происходящего на наших глазах.

Olga B. SOKUROVA

Spiritual Problems of the New European Man in The Little Tragedies by Alexander Pushkin

Abstract. This article studies the spiritual problems found in *The Little Tragedies* written by Pushkin during the Boldino autumn of 1830. In this dramaturgic collection, the poet undertakes a brilliant creative exploration of the main passions of the new European man. The passions are avarice (*The Miserly Knight*), pride, envy (*Mozart and Salieri*), philandering (*The Stone Guest*), cynical attitude toward death and fear of immortality (*A Feast in Time of Plague*). Each of these tragedies is based on a Western European literature source which the poet reinterprets in the light of the Orthodox cultural tradition.

The conciseness of the form and the "creative economy of the thought", so typical for *The Little Tragedies,* make the methodology of the research quite complex. Academician A.A. Potebnya called this phenomenon "concentration of the thought in a word". The explanation of these thoughts that carry the energy of the prophetic revelations is only possible through a detailed analysis of the text and an integrated representation of the philosophical and aesthetic problems of the New Age Europe, its religious trends and progress of science. In addition to professionalism, understanding of the problems of *The Little Tragedies* requires serious spiritual work, the most demanding type of human activity. It appears that such high-level publications began to be produced at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries and continue to grow in numbers in our days. This article includes links to the works by V.S. Nepomnyashchiy, I.M. Andreev, V.E. Vetlovskaya, Yu.K. Rudenko, B.N. Tarasov, who are researchers making way in the most needed direction of Russian Pushkin studies. At the same time, the author of this article is attempting to make her own contribution in the research of Pushkin.

Each part of Pushkin's dramaturgic collection is studied in turn. A complex culturological method is used; textual and psychological analysis, in addition to philosophical and theological knowledge, is applied.

The article contains new observations of *The Little Tragedies* characters and their motivations. The characters dear to Pushkin but interpreted superficially up until now (Alber, Mozart, Don Giovanni, Valsingam) are paid a special attention to. Internal connections of *The Little Tragedies* and the Gospel are revealed. The cardinal change of values in the transition from the Middle Ages to the New Age is noted. The article shows that the passions that manifested themselves the most in the new European society were determined by its condition of apostathy. The author concludes that in each tragedy man opposes not only another man within the horizontal measurement of the earthly life, but also the Heavens, vertically. However, while in the first tragedy (*The Miserly Knight*) the horizontal line of earthly being crosses out the vertical line of the Law of God, at the end of the last tragedy (*A Feast in Time of Plague)* the vertical line is restored.

The research testifies that Pushkin in this brilliant collection outlines solutions of the problems that remain timely and extremely important for the modern man.

Keywords: Alexander Pushkin, *The Little Tragedies*, New Age, personality type of the new European man, antagonist heroes, dispute between man and Heaven, Pushkin's interpretation of European literary sources, Russian cultural and religious tradition.

Использованная литература:

1. Андреев И. М. Русские писатели XIX века. М.: Российское отделение Валаамского общества Америки, 1999.

2. Ветловская В. Е. Драма А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери»// Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию проф. И. Я. Фроянова. М.: изд-во «Парад», 2006. С. 441–501.

References:

1. Andreev, I.M. (1999) *Russkie pisateliXIXveka* [Russian writers of the 19th century]. Moscow: Rossiyskoe otdelenie Valaamskogo obshchestva Ameriki.

2. Vetlovskaya, V.E. (2006) Drama A. S. Pushkina "Motsart i Sal'eri" [A.S. Pushkin's drama "Mozart and Salieri"]. In: Alekseev, Yu.G., Degtyarev, A.Ya. & Puzanov, V.V. (eds) *Issledovaniya po russkoy istorii i kul'ture: sb. st. k 70-letiyu prof. I. Ya.*

3. Ветловская В. Е. Проблема Нового времени в понимании А. С. Пушкина: тема денег в трагедии «Скупой рыцарь» // Литература и история. Вып. 2. СПб: ИРЛИ, 1997. С. 60–92.

4. Ветловская В. Е. Из комментариев к драме А. С. Пушкина «Каменный гость» («Мой Лепорелло, завтра приготовь...») // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской: В 2 т. М.: изд-во «Индрик», 2015. Т. 2. С. 554–564.

5. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 5 ч. Ч. 1. М.: Христианская литература, 1996. С. 251–252.

6. История западноевропейского театра: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1956.

7. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. М.: Советский писатель, 1987. – 448 с.

8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1977.

9. Руденко Ю. К. Диалог культур: Трагедия А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» // История и культура. Вып. 13. СПб., 2015. С. 65–91.

10. Свиридов Г. В. Музыка как судьба / сост. А. С. и В. С. Белоненко. М.: Молодая гвардия, 2017.

11 Тарасов Б. Н. Куда движется история? (Метаморфозы людей и идей в свете христианской традиции). СПб: Алетейя, 2001. – 348 с.

12. Alexander Pushkin's "Little Tragedies": The poetics of brevity / Ed. by S. Evdokimova. Madison:University of Wisconsin Press, 2003.

Froyanova [Studies in Russian history and culture: Collection of articles on the 70th anniversary of Prof. I.Ya. Froyanov]. Moscow: Parad.

3. Vetlovskaya, V.E. (1997) Problema Novogo vremeni v ponimanii A. S. Pushkina: tema deneg v tragedii "Skupoy rytsar'" [The problem of the New Age in A. Pushkin's interpretation: The theme of money in the tragedy "The Miserly Knight"]. *Literatura i istoriya*. 2. pp. 60–92.

4. Vetlovskaya, V.E. (2015) Iz kommentariev k drame A. S. Pushkina "Kamennyy gost'" ("Moy Leporello, zavtra prigotov'...") [From the commentaries to A. Pushkin's drama "The Stone Guest" ("My Leporello, yes, tomorrow!")]. In: Romodanovskaya, V.A., Silant'ev, I.V. & Titova, L.V. (eds) *Krugi vremen: V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy: V 2 t.* [Circles of time: In memory of Elena Romodanovskaya: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Indrik. pp. 554–564.

5. Dunaev, M.M. (1996) *Pravoslavie i russkaya literatura: V 5 ch.* [Orthodoxy and Russian Literature: In 5 parts]. Pt. 1. Moscow: Khristianskaya literatura. pp. 251–252.

6. Mokul'skiy, S.S. (ed.) (1956) *Istoriya zapadnoevropeyskogo teatra: V 2 t.* [History of the Western European Theater: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.

7. Nepomnyashchiy, V.S. (1987) *Poeziya i sud'ba. Nad stranitsami dukhovnoy biografii Pushkina* [Poetry and Fate. Above the pages of Pushkin's spiritual biography]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

8. Pushkin, A.S. (1977) *Polnoe sobranie sochineniy: V 10 t.* [Complete Works: In 10 vols]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.

9. Rudenko, Yu.K. (2015) Dialogue of Cultures in the Little Tragedy "Mozart and Salieri" by A. S. Pushkin. *Istoriya i kul'tura.* 13. pp. 65–91. (In Russian).

10. Sviridov, G.V. (2017) *Muzyka kak sud'ba* [Music as fate]. Moscow: Molodaya gvardiya.

11. Tarasov, B.N. (2001) *Kuda dvizhetsya istoriya? (Metamorfozy lyudey i idey v svete khristianskoy traditsii)* [Where is history going? (Metamorphoses of people and ideas in the light of the Christian tradition)]. St. Petersburg: Aleteyya.

12. Evdokimova, S. (ed.) (2003) *Alexander Pushkin's "Little Tragedies": The poetics of brevity*. Madison: University of Wisconsin Press.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Сокурова, О. Б. Духовные проблемы новоевропейского человека в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина [Электронный ресурс] / О. Б. Сокурова // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 23-33. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Sokurova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Sokurova, O. B. (2019) Spiritual Problems of the New European Man in The Little Tragedies by Alexander Pushkin. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 23-33. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Sokurova.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна
доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела комплексных
проблем изучения культуры Российского научно-исследовательского
института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия
Elena Yu. TRETYAKOVA
Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Department for Complex Problems
of Cultural Research, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russian Federation
drevo_rechi@mail.ru

УДК [008:091.5]:821.161.1-043.86
ГРНТИ 13.09
ВАК 24.00.01

Символика обновления литературного процесса в пушкинских рукописях 1830 года

The Symbolism of Literary Process Renewal in Pushkin's Manuscripts of 1830

На примере характерного для пушкинской графики мотива ветвей и деревьев, утративших листву и обретающих новую крону, в статье прослежен комплекс символов, отразивший мысли поэта о кризисе и обновлении литературного процесса. Такому обновлению служили написанные в Болдине главы романа в стихах «Евгений Онегин», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина». Не мог ли Пушкин в ряду причастных к этому смысловому пласту символов изобразить Ивана Петровича Белкина? Анализ загадочных в плане бесспорной и точной атрибуции графических рисунков показывает, что таких «портретов», по крайней мере, два. Один включен в символическое триединство повествователь – автор – читатель (на датированном весной-летом 1930 г. листе с началом первой фразы «Барышни-крестьянки» профиль Белкина дублирует находящийся непосредственно за ним профиль светло и радостно улыбающегося Пушкина). Другой – голова Белкина над письменным столом болдинского рабочего кабинета, нарисованная в знак успешной реализации задуманного цикла повестей. Обосновываемая автором статьи гипотеза оспаривает версию А. М. Эфроса и Р. О. Якобсона, считавших, что Пушкин на листе, датируемом началом ноября 1830 г., нарисовал гипсовый античный бюст.

Ключевые слова: пушкинские рукописи 1830 г., рисунки Пушкина, рукописные портреты, обложки и иллюстрации к собственным произведениям, изображения персонажей, кризис и обновление литературного процесса, «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «Евгений Онегин».

Исследователям пушкинского рукописного наследия нередко удавалось найти в графических зарисовках поэта ключ к процессу рождения текстов. А. М. Эфрос [8, с. 31] афористично назвал рисунки поэта мостом между графикой слова и графикой образа, отметив, что роскошная виньетка-петух вокруг заглавия «Истории села Горюхина» и арабески птиц в черновике отрывка «Осень» не были механическим упражнением руки.

По сути, ту же функцию выполняют и спиралевидные росчерки, связующие между собой текстовые и графические элементы целого ряда графических композиций, в составе которых присутствуют изображения деревьев, утративших листву и обретающих новую крону. По этим росчеркам можно наблюдать, как перо поэта выхватывало из потока творческой интуиции и заносило на бумагу нечто служащее не изяществу внешней отделки, а единству многогранно реализованного умозрения.

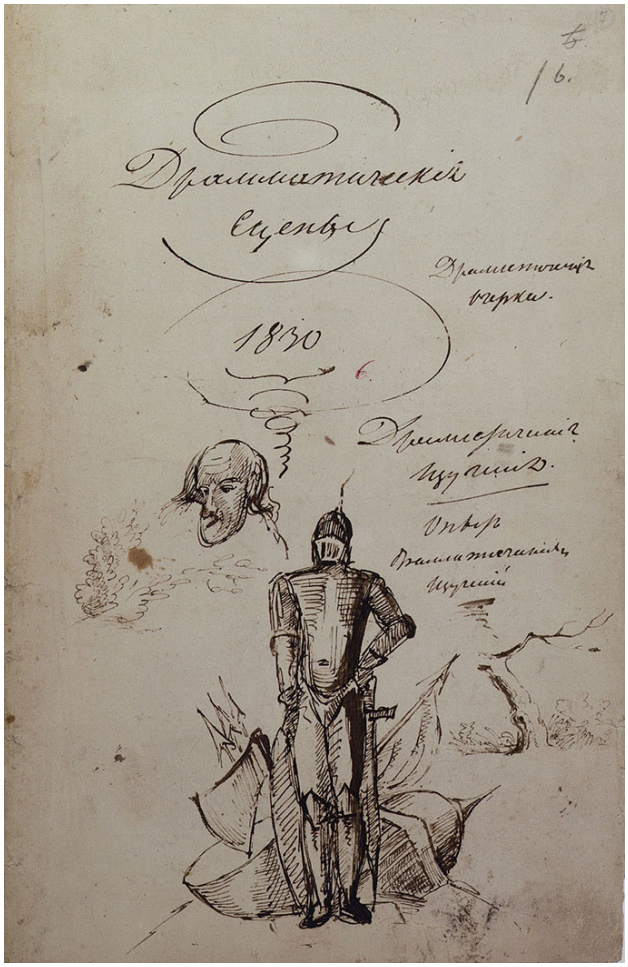


Рис. 1. Обложка рукописи маленьких трагедий

В данной статье на примере вензельных вставок между текстовыми и графическими элементами, варьирующими один из характерных пушкинских мотивов: деревья, утратившие прежнюю листву, но обретающие новую крону, мы рассмотрим, как в рукописях 1830 г. визуализированы мысли Пушкина о текущей журнально-издательской практике, раздумья о судьбах отечественного и мирового литературного процесса.

Начнем с зарисовки, которой оформлена обложка тетради драматических сочинений, которые тогда еще не назывались «Маленькими трагедиями» (Рис. 1).

На этой обложке (ПД № 1621, л. 1) видим другие формулировки названия. Их несколько. Сначала поэт написал «Драмматическія сцены, 1830», обвел это красивыми округлыми росчерками и изобразил по центру листа рыцаря в полном боевом облачении. Затем центральная композиция получила развитие: перебирая слова (изучения, опыт изучений, очерки), чтобы уточнить суть творческого задания, Пушкин занес на правую сторону листа еще несколько вариантов: «Драмматическія изученія», «Опытъ драмматическихъ изученій», «Драмматическія очерки» — и небольшой виньеткой соединил их с пририсованным внизу кряжистым обломком дерева, на единственной ветке которого колеблется последний не оборванный бурями листок. В совокупности получилось подобие кроны, возникающей над разрушенным древесным стволом. В левой части листа тоже возникло дополнение, усиливающее наглядность философской установки вырастить новую молодую крону,— портрет пожилого мужчины, задумчиво глядящего на пышную ветку дерева. Округлый лысый лоб и ниспадающие до плеч волосы делают этого мыслителя похожим на Шекспира.

Обложка нарисована в начале ноября 1830 г. (первая декада, не ранее 8-го). И непосредственно за ней следует лист с предположительным списком включаемых в драматический цикл произведений. Но помимо списка на этом листе присутствует зарисовка стола с рукописями и обстановки рабочего кабинета (Рис. 2).

Мы подробно поговорим о содержании этого рисунка, поскольку считаем, что Алек-

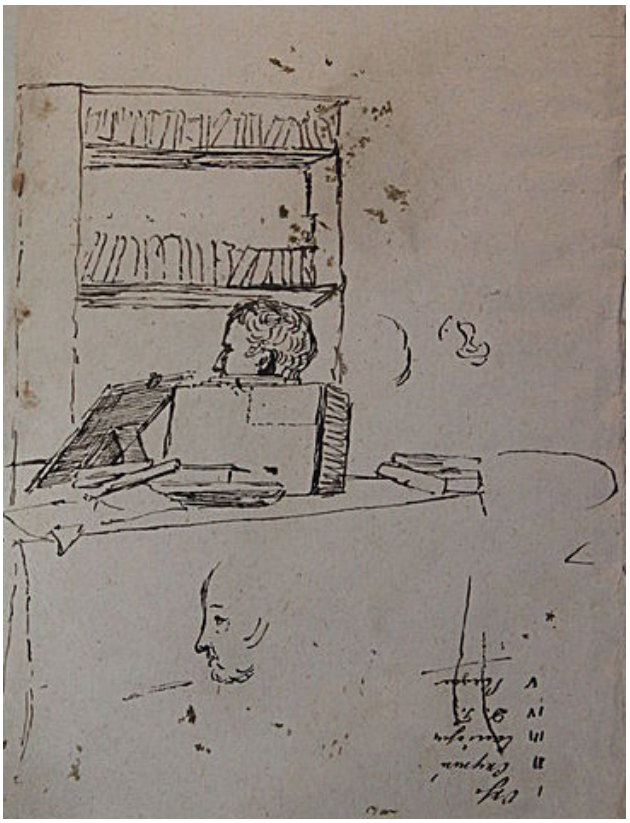


Рис. 2. Рабочий кабинет в Болдино. Рисунок Пушкина (ноябрь 1830).

сандру Сергеевичу было важно зафиксировать не интерьер, а того, кто был создан в болдинском рабочем кабинете. Главным шагом к обновлению литературного процесса Пушкин и его единомышленники считали создание новой повествовательной прозы. Создавая в болдинском уединении первые образцы такой беллетристики, Пушкин писал эти тексты от имени смиренного повествователя — Ивана Петровича Белкина. Гипотеза о том, что в интерьере рабочего кабинета нарисован не кто иной, как Белкин, позволяет оспорить известную до сих пор интерпретацию состава и смысла этой графической композиции.

До настоящего времени аксиоматичной считалась иная версия: в интерьере кабинета Пушкин нарисовал античный бюст. Она изложена А. М. Эфросом в книге «Рисунки Пушкина» (1833).

«Угол кабинета: письменный стол с античным бюстом, рукописями, книгами и т. п.; книжная полка; внизу — начатый портрет П.°В.°Нащокина. Чернила; 22 х 23 см. Л. Б. Рукопись N°2376°А, лист 19/2.

– Изображение рабочей комнаты, единственное среди рисунков Пушкина, заслуживает тем более внимания, что ряд подробностей свидетельствует о бытовой верности рисунка: это, в самом деле, зарисовка, сделанная не наизусть, не на память, а закрепляющая пером то, что сейчас находится перед глазами. Пушкин тщательно прочерчивает контуры предметов, передает их взаимное расположение, наносит и выправляет светотени, останавливается даже на мелочах, вроде уголка страницы, свисающей со стола, бумаг, неровно высовывающихся из ящика, кольца на рамке с откидной подставкой; в особенности он старается над античным бюстом, который дается ему не сразу, потому что сложные округлости скульптуры трудно сочетаются с прямыми плоскостями книг, ящика, стола и пр. В этом отношении рисунок много более прихотлив, нежели простое, почти схематическое изображение окна и куска стола в спальной кишиневского жилища Пушкина … Какую из своих рабочих комнат зарисовал здесь Пушкин? Ответ зависит от датировки рисунка. Она определяется перечнем произведений, нанесенным на эту же страницу. Он связан с болдинским сиденьем. Таким образом, перед нами кабинет в Болдине, где знаменитой осенью 1830 года Пушкин писал “Драматические сцены”, “Домик в Коломне”, “Повести Белкина” и пр. Под рисунком, несколько отступя, есть еще мужской профиль. Он брошен неоконченным,— нанесена только линия профиля, глаза, бакены, идущие под подбородок; все же и в таком виде набросок позволяет определить, кого начал зарисовывать Пушкин: в рисунке можно узнать П. В. Нащокина. Подтверждением этому служат и косвенные данные: мысли Пушкина были в эту пору заняты Нащокиным довольно усердно,— о нем говорит болдинское письмо к А. Н. Верстовскому, в холерную Москву: “…Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-впервых — потому что он мне должен; 2) потому что я надеюсь быть ему должен; 3) что если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, т. е. умного и дружеского. И так пускай он купается в хлоровой воде, пьет мяту — и по приказанию графа Закревского не предается унынию (для

сего нехудо ему поссориться с Павловым, яко с лицем уныние наводящим)…"

– Рисунок находится на странице, содержащей написанный в обратном направлении перечень пяти произведений болдинского периода: "I Окт.— II Скупой — III Салиери — IV Д. Г.— V Plaque". Это расположение рисунка, противоположное тексту остальной рукописи, свидетельствует, что изображение нанесено не в один прием с перечнем, а скорее вместе с титульной страницей "Драматических сцен", ибо оно сделано на развороте смежного листа.— Датируется рисунок, соответственно изложенному выше, осенью, вероятнее всего — ноябрем 1830 года, в Болдине» [8, с. 439].

Как видим, А. М. Эфрос, ища доказательства того, что на крае скатерти начертан профиль Павла Воиновича Нащокина, сосредоточился именно на этом. Мысль, что на столе стоит гипсовый или мраморный бюст, казалась ему не вызывающей никаких сомнений. Эту мысль повторил и Р. О. Якобсон в написанной им к 100-летию смерти поэта работе «Статуя в поэтической мифологии Пушкина»: «классический скульптурный бюст… старательно выписанный в наброске, изображающем уголок пушкинского кабинета» [9, с. 161]. Соответствующая версия предметно воплощена в экспозиции Большого Болдина: «уголок кабинета воссоздан по рисунку самого поэта… Здесь и гипсовый бюст, и полка с книгами, и рукописи, и ящик для бумаг», — читаем на сайте музея [1].

По расположению предметов музейной экспозиции (Рис. 3) нетрудно заметить, что точного соответствия пушкинскому рисунку достичь не удалось. Бюст размещен в центре стола, между задним краем зеркала (у Эфроса этот предмет назван «кольцо на рамке с откидной подставкой») и находящимся левее коробом для бумаг, причем скульптура развернута вбок, а не лицом к книжным полкам. Несовпадения свидетельствуют о том, что версия о статуэтке в античном стиле неверна по целому ряду причин. У гипсового изваяния должна быть солидная опора, на малом угловом краешке оно не удержится (в музейной экспозиции бюст занимает центр стола). На рисунке Пушкина голова будто бы вырастает из поме-

Рис. 3. Экспозиция рабочего кабинета Пушкина в Болдинском музее-заповеднике (современная фотография, сайт kraeved1147.ru)

щенной в короб стопки исписанных листов: он начинал рисовать округлый затылок правее, но, в конце концов, совместил расположение головы и короба с бумагами. Самое главное возражение вытекает из вопроса: к чему столь громоздкий предмет на скромном столике, где и без него тесно бумагам — листы рукописей разбросаны, сложены стопками, отчасти убраны в короб?

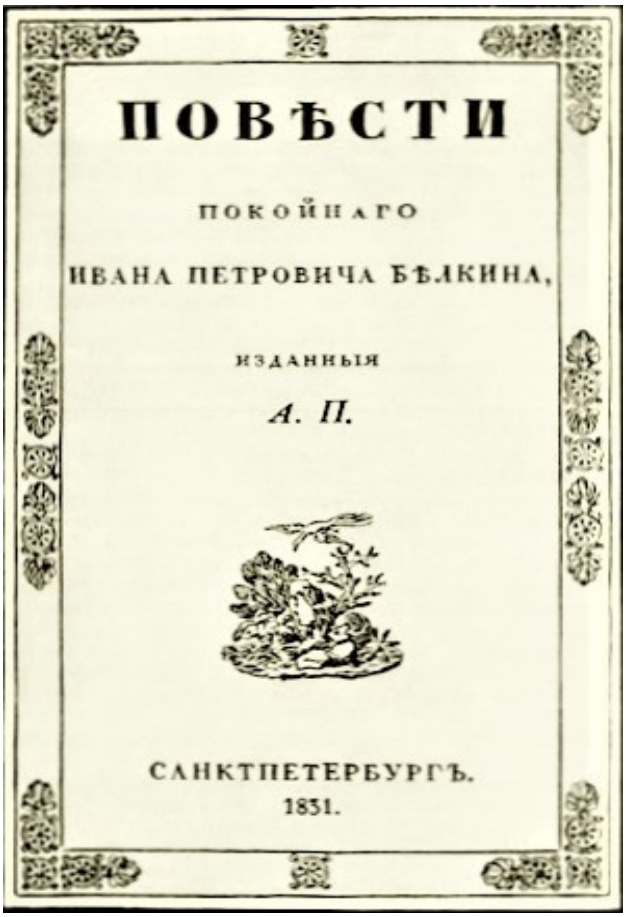
Перечислим, что мы видим на рисунке. На заваленном рукописями столе справа лежит пара книг, слева стоит зеркало (скорее всего, именно зеркало, а не какой-либо настольный портрет), посредине — короб для бумаг. У стены возвышается самодельный книжный шкаф, видны два верхних ряда полок, плотно заставленные книгами. Внизу, на уровне свисающего края скатерти, изображен не Нащокин, а Булгарин, что на основе портретного сходства доказала Т. Г. Цявловская [6, с. 243–256].

Фаддей Венедиктович смотрит исподлобья: как бы пытается подсмотреть за тем, что происходит в творческой лаборатории Пушкина. Булгарин явно смущен и озабочен. Чем? — Попробуем это продумать.

Болдинской осенью 1830 г. поэт деятельно готовил материалы для будущих номеров «Литературной газеты». Проза перемежалась со стихами, сказки с поэмами, финальные главы «Евгения Онегина» с записками критического и публицистического свойства. И работа отлично спорилась. Четвертого ноября при посылке Дельвигу шести новых стихотворений Александр Сергеевич отрапортовал: «Доношу тебе, моему владельцу, что … в замке твоем, “Литературной газете”, песни трубадуров не умолкнут круглый год. Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века, и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина» [3, т. 14, с. 121]. В шутливой браваде сквозило предвкушение победы. С тем же настроем, примерно в те же дни был нарисован роскошный петух вокруг заглавия «История села Горюхина». Бойцовский потенциал этого своеобразного памфлета на «Историю русского народа» Н. А. Полевого добавил к достигнутому в пяти новых повестях возможность полемизировать с соперниками, практически, безнаказанно — прячась под маской несведущего наивного простака.

При первой публикации повестей (1831) Пушкин назвал себя издателем сочинений автора дотоле публике неизвестного.

И в зарисовке рабочего кабинета (ПД № 1621, л. 2, об.) — над столом, за которым возник смиренный Белкин, изобразил, по нашему мнению, вовсе не гипсовую ста-


ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА,

ИЗДАННЫЯ

А. П.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1831.

Рис. 4. Первое издание «Повестей Белкина» (1831)

тую. Он запечатлел появление лица, совершенно нового в литературе, и зная, что подобное нововведение не обрадует соперников, пририсовал внизу, на скатерти, огорченную физиономию Фаддея Булгарина. Композиция так же тесно связана с замыслами Пушкина-реформатора, как и титульный лист маленьких трагедий (Рис. 4).

Затем поэт записал столбиком перечень пяти новых замыслов, в числе которых «Скупой» («Скупой рыцарь»), «Саліери» («Моцарт и Сальери»), «Д. Г.» (инициалы Дон Гуана —

«Каменный гость»), «Plaque» («Пир во время чумы»). Но, думая не о намеченном, а об уже сделанном, перевернул тетрадь и нарисовал вполне ясную для него композицию. Некто неизвестный смотрит на ряды книг в шкафу. Его взгляд объективен, как и отражение в развернутом лицом к книжным полкам зеркале. Обозреваемые книги одинаковы по размеру, и тем напоминают выпуски периодических изданий журнала либо альманаха.

Причем, этот неизвестный, скорее всего, зарисован Пушкиным не в первый раз. Судя по сходству прически и верхней части лица, портрет этого человека (профиль с разворотом вправо) присутствует и на более раннем рисунке 1830 г. Мы имеем в виду лист (ПД № 841, л. 81, об.), вверху которого осталась зачеркнутая строка: «В одной из южных губерний наших» — ранний набросок начала «Барышни-крестьянки». Под наплывом дум и чувств поэт отвлекся от текста и начертал вольно скомпонованную группу рисунков — графический шедевр и след минуты, когда мысли о бытовых заботах поглощены мыслями более высокого плана.

Рис. 5. Рисунок из раннего черновика «Барышни-крестьянки»

Центром композиции листа (Рис. 5), датируемого февралем-мартом или началом лета 1830 г., является тройной профиль: первым (ближе к читателю) виден некто неизвестный, за ним — довольно улыбающийся Пушкин, далее, в глубине листа,— задумчивый юноша. Прототип изображенного первым не найден (атрибуции отсутствуют), однако по совокупности характеристик нарисованный человек идеально соответствует портрету Белкина в «Истории села Горюхина»: серые глаза, русые волосы, нос прямой, лицом бел и худощав. Его голову, первую в составе утроенного мужского портрета, Пушкин выписал с особым тщанием, как и голову человека, смотрящего на книжные полки болдинского кабинета. Тщательность подтверждает программный характер рисунка: в обоих случаях изображено нечто несущее важную концептуальную нагрузку.

Наше утверждение о том, что неизвестный играет ключевую роль в двух композициях, нарисованных не спонтанно, а вполне осознанно, может быть подтверждено реконструкцией последовательности, в которой появлялись графические изображения на листе.

Чернила — писчий материал, позволяющий при внимательном рассмотрении установить, в какой очередности рисовались элементы композиции. В зарисовке уголка рабочего кабинета Пушкин набросал короб для бумаг, зеркало и свернутые в трубочку листы, лежащие между зеркалом и коробом. Затем подробно и основательно прорисовал возвышающуюся над коробом голову и, также основательно,— полки шкафа с книгами. Сердцевина задуманной композиции была готова. Далее быстрыми штрихами были обозначены квадрат стола с парой томиков, лежащих на краю. Проводя складки длинной скатерти, перо перечеркнуло имевшийся на листе перечень произведений. В момент создания рисунка Пушкин думал не о них и не об интерьере как таковом, а об осуществленном за болдинским рабочим столом замысле. Рисунок зафиксировал важную веху творческой лаборатории:

на полки книг смотрит некто вырастающий над рабочим столом, как бы выходя из пачки исписанных Пушкиным бумаг. Белкин — придуманное Пушкиным нововведение — огорчит, введет в растерянность Булгарина (вдобавок к готовой центральной композиции на краешке скатерти возник его профиль, взирающий на нечто непонятное и явно его расстраивающее).

Лист раннего черновика «Барышни-крестьянки», где автопортрет поэта вписан между абрисами двух других лиц, соответствует начальной стадии замысла. И на нем, судя по всему, визуализирована мысль о возможности укрыться за обликом смиренного повествователя. Не молодой и не старый человек, нарисованный вровень с Александром Сергеевичем, внимательно смотрит в ту же сторону, куда смотрит поэт. Кто изображен в добрососедстве со своим создателем? Не тот ли, кто осенью получит имя Иван Петрович Белкин?

О третьем, нарисованном за первыми двумя, мужском профиле Л. Ф. Керцелли писала, что это старший сын Прасковьи Александровны Осиповой [3], исходя из свидетельств о том, что Пушкин испытывал ревность к Алексею Вульфу, влюбленному в Анну Керн. Тут легко возразить: юноша погружен в сосредоточенное раздумье, а Пушкин на данном автопортрете полон светлых безмятежных чувств. И в целом на рисунке господствуют символы живого обновления. Протуберанцем увенчивающие голову счастливо улыбающегося Пушкина побеги соответствуют купам зелени в двух пейзажных набросках, а также узору цветущих ветвей на кайме платья очаровательной героини. Счесть притягивающую взоры даму героиней «Барышни-крестьянки» вполне логично, хотя ранее назывались конкретные прототипы в рост со спины нарисованной молодой красавицы (А. П. Керн, Н. Н. Гончарова, А. И. Трувеллер [2, с. 282]).

Тройной профиль выступает как знак триединства повествователь — автор — читатель (все трое поглощены предметом повествования). И первый из трех портретируемых, тот, за кем укрыт торжествующий, светло радующийся автор, знаменует собой повествовательную манеру, свободную от репрезентации чьих-либо индивидуальных интересов.

Понимая преимущества такой повествовательной манеры для обновления сил литературы, Пушкин осознанно ставил перед собой задачу создать соответствующего повествователя, и в болдинском уединении успешно осуществил задуманное. При создании «Гробовщика», «Станционного смотрителя», «Выстрела», «Барышни-крестьянки», «Метели» за письменным столом возник некий участник творческой лаборатории, появлению которого Пушкин был искренне рад. Этот некто буквально вырастал из короба с рукописями.

В отличие от античного бюста, Белкин может разместиться и над столом, между столом и рядами книг на полках (наметки пера показывают, что, начав было рисовать голову чуть правее, Пушкин в конце концов расположил ее так, чтобы она выходила прямо из стопки сложенных в короб бумаг). Это, одно из важнейших, достижений Болдинской осени Пушкин и нарисовал в обители своих уединенных трудов (однако до сих пор исследователи истолковывали это как голову скульптуры, античной статуэтки, а не голову Ивана Петровича Белкина).

Опробовав возможности смиренного повествования не только в беллетристике, но и в памфлете «История села Горюхина», Александр Сергеевич убедился, что белкинская призма письма пригодна для разных родов прозы; она значительно усилит позиции аристократии талантов в борьбе с рутиной и посредственностью, привлечет на сторону «Литературной газеты» образованных молодых читателей.

Такую перспективную молодежь он знал по «Московскому вестнику» (братья Киреевские, Николай Языков, Алексей Вульф,— облик молодого читателя, действительно, мог напоминать портрет Алексея Вульфа или Петра Киреевского). И тут мы снова возвращаемся к рисунку на листе с фразой из «Барышни-крестьянки».

Рядом с тройным профилем Пушкин поместил сдвоенную наподобие двуликого Януса зарисовку женского лица: молодая красавица и она же, но увядшая, постаревшая. По атрибуции Р. Е. Теребениной, Л. Н. Шаталовой, Л. Ф. Керцелли, это изображение Натальи Николаевны Гончаровой в молодости и в ста-

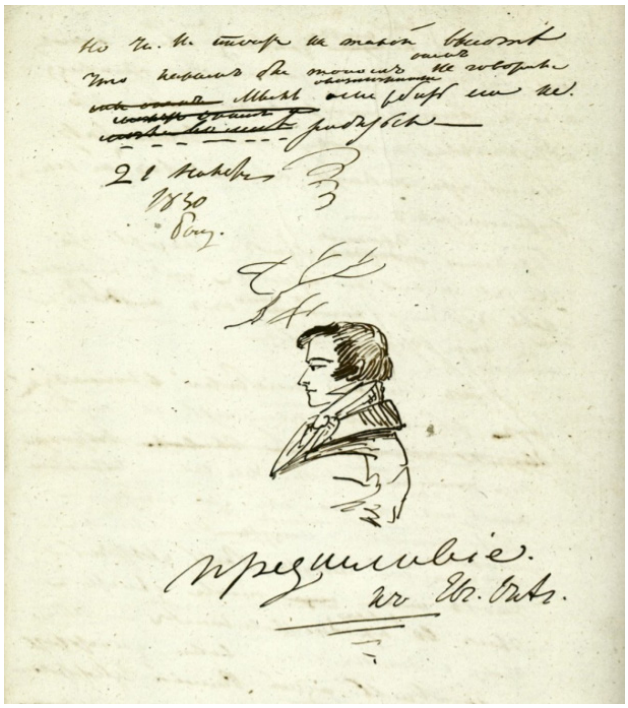


Рис. 6. Портрет Дмитрия Веневитинова в проекте предисловия VIII и IX главам «Евгения Онегина».

рости [2, с. 282], [3, с. 317], [7]. Однако помимо сходства черт в этом символическом портрете важна семантика ветхое / цветущее, прошлое / будущее: молодость гадает, что впереди, старость смотрит в невозвратное. При системном рассмотрении ассоциативных рядов графики и слова следует учитывать также и принципы зеркальности, подобия. Зеркально повторяют друг друга оперенные побеги. Одни похожи на ветку с распускающейся листвой и устремлены к героине, на которую любуются Белкин, автор, читатель; другие, протуберанцем венчающие голову поэта, подобны молодым ветвям и верхней оконечности писчих перьев. Улыбка на лице автора (эмоциональный центр символического триединства, переданного посредством трех мужских профилей) соответствует настрою молодости и душевного полета. На этом листе нет виньеток, но соединительными элементами служит похожая на оперение зелень молодых ветвей.

Прямую противоположность цветению природы и души составляют эмоции рисунка, которым Пушкин снабдил набросок Предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина», датируемый 21 ноября 1830 г. (ПД № 1084, л. 2). Под предисловием находится портрет Д. В. Веневитинова (атрибуция Т. Г. Цявловской [6, с. 257]), над головой безвременно ушедшего юноши как иероглиф печали ветвится дерево без единого листка.

И это не знак безысходности, а одна из вариаций мотива утраты-обретения кроны, перекликающаяся с изображением ветвей над головой автора в черновике «Барышни-крестьянки» (утроенный профиль) и с обложкой маленьких трагедий (правая сторона листа), где над почти умершим деревом возникает новая крона. В цепи таких аналогий символ смерти становится символом ее преодоления.

Умозрительно уловить, увидеть скрепы символического целого позволяет характерное для всех этих рисунков присутствие росчерков-виньеток. На обложке рукописи маленьких трагедий таких спиральных виньеток две. Одна (слева, над головой старого философа) помогает визуализировать его мысли; другая (небольшая виньетка над разрушенным древесным стволом) делает записанные варианты названия маленьких трагедий кроной возрождающегося дерева. Под предисловием к новым главам «Онегина» аналогичная виньетка проходит параллельно записям о дате («21 ноября 1830») и месте («Болд.») создания текста. Благодаря этой скрепе, вся совокупность графических элементов (поясной портрет Веневитинова, рисунок дерева у него над головой, вензель-росчерк) становится подобием ствола, на котором вырос текст предисловия, разъясняющего, почему «седьмую песнь Онегина» критика приняла совершенно иначе, нежели все прежние главы романа в стихах.

Готовя на суд публики VIII и IX главы, Александр Сергеевич с грустью думал о талантливом молодом человеке, который был душой журнала «Московский вестник», автором наиболее дельного разбора I главы романа. Дмитрия Веневитинова похоронили весной 1827 г. Скорбя о том, кому журнал любомудров был обязан лучшими начинаниями, Пушкин шел за гробом вместе с друзьями, они приняли решение каждый год собираться в эту печальную дату за столом, где будет стоять пустым кресло Веневитинова (Пушкин использовал эту деталь в «Пире во время

чумы» — там за столом пустует кресло Джаксона). К осени 1830 г. «Московский вестник» переживал глубокий кризис, был на грани закрытия.

Предисловие к VIII и IX главам Пушкин начал словами: «у нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам» [4, с. 458]. Далее привел неблагосклонные отзывы «Северной пчелы» и «Московского телеграфа» о VII главе. Нападки меркантильных дельцов на Пушкина-поэта имели целью уронить во мнении публики репутацию Пушкина-журналиста, подоплека недовольств Булгарина и Полевого состояла в том, что с открытием «Литературной газеты» Пушкин стал для них опасным конкурентом [5]. «Я бы охотно им поверил,— сказал поэт о придирчивых критиках,— если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа» [4, с. 458].

На замечание Полевого, что «VII глава не могла иметь никакого успеха, ибо век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте», Александр Сергеевич ответил: «Если век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться,— то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны» [4, с. 459].

Графическим эквивалентом этой мысли в рукописи стал повтор однажды сделанной зарисовки (ветви, растущие прямо из головы поэта). Повтор обратный, антиномический: на рисунке к «Барышне-крестьянке» ветви передают идею роста и расцвета сил, на рисунке к проекту предисловия оголенные побеги — знак боли о невозвратном. Однако звенья, включенные в цепь подобий, осознаются в составе смыслового единства, которое полнее смысла отдельно взятых фрагментов. Во утверждение бессмертия перо спиральным росчерком соединило безлистные ветви с текстом предисловия. Слова «Предисловие. къ Евг. Онег.» Пушкин написал не вначале текста Предисловия, а внизу, под портретом Веневитинова. И четырежды их подчеркнул, так, что сужающиеся книзу горизонтальные линии стали своеобразным постаментом. Этим автор визуально закрепил мысль о том, что поэзия стоит на месте, однако произведения истинных поэтов свежи и вечно юны.

Подведем итоги нашего разбора рукописей 1830 г., отразивших мысли Пушкина, связанные с борьбой за обновление журналистики и литературы. Посредством наблюдений за тщательностью прорисовки, посредством поэтапной реконструкции порядка, в котором заносились на лист фрагменты изображения, можно с большой долей достоверности отличить заранее задуманные (программные) рисунки от набросков, спонтанно легших на бумагу.

Интуитивность — процесс, когда летучие росчерки становятся источником рождения рисунка, а рисунок, в свою очередь, способствует рождению наиболее совершенной словесной формы,— сменилась у Пушкина в пору полной зрелости таланта сознательным программным утверждением жизненной энергии и красоты через устойчивое внутреннее единство поэтических созданий. Варьируемый у Пушкина мотив деревьев, лишенных кроны и вновь обретающих листву, визуализирует в рукописях 1830 г. размышления о возможности обновить литературный процесс, силами поэзии одержать победу в борьбе с рутиной и ремесленничеством. Мысль о преодолении смерти и утверждении жизни варьируют все ассоциативные ряды данного мотива, запечатленные графическими (рисунки, росчерки-виньетки) и словесными компонентами рукописей.

Важнейшим из нововведений, способных изменить к лучшему качества литературы, Пушкин считал смиренного повествователя. Среди не имевших до настоящего времени бесспорной и точной атрибуции графических изображений в рукописях 1830 г. есть, как минимум, два «портрета» этого нового в литературе лица.

Один соответствует началу работы над замыслом: новое лицо дублирует находящийся за ним портрет Пушкина в составе тройного профиля, обозначающего триединство повествователь — автор — читатель. Тройной профиль является смысловым и эмоциональным центром графической зарисовки на листе с ранним вариантом начала повести «Барышня-крестьянка» (ПД № 841, л. 81, об.).

Другой портрет сделан в интерьере болдинского рабочего кабинета (ПД № 1621, л. 2, об.), в знак успешного завершения пяти новых повестей и работы над повестью «История села Горюхина». Ранее эту обращенную лицом к книжному шкафу голову трактовали как античный бюст, статуэтку из набора кабинетных украшений (см. эту гипотезу в работах А. М. Эфроса и Р. О. Якобсона). Однако Пушкин, фиксируя важный шаг к обновлению литературного процесса, нарисовал голову Ивана Петровича Белкина.

На начальных подступах к реализации новой повествовательной манеры смиренный повествователь был важен автору как прозрачная, ничем себя не выдающая повествовательная маска. Когда замысел был реализован, Пушкин запечатлел важный момент творческой лаборатории Болдина, фиксируя два основных момента: классическое совершенство достигнутого (отсюда — внешнее сходство головы Белкина с головой античного бюста) и уверенность в том, что Белкин послужит победе аристократии талантов над так называемой торговой журналистикой (отсюда — появления головы «подсматривающего» Булгарина).

При выходе в свет «Повестей Белкина» (1831) преимущества новой прозы не были оценены сразу, но именно тогда появилась возможность бороться с ложным романтизмом посредством художественной прозы, а не теоретических статей. Победа классического реализма была впереди, она стала несомненной, когда положенное Пушкиным-реалистом начало иерархически возвысило эпическое целое отечественного культурного самосознания над тем, что этому целому не соответствует.

Атрибуция в рукописных листах Александра Сергеевича «портрета» его любимого создания — Ивана Петровича Белкина позволяет глубже раскрыть зафиксированные этим символическим изображением вехи творческого процесса, выявить их связь с пушкинской философией бессмертия.

Elena Yu. TRETYAKOVA

The Symbolism of Literary Process Renewal in Pushkin's Manuscripts of 1830

Abstract. The study of graphic sketches in the poet's manuscripts helps to penetrate into the creative laboratory of Alexander S. Pushkin's works, to find the key to the crystallization of ideas and images in literary texts' creation. In this regard, the first researchers of Pushkin's drawings paid attention to masterfully written vignettes (the rooster adorning the title of "The History of the Village of Goryukhino", numerous arabesques of birds in the draft of "Autumn"). The vignettes are light strokes of a pen which serve as a source of a drawing, a bridge between word graphics and image graphics. This article offers the reader the idea that in a number of graphic sketches that captured the course of philosophical and poetic reflection, simpler ones, for example, pen-like strokes, are important points of meaning. The object of special analysis in the article was the role of such strokes in compositions that vary the motif of branches and trees that lost their foliage and acquired a new crown characteristic of Pushkin's graphic art, e.g., a drawing on a sheet with a draft sketch of the first phrase of *The Squire's Daughter,* a handwritten cover to *The Little Tragedies*, a sketch of the Preface to Chapters VIII and IX of *Eugene Onegin*. This made it possible to identify a set of symbols, the development of which reflected the poet's thoughts about the crisis and the renewal of the literary process. This renewal showed in the chapters of the novel in verse *Eugene Onegin*, *The Little Tragedies*, *The Belkin Tales* that were written in Boldino. The author of the article puts forward the hypothesis that Pushkin could portray Ivan Petrovich Belkin among the symbols involved in this semantic layer of characters. An analysis of the

graphic drawings, which are mysterious in terms of their indisputable and accurate attribution, shows that there are at least two such "portraits". One is included in the symbolic trinity of the narrator – the author – the reader (on a sheet dated in the spring and summer of 1830 with the beginning of the first phrase of *The Squire's Daughter*, Belkin's profile duplicates the profile of the brightly and happily smiling Pushkin directly behind Belkin). The other is Belkin's head above the desk in the study in Boldino. The portrait was drawn as a sign of the successful realization of the conceived cycle of stories (early November 1830). The hypothesis the author substantiates challenges a version existing since the 1930s and put forward by Abram M. Efros and supported by Roman O. Jakobson. According to this version, in this drawing, Pushkin depicted a plaster antique bust – a statuette which traditionally decorated the interiors of classrooms and libraries in manors of educated nobility.

Keywords: Pushkin's manuscripts of 1830, drawings by Pushkin, graphic portraits, covers and illustrations for own works, images of characters, crisis and renewal of literary process, *The Belkin Tales*, *The Little Tragedies*, *Eugene Onegin*.

Использованная литература:

1. Большое Болдино. Экспозиция музея Пушкина // По городам и странам. URL: URL:https://kraeved1147.ru/boldino-dom/ (дата обращения: 04.03.2019).

2. Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: каталог атрибуций. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

3. Керцелли Л. Ф. Мир Пушкина в его рисунках. М.: Московский рабочий, 1988. С. 314–317.

4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978.

5. Третьякова Е. Ю. Коммуникативное пространство печати: пушкинская модель. Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 2002.

6. Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М.: Искусство, 1980.

7. Шаталова Л. Н. Зачем арапа своего младая любит Дездемона... // Студенческий меридиан. 1985. № 3. С. 17.

8. Эфрос А. М. Рисунки поэта. М.; Л.: Academia, 1933.

9. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс-Литера, 1987.

References:

1. Po Gorodam i Stranam. (2018) *Bol'shoe Boldino. Ekspozitsiya muzeya Pushkina* [Big Boldino. Exposition of the Pushkin Museum]. [Online] Available from: https://kraeved1147.ru/boldino-dom/. (Accessed: 04.03.2019).

2. Zhuykova, R.G. (1996) *Portretnye risunki Pushkina: katalog atributsiy* [Portrait drawings by Pushkin: A catalog of attributions]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

3. Kertselli, L.F. (1988) *Mir Pushkina v ego risunkakh* [Pushkin's world in his drawings]. Moscow: Moskovskiy rabochiy. pp. 314–317.

4. Pushkin, A.S. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: In 10 vols]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.

5. Tret'yakova, E.Yu. (2002) *Kommunikativnoe prostranstvo pechati: pushkinskaya model'* [Communicative space of print media: The Pushkin model]. Krasnodar: Kuban State University.

6. Tsyavlovskaya, T.G. (1980) *Risunki Pushkina* [Drawings by Pushkin]. Moscow: Iskusstvo.

7. Shatalova, L.N. (1985) Zachem arapa svoego mladaya lyubit Dezdemona... [And why, on the young Arab all aglow the young Desdemona bestows all her love . . .]. *Studencheskiy meridian*. 3. p. 17.

8. Efros, A.M. (1933) *Risunki poeta* [Drawings by a poet]. Moscow; Leningrad: Academia.

9. Jakobson, R.O. (1987) *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow: Progress-Litera.

Полная библиографическая ссылка на статью:
Третьякова Е. Ю. Символика обновления литературного процесса в пушкинских рукописях 1830 года [Электронный ресурс] / Е. Ю. Третьякова // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 34-44. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Tretyakova.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:
Tretyakova, E. Yu. (2019) The Symbolism of Literary Process Renewal in Pushkin's Manuscripts of 1830. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 34-44 [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Tretyakova.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

АМИРХАНЯН Анаит Михайловна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
Армянского государственного
педагогического университета имени Х. Абовяна
Ереван, Республика Армения
Anahit M. AMIRKHANYAN
Cand. Sci. (Russian Literature; Literature of the Peoples of the USSR),
Assoc. Prof., Department of Foreign Literature,
Armenian State Pedagogical University
Yerevan, Republic of Armenia
amirknan@yahoo.com

УДК 008:[94:821.161.1](395)
ГРНТИ 13.91
ВАК 24.00.01

Культурно-исторический и биографический контекст пушкинской строфы об «эриванских коврах»

The Cultural-Historical and Biographical Context of Pushkin's Stanza About "Erivan Carpets"

В предлагаемой трактовке одной из важных смысловых линий стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов…» (1828) автор статьи настаивает на том, что эпитет «эриванские» («…Как эриванские ковры…») как географическая и историческая отсылка к мотиву пиршеств духа и ума выражает пушкинское понимание эпичности многовековых составляющих единого полотна крымского сюжета. Привлечены архивные документы, наброски, черновики и рукописи, письма, воспоминания и дневниковые записи современников поэта, свидетельствующие о том, что у данного мотива имелась и прямая биографическая основа: среди знакомых и близких поэту людей в лицейские годы (семейство Абамелек), в годы южной ссылки и еще до поездки в Арзрум были известные в столичных культурных кругах деятели армянского происхождения.

Ключевые слова: лирика А. С. Пушкина 1820-х гг., лицейский период, южная ссылка, окружение поэта, семейство Д. С. Абамелека, восточные мотивы, эриванские ковры, христианский контекст, культурная история Крыма.

«В прохладе сладостной фонтанов…» относят к произведениям 1828 г., хотя первый публикатор этого текста П. Е. Щёголев считал такое приурочение не вполне достоверным, поскольку стихотворение известно по черновику и при жизни поэта не печаталось [13, с. 321]. Позднее, в 1950-х гг., Н. В. Измайлов настоял на том, что «весь… текст, записанный в 2371 тетради, должен, … на основании даты "4 ноября, Малинники" под перебеленной рукописью, датироваться самым концом октября 1828 г. Этим определяется и дата наше-

го стихотворения» [5, с. 129]. Исследователь раскрыл контекст поэтической зарисовки «В прохладе сладостной фонтанов…», связанный с личностью и произведениями Адама Мицкевича, попутно отметив, что известный пушкинист и историк русского революционного движения П. Е. Щёголев опубликовал в 1911 г.«стихотворение Пушкина, извлеченное им из черновой рукописи и до тех пор оставшееся неизвестным и незамеченным всеми издателями поэта — как потому, что текст наброска, написанный беглым, "черновым" почерком, очень запутан и трудно читается, так и потому, что В. Е. Якушкин в своем описании рукописей Пушкина случайно совсем пропустил этот лист тетради» [5, с. 125].

После того как предложенная П. Е. Щёголевым дешифровка труднейшего черновика была уточнена в 30-х годах, текст вошел в Академическое издание сочинений Пушкина в следующем виде:

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владетель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны [9, т. 3, с. 78].

Поскольку в труде П. Е. Щёголева даны пояснения к каждой строке этого стихотворения, приведем наиболее важные для нас фрагменты его комментария. «Стихи 13–18 потребовали от Пушкина продолжительной работы целого ряда зачеркиваний; не удовлетворившись частичными поправками, Пушкин зачеркивает все, относящееся к этим стихам. Стихи 13–14 прочитаны приблизительно. По-видимому, сначала было написано: "Его рассказам"; затем конец второго слова зачеркнут и вверху поставлено "ы" (форма слова *рассказ~~ам~~* заменена на *рассказы*.— А. А.). Стих 14. Первоначально: "как цареградские", затем: "как наши пестрые"» [13, с. 322]. По поводу последнего пояснения к 14-му стиху согласимся с тем, что в окончательной версии Пушкин выбрал «эриванские ковры», хотя упоминание Цареграда — цареградской, то есть привезенной из Цареграда, брони и цареградских ковров — встречалось в более ранних его вещах: «Руслан и Людмила» (1820), «Песнь о вещем Олеге» (1822).

В своем анализе рукописи стихотворения Н. В. Измайлов подчеркнул последовательность и ясность общего хода творческой работы, указав, что «колебания в выборе эпитетов … представляют собою искания формы для выражения мысли, а не колебания в замысле» [5, с. 131]. Попытаемся найти еще ряд подтверждений тому, что выбор эпитета «эриванские» (вместо «цареградские» и «наши пестрые») был не случайным. Такие подтверждения можно найти, опираясь на жизненные впечатления и историко-культурные познания Пушкина, на фактологическую основу, которую дает в данном случае крымский фрейм, ведь круг и выбор тем, трактовку увиденного, жанровую специфику произведений зачастую определяла сама биография поэта.

Для пушкинской лирики двадцатых годов был «характерен жанр фрагмента» [10, с. 64], в котором отображение реальной действительности своеобразно сочеталось с мгновенностью переживаний: в жанре фрагмента Пушкин как бы уловил «нечто гораздо большее», чем «драматическая коллизия», в которой «заложено то, что составляет существо … лирики» [1, с. 142]». Мы бы подчеркнули, что «В прохладе сладостной фонтанов…»,

имея особенности фрагмента исторического и автобиографического (эти варианты жанра существовали наряду с другими: фрагмент библейский, пейзажный, литературный), несет в себе некую догадку о целостности христианского пути.

Когда Пушкин в 1820-е гг. побывал в Крыму, в Феодосии, в его творчество органично вплелась крымская тема с ее реалиями. Заметим, в Крыму не только дома богатой знати, не только дворцы, но и церкви украшали коврами. Александр Сергеевич вполне мог заметить и оценить красоту эриванских ковров как традиционной части роскошного убранства.

История эриванских ковров — органичный компонент развития армянского декоративно-прикладного искусства, давно ставший всемирным наследием огромной культурной значимости. Это показано в изданной на русском и английском языках книге М. Казарян «Армянские ковры» (1985), где освещаются истоки возникновения ковровых промыслов, особенности рисунка, судьбы изделий, которые изготавливали мастера во всех исторических провинциях Армении с давних времен [6].

Известно, что история армян в Крыму насчитывает без малого две тысячи лет. Письменные источники генуэзцев, содержащие сведения о юго-востоке полуострова, называют эту часть Armenia maritima (Морская Армения) [14, с. 186]. По тем временам численность проживавших здесь армян была внушительной — от 150 до 500 тысяч. В приморских городах они славились торговлей и ремеслами, отличались в строительстве, военном деле, врачевании, искусстве, науке и образовании. В XIV–XV вв. армяне Крымского полуострова, управляя караванами, доставляли различные товары из азиатских стран в разные части северного побережья и дальше в Европу. Вопреки избиениям со стороны мусульман и гонениям за веру, Крым, Феодосия после распада армянской государственности оставались одним из центров развития и сохранения христианской, в том числе армянской культуры.

В рукописи Пушкина эпитеты «эриванские» и «цареградские» соседствуют и сравнение с расстилающимися узорчатыми коврами является ключевым моментом характеристики эпических рассказов, которыми поэты («сыны Саади») сопровождали «Гиреев ханские пиры». В первой и второй строфах нанизывание слов, полных мудрости и прозрачной лести, уподоблено «гремучему жемчугу ожерелий» и «четкам мудрости златой». Данное в строфе четвертой сравнение более обширно и содержит обобщающую метафору (третий вариант эпитета — «наши пестрые» — опирается на целостное зрительное впечатление от многообразия узоров). Поэтические полотна расстилаются подобно эриванским (цареградским) коврам — прекрасным узорным полотнищам того края, где христианство было возвышено в ранг государственной религии. В этом смысле утверждение В. А. Мешкова о том, что словосочетание «эриванские ковры» не имеет «прямого отношения к Еревану и Армении» [8, с. 15] не может быть вполне справедливым.

Область армянская исторически и фактически, Эривань в начале XIX столетия, как и большая часть Великой Армении, граничившей с южными рубежами России, находилась под властью завоевателей-мусульман (кочевников, персов, турок). В исторически армянских областях ковроделие имело старинную традицию (вязка узлов, рисунки узоров и изображений), связанную и с выработкой специальных красителей на основе особой техники изготовления краски. Мы говорим о вордан кармир (армянской, или араратской кошенили), используемой при получении кармина — знаменитой пурпурной краски, которая применялась и для окрашивания ковровой нити, и для украшения книг миниатюрами, и для росписи на стенах церквей или на одежде. Техники изготовления этой краски были на грани исчезновения в первой половине XIX в.

Напомним о заключении мира после русско-персидской войны 1826–1828 гг. Подписание договора, в разработке которого участвовал А. С. Грибоедов и по которому населенные армянами территории Эриванского и Нахичеванского ханств Восточной Армении отошли к России, состоялось 10 (22) февраля 1828 г. Персия обязалась не чинить препятствий переселению армян из подвластных ей земель в пределы России (уместно напомнить

и то, что Туркманчайский договор стал подтверждением более раннего Гюлистанского договора 1813 г.). Живо реагируя на политические процессы в стране, в том числе и на факт присоединения Восточной Армении к России, Пушкин в фрагменте об «эриванских коврах» мог запечатлеть вполне современные геополитические реминисценции. Не только недавние политические события, но и гораздо раньше запавшие в душу ассоциации могли дать толчок к развитию соответствующей мотивной линии. Мы имеем в виду состоявшееся в 1815 г. знакомство Александра Пушкина с семьей Абамелек.

Давид Семенович Абамелек был участником и героем Отечественной войны 1812 г. Его дочери-красавице Анне Абамелек Пушкин посвятил стихотворение «В альбом кж. А. Д. Абамелек».

Когда-то (помню с умиленьем)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь

[9, т. 2, с. 352].

Стихотворение написано 9 апреля 1832 г., когда Анну Абамелек назначили фрейлиной великой княгини Елены Павловны. Придворная красавица была известна и как талантливая переводчица, за год до пушкинского посвящения «В альбом…» она опубликовала свой перевод стихотворения «Талисман» на французский язык. В 1835 г. Анна Абамелек стала женой Ираклия Абрамовича Баратынского (брата известного поэта). Пушкин, на самом деле, «нянчил» княжну, когда ей было два-три года от роду, а сам он, юный лицеист, был частым гостем в семье Абамелеков [7, с. 109].

Дом этой семьи находился рядом с основанной Иваном (Ованесом) Лазаревым в 1771–1776 гг. Армянской Апостольской Церковью Святой Екатерины. Вокруг этой церкви, ставшей культурным центром петербургских армян, группировался и ряд светских учреждений: в 1780 г. открылась первая армянская типография, в 1800 г.— армянская школа. Тот же Ованес Лазарев в 1783 г. построил на Васильевском острове храм Армянской Церкви Святого Воскресения Христова, освященный в 1797 г. И рядом, по прошению Стефана Лорис-Меликова, указом Екатерины II в 1791 г. было выделено место для армянского кладбища.

Князь Давид Семенович Абамелек был просвещенным человеком, «знал несколько языков, в том числе грузинский и родной армянский, и по решению Давида Семеновича и Марфы Иоакимовны (урожд. Лазаревой) все дети Абамелеков обучались, среди прочих, и армянскому языку, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма 1817–1823 гг. Марфы Иоакимовны к родителям» [2, с. 39]. В доме сохранялись национальные традиции воспитания и образования, интерьер комнат украшали армянские (эриванские) ковры, которые, конечно же, видел гость дома — лицеист Пушкин.

Род Марфы Иоакимовны принадлежал к графскому роду Лазаревых (Егиазарянов), известных благотворителей и промышленников. В XVII столетии они, как множество других армянских семей, приказом шаха Аббаса были переселены из Армении в Персию: шах был уверен, что армянский капитал и умелые руки армянских ремесленников будут способствовать расцвету экономики его страны. Один из Лазаревых с семьей покинул Исфаган и в 1750 г. переселился в Россию, а его потомок Еким (Оваким) Лазаревич основал в 1815 г. армянское училище, с которого началась история Лазаревского института восточных языков в Москве.

В свою очередь, и Екатерина II в 1778 г. инициировала переселение более 30000 христиан (армян и греков) из Крыма в Приазовье. Это решение, подрывавшее мощь Крымского ханства, вызвало возмущение последнего правителя Крыма Шахин Герая (Гирея). В конце концов Крым, Тамань и Кубань стали российскими владениями. И тогда, по изданному императрицей манифесту 1783 г., армяне и другие христианские народы смогли возвратиться в Крым.

В годы правления Екатерины II знаменитый полководец А. В. Суворов «взял на себя дело освобождения Армении от мусульманского ига, восстановления “армянской госу-

дарственности под протекторатом России" и переселения армян в различные области и города России ... Суворов совместно с Иваном Лазаревым и Осипом Аргутинским (Овсеп Аргутян) участвовал в разработке проекта о восстановлении армянской государственности и освобождении исторической Армении. В армянский круг лиц, с которыми русский полководец имел деловые контакты, входили представители армянской церкви (армянский католикос Симеон, архимандрит Петр Маркос, архиепископ Аргутинский, армянский патриарх в Иерусалиме Ованим Канакерци) и армянской знати» [2, с. 12–13].

Во время южной ссылки и путешествия по Крыму Пушкин был в дружеских отношениях с такими представителями армянского народа, как Артемий Худобашев (чиновник по особым поручениям при графе Воронцове), Григорий Захарян (архиепископ). Ближайший кишиневский приятель поэта Владимир Петрович Горчаков вспоминал об эпизоде чтения одного из первых южных стихотворений Пушкина — баллады «Черная шаль» (1820) в присутствии Худобашева. Как известно, в балладе повествуется об измене возлюбленной героя, прекрасной гречанки («неверную деву лобзал армянин»). «Пушкин смеясь,— пишет Горчаков,— начал мне рассказывать, как один из кишиневских армян сердился на него за эту песню» [11, с. 184]. Артемию Макаровичу Худобашеву к тому времени было лет пятьдесят, на вид он был кособокий коротышка с огромным носом. Этот старик увидел в пушкинских строках злую насмешку, но Артемия Макаровича убедили, что Пушкин в образе армянина имел в виду именно его и давал понять, что тот «действительно кого-то отбил у Пушкина» [1, с. 131]. Горчаков продолжает: «Ссора и неудовольствие между нами обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина с некоторыми и другими), приговаривая: "Не отбивай у меня гречанок!" Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником» [11, с. 243].

Продолжавшиеся в начале XIX столетия войны длились со средневековья (XVI в.). Южные рубежи России знавали немало военных кампаний (русско-турецкие войны 1568–1570, 1672–1681, 1686–1700, 1710–1713, 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829 гг.; русско-персидские конфликты 1651–1653, 1722–1723, 1796, 1804–1813, 1826–1828 гг.). Желая еще раз посетить Кавказ, поэт 1 мая 1829 г. выехал из Петербурга на Юг без официального разрешения. Его интересовали события русско-турецкой войны 1828–1829 гг., увидеть войну воочию поэту было важно не сколько ради художественных впечатлений, сколько ради актуальной публицистической позиции. Особенности написанного на основе личных впечатлений «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (1829–1835) косвенно указывают на то, что и в написанном до второй поездки на Кавказ стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...» образ эриванских ковров имеет смысловое задание, не чуждое публицистичности.

Как ни парадоксально, но это — публицистика особая, позволяющая согласиться с мыслью, что Пушкин как «поэт считал, что адекватная естеству мысль не тщится изобрести новую формулу познания ... специфика органического синтеза виднее всего в динамике, так и следует ее познавать: исток замысла, поэтапная проверка обстоятельствами жизни, прорастание эпического понимания из участка культурной деятельности, на котором оно осуществилось, во все явления, его поддерживающие» [12]. Пушкинский фрагмент об «эриванских коврах» как троп, безусловно, отсылает и к реалиям географии, и к биографическим фактам, и в то же время — к многослойной истории христианства. Все эти составляющие вживлены в суть понимания христианского мира, которое, благодаря пушкинскому началу мифа русской культуры, «растет как метонимическое целое» (формулировка Е. Ю. Третьяковой).

У великих гениев нет ничего случайного: слова, образы, характеры выверены и точны. Многие ценители пушкинской поэзии считали сердцевиной пушкинского художественного мира христианское воззрение [3]. В советское время об этом было говорить не принято, акцентировали в основном то, что «в 1830 г. Пушкин пробивался к художественному по-

стижению социальной сущности человека» [5, с. 326]. На основе проделанного анализа мы предложили бы существенную, на наш взгляд, поправку к этому сформулированному Г. А. Гуковским постулату: социальная роль человека, по Пушкину, не идет вразрез с духовным обликом, а проявляет духовную сущность социума, предопределяя тем самым судьбу народов.

Думается, к возможности интуитивно уловить это Пушкин пришел гораздо раньше тридцатых годов, еще в период южной ссылки (1820–1824). Внимая многовековой истории, он сознательно ориентировался на сердцевину «духовного центра», именно такие константы скрепляли в единое целое словесную ткань всех его произведений.

Поэзии многое под силу — и эффект звучания («гремучий жемчуг стихов»), и умение нравиться, угождать («прозрачной лести ожерелья»), и возможность лапидарно перелить многоликий человеческий опыт в «четки мудрости златой». Однако лишь законы вечной гармонии не рвут полотно жизни, связуя все нити «пестрого ковра» многовековым узором, который сам Пушкин оценивал сквозь призму Священной Истории христианства.

Anahit M. AMIRKHANYAN

The Cultural-Historical and Biographical Context of Pushkin's Stanza About "Erivan Carpets"

Abstract. Based on the material of the facts from the biography of the poet, the cultural-historical context of one of the important motive lines of the poem "In the Cool of the Sweet Fountains. . ." by Alexander Pushkin first published in 1911 is interpreted. Previously, researchers addressed the issues of the recipient of the work, of textual features of the draft manuscript, but the line about "Erivan carpets" remained unexplained. The author of the article cites evidence (geographical, cultural, religious, ethnographic biographical components of the meaning) confirming Pushkin's choice in favor of the epithet "Erivan" in the line "As Erivan carpets. . ." of the fourth stanza of this poem. Among friends and acquaintances close to the poet during the lyceum years, then during his exile to the south and during the writing of the poem "In the Cool of the Sweet Fountains. . .", there were prominent figures of Armenian descent in the cultural circles of the capital city. They became the national pride of the Armenians, clearly showed themselves in Russian history by faithfully serving for the good in the Russian Empire. The epithet "Erivan" is the geographical and historical reference to the motive of centuries-old traditions of wisdom, feasts of the spirit and the mind. The motive was part of the key figurative and semantic lines of the poem. The author of the article reveals the publicism of this line significant for the genre of the fragment: the multi-layer, semantically important reference to events associated with the name of the first patriarch of the Christian world Gregory the Illuminator, with the ancient history of Armenia, the world's first Christian country, in which the Christian faith became the state religion in 301. Erivan was the capital of the state which had more than 2.5 thousand years of history at the time Pushkin wrote his poem. The poet repeatedly convinced himself of the loyalty, nobility, a high degree of giftedness of the Armenians persecuted since ancient times because of their faith and religion. In the Armenian circles of Pushkin, both in the capital and in Armenia Maritima ("Maritime Armenia", that is in the Crimea), there were highly educated people. In the Abameliks' house, the young poet witnessed that, despite the ordeals, the Christian Armenian population created and built, preserved its identity and national traditions, native language and faith; thus they brought enlightenment and culture to the world, strengthened the economic and military power of Russia. This is evidenced by archival documents, essays, drafts and manuscripts, letters, memoirs and diaries of the poet's contemporaries. In his works, Pushkin appealed to the images that came from Armenian culture. In the dynamics of the meanings of "In the Cool of the Sweet Fountains. . .", the line about "Erivan carpets" is the synthesis of creativity and history as the understanding of the epic of the centuries-old components of the integrated artistic picture of the Crimean plot organic for Pushkin.

Keywords: A. S. Pushkin's lyrics of the 1820s, Lyceum period, exile to the south, circle of the poet, D.S. Abamelik's family, Oriental motives, Erivan carpets, Christian context, cultural history of the Crimea.

Использованная литература:

1. Амирханян М. Д. Россия и Армения. Очерки русско-армянских литературных отношений. Часть 1. Ереван: Асогик, 2003. С. 127–155.

2. Амирханян М. Д., Амирханян А. М. М. Ю. Лермонтов и армянский мир. Ереван: Лусабац, 2014.

3. Булгаков С. Н. Жребий Пушкина // OK's Nest. URL: https://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak18.htm (дата обращения 11.04.2019).

4. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: ГИХЛ, 1957.

5. Измайлов Н. В. Мицкевич в стихах Пушкина (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 125–173.

6. Казарян М. Армянские ковры. М.: Советский художник, 1985.

7. Кравцова М. В. Княжна // Первые Лазаревские чтения по истории армян России / Ред.-сост. Э. Е. Долбакян. М.: Теревинф, 2003. С. 108–130.

8. Мешков В. А. Пушкин и поэты Востока в стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...» // Вопросы русской литературы. 2016. № 1–3. С. 14–20.

9. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

10. Смирнов А. А. Лирика А. С. Пушкина 1826–1830 гг. // А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь / Сост. В. Я. Коровина, В. И. Коровин. М.: Просвещение, 1999.

11. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985.

12. Третьякова Е. Ю. Пушкинская модель журналистики: структура, культурологическая стратегия и практика просвещенных реформ печати: автореф. дис. .... докт. филол. наук. Краснодар, 2010.

13. Щеголев П. Е. Пушкин. Исследования, статьи и материалы: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: ГИХЛ, 1931.

14. Philip D. Curtin. Cross-Cultural Trade in World History. New York: Cambridge University Press, 1984.

References:

1. Amirkhanyan, M.D. (2003) *Rossiya i Armenia. Ocherky russko-armyanskikh literaturnykh otnosheniy* [Russia and Armenia. Essays of Russian-Armenian literary relations]. Vol. 1. Yerevan: Asoghik.

2. Amirkhanyan, M.D. & Amirkhanyan, A.M. (2014) *M.Yu. Lermontov i armyanskyi mir* [M.Yu. Lermontov and the Armenian world]. Yerevan: Lusabats.

3. Bulgakov, S.N. (n.d.) *Zhrebiy Pushkina* [The Fate of Pushkin]. *OK's Nest*. [Online] Available from: https://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak18.htm. (Accessed: 04.04.2019).

4. Gukovskiy, G.A. (1957) *Pushkin i problemy realisticheskogo stilya* [Pushkin and problems of a realistic style]. Moscow: GIKhL.

5. Izmaylov, N.V. (1975) *Ocherky tvorchestva Pushkina* [Essays on Pushkin's works]. Leningrad: Nauka. pp. 125–173.

6. Ghazaryan, M. (1985) *Armyanskie kovry* [Armenian carpets]. Moscow: Sovetsky Khudozhnik.

7. Kravtsova, M.V. (2003) Knyazhna [Princess]. In: Dolbakyan, E.Ye. (ed.) *Pervye Lazarevskie chteniya po istorii armyan v Rossii* [The first Lazarev readings on the history of the Armenians of Russia]. Moscow: Terevinf.

8. Meshkov, V. (2016) A. Pushkin i poety Vostoka v stikhotvorenii "V prokhlade sladostnoy fontanov" [A. Pushkin and poets of the East in the poem "In the cool of the sweet fountains"]. *Voprosy russkoy literatury – Issues of the Russian Literature.* 1–3. pp. 14–20.

9. Pushkin, A.S. (1977–1979) *Sobranie sochinenyi: v 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Leningrad: Nauka.

10. Smirnov, A.A. (1999) *Lirika A.S. Pushkina 1826–1830-kh godov* [Pushkin's lyrics of 1826–1830s]. In: Korovina, V.Ya. & Korovin, V.I. *A. S. Pushkin. Shkolnyy entsiklopedichesky slovar'* [A.S. Pushkin. A school encyclopedic dictionary]. Moscow: Prosveshchenie.

11. Vatsuro, V.E. et al. (eds) (1985) *A.S. Pushkin v vospominaniyakh sovramennikov: v 2 t.* [A.S. Pushkin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

12. Tretyakova, E.Yu. (2010) *Pushkinskaya model' zhurnalistiki: struktura, kulturologicheskaya strategiya i praktika prosveschennykh reform pechati* [Pushkin's model of journalism: structure, cultural strategy and practice of the enlightened reforms of printing]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnodar.

13. Shchegolev, P.E. (1931) *Pushkin. Issledovaniya, stat'i i materialy: v 2 t.* [Pushkin: Research, articles and materials: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: GIKhL.

14. Curtin, P.D. (1984) *Cross-Cultural Trade in World History*. New York: Cambridge University Press.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Амирханян, А. М. Культурно-исторический и биографический контекст пушкинской строфы об «эриванских коврах» [Электронный ресурс] / А. М. Амирханян // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 45-51. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Amirkhanyan.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Amirkhanyan, A. M. (2019) The Cultural-Historical and Biographical Context of Pushkin's Stanza About "Erivan Carpets". *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 45-51. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Amirkhanyan.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

РУСИНА Юлия Анатольевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Уральского федерального университета
Екатеринбург, Россия
Yulia A. ROUSINA
Cand. Sci. (National History),
Assoc. Prof., Department of Russian History,
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation
iulia.rusina@urfu.ru

ЯНЦЕВИЧ Евгений Сергеевич
магистрант 2 года обучения
кафедры истории России,
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
Evgenii S. IANTSEVICH
Graduate student (History of Russia),
Department of Russian History,
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation
holden95@mail.ru

УДК [94(470)"1991...":378.18]:303.621.32(470.54-25)
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

Студенческое бытие в «лихие 1990-е»: по материалам устных интервью преподавателей исторического факультета Уральского федерального университета[1]

Students' Everyday Life in the "Dashing 1990s": Based on Oral Interviews with Lecturers of the Faculty of History of the Ural Federal University

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

Данное исследование посвящено периоду 1990-х гг., оказавшему влияние на многие процессы в современном российском обществе. История повседневности первого постсоветского десятилетия, в силу небольшой хронологической дистанции, перспективна для изучения в рамках устно-исторического дискурса. Цель статьи – опираясь на методику устной истории, выявить особенности повседневной жизни студенчества Уральского государственного университета им. Горького (ныне – Уральский Федеральный университет) в 1990-е гг. Источниковой основой послужили 10 глубинных интервью преподавателей исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ, ныне – Уральский Федеральный университет), обучавшихся в данном вузе в изучаемый период. Важной представляется задача вовлечения в научную практику материалов интервьюирования участников событий, обладающих значительным информационным потенциалом, который позволяет рассмотреть широкий спектр вопросов: от общих социально-политических проблем до учебных и бытовых подробностей жизни постсоветского студенчества.

Ключевые слова: 1990-е гг., Средний Урал, Екатеринбург, высшая школа, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, студенчество, социальная история, история повседневности, устная история, интервью.

Исторических исследований, посвященных осмыслению социальных перемен, происходивших в 1990-е гг., пока немного. Общеизвестны монографические работы маститых авторов [4], [5]. Существенный вклад в изучение этого периода, в том числе в контексте тематики данной статьи, внесли социологи [1], [3], [6], [7]. Анализ публикаций академических и вузовских периодических изданий Урала за 1998–2018 гг., основанный на гипотезе актуализации исследования таких важных для высшей школы проблем, как поддержание авторитета университетов в обществе, специфика реакции преподавательской и студенческой среды на постперестроечные перемены, коммерциализация высшего образования и др., отразил слабую востребованность современными уральскими историками указанной проблематики. Целесообразным представляется назвать лишь работы, посвященные анализу политического сознания молодежи [2]. В этой связи хотелось бы отметить опубликованную в пяти книгах монографию профессора Уральского Федерального университета (УрФУ) А. В. Черноухова. Событийное повествование об историческом факультете Уральского государственного университета им А. М. Горького (УрГУ) охватывает 80-летний период, включая и интересующую нас эпоху [8], [9]. В работе, основанной на внушительном массиве источникового материала, представлен многоцветный спектр университетской повседневности: от документальных деталей учебного процесса, страниц научной и общественной деятельности преподавателей и студентов истфака, характеристики его кадрового состава до бытовых подробностей студенческой жизни.

С целью изучения повседневных практик в сфере высшего образования, а также восприятия представителями вузовской среды тех перемен, которые принесли с собой 1990-е как в систему вузов, так и в социально-политическую жизнь российского общества, было проинтервьюировано 10 представителей университетского сообщества — студенты исторического факультета УрГУ 1990-х гг. На момент опроса «бывшие студенты 1990-х» занимают должности профессорско-преподавательского состава, имея научные степени и ученые звания, то есть их оценочные суждения и воспоминания можно квалифицировать как взгляды университетских преподавателей определенного поколения. Лишь один из опрошенных не принадлежит к этой категории, так как выбрал после окончания вуза не научную, а предпринимательскую стезю [Интервью 7].

Участники интервью отвечали на разнообразные вопросы, сгруппированные в тематические блоки, которые касались их студенческой повседневности: обстоятельства

поступления на исторический факультет УрГУ, причины выбора вуза и специальности; место университета и истфака в иерархии уральских вузов и других факультетов; учебный процесс, взаимоотношения с преподавателями; внеучебная жизнь; студенческий быт, общение в студенческой среде и др. Транскрибированные тексты составили довольно значительный по объему массив сведений.

Большинство интервьюируемых объясняет выбор исторического образования увлечением историей в школьные годы. Нередко юных абитуриентов привлекал романтизированный образ историка-археолога или архивиста (в изучаемый период на историческом факультете велась подготовка по двум специальностям: преподаватель истории и историк-архивист), тогда как роль школьного учителя была им наименее интересна. «*Археология меня пленяла романтикой, еще школьницей мне было интересно читать про Шлимана, про раскопки Египта*» [Интервью 3]. *«Я по наивности думал, что если я пойду на "историю", то буду преподавателем, а если пойду на "архив", то я буду сидеть в архиве — и с историческими документами работать, и заниматься наукой. Поэтому я пошел на "архив"»* [Интервью 1]. Другой респондент вспоминает, что начало 1990-х — это «*время открытий*». Кроме «*реализации мечты детства*», выбор профессии историка подкреплялся тем, что «*отношение к истории становилось совершенно особым … сама история менялась прямо на глазах… Перестало существовать государство, в котором мы жили. Та история, которую мы еще недавно учили в школе, еще несколько лет назад,— вдруг оказалось, что это и не история вовсе, а какой-то вариант государственно-партийной пропаганды…»* [Интервью 4].

Однако, если у студентов и были планы заниматься наукой, высшая школа в 1990-е не могла предоставить широких возможностей для реализации этих планов. Причину респонденты видели в *«трудной»* и *«сложной»* экономической ситуации, при которой поездка на студенческую конференцию за пределы Екатеринбурга, а особенно в столицу, воспринималась как *«событие»* [Интервью 1]. Университет мог предложить лишь внутрифакультетские конференции по итогам защиты курсовых работ. Наиболее активные участвовали в городских конференциях, например, выступали на «Татищевских чтениях», находили возможность публиковаться, пусть даже и в органах массовой периодики, таких как газета «Вечерний Екатеринбург» [Интервью 9].

В одном из интервью студентка первых наборов в магистратуру по истории подробно, с позиций сегодняшнего преподавателя, рассказывает о переходе на двухуровневую систему образования. «*Первые выпуски магистратуры были очень странным понятием. … Что такое магистратура, тогда никто не знал. … И мы вообще никак не выделялись из всей массы тех, кто учился пять лет и получал диплом специалиста*» [Интервью 3]. В итоге главной составляющей и преимуществом магистерского образования стали кандидатские минимумы по иностранному языку и истории, а также 300 часов спецкурсов, которые должны были «набрать» сами магистранты [Там же].

«*Тяжелое время*», «*сложное время*», как характеризуют эпоху 1990-х нынешние преподаватели истфака [интервью 5, 7, 8, 9, 10], вынуждало студентов подрабатывать, занимаясь зачастую не требующей высокой квалификации деятельностью. «*За годы обучения я, допустим, сам поработал и грузчиком, и охранником, и сборщиком подписей на предвыборных кампаниях, и расклейщиком объявлений,— то есть, по сути дела, брались за все, что давало деньги*» [Интервью 8]. Работа на предвыборных кампаниях заключалась в распространении агитационных листовок или сборе подписей за определенного кандидата. При этом, очевидно, эта деятельность воспринималась студентами именно как заработок, а не как выражение политических взглядов. «*За кого только я не подписывал*»,— признавался один из информантов [Интервью 1]. В то же время, большинство отметили, что подрабатывать начали лишь на старших курсах. А представители поколения студентов, обучавшихся на рубеже 1990–2000-х гг., и вовсе говорят, что работали меньше, чем современные студенты [Интервью 2, 5]. К концу изучаемого десятилетия, действительно, произошла некоторая стабилизация экономической ситуации на факультете, если иметь ввиду материально-техническое оснащение учебного процесса

и оформившуюся систему получения образования на контрактной основе. Времена задержек и невыплат стипендии, характерные для первой половины 1990-х, остались позади.

Отношение студентов к дефолту отражает свойственные возрасту оптимизм и отсутствие жизненного опыта: «*Студенты все воспринимали это просто со смехом, с шутками, потому что ведь ни у кого не было кредитов, взятых на двадцать миллионов долларов… Не почувствовали мы это. Но на стипендии это отразилось…*» [Интервью 6]. В восприятии более тяжелого в экономическом плане периода начала 1990-х также не слышится трагических нот: «*Первая половина 1990-х гг., она вообще какая-то голодная… помню, регулярно, например, я лично варила геркулес и была этим вполне довольна. … особых проблем в этом я не видела. Потом, с курса третьего, все уже начали подрабатывать, и уже можно было себе (что-то) купить…*»,— вспоминает студентка первого постсоветского десятилетия [Интервью 9].

Питание студентов 1990-х — отдельная и довольно яркая страница в их воспоминаниях. Участники интервью упоминают о том, что в студенческие годы они полноценно питались лишь один раз в день. Особенно это было распространено у тех, кто проживал в общежитии. Среди причин этого можно выделить две основные, характеризующие изучаемый период. Во-первых, низкие финансовые возможности в контексте общей неблагоприятной экономической ситуации. В этих обстоятельствах домашние обеды — наиболее подходящая практика питания. Естественно, вероятность их регулярного приготовления студентами в общежитии гораздо меньше, чем у студентов, проживавших с родителями. «*Мы ели один раз в день. Утром чай с хлебом, без масла, естественно. Днем мы варили… Моя подружка от родителей привозила картошку, картошку в каком-то там виде. Вечером чай. Все. Наше питание такое было. Очень скудное. … супы в пакетиках*» [Интервью 10]. «*Утром ничего не успеваешь покушать, днем — негде. … А вечером — что приготовишь в общежитии. Но это только вечером*» [Интервью 6]. «*Бывало, по глупости, оставишь еду на плите,… отойдешь на пару минут, так сопрут же! Я, признаюсь, и сам однажды, уж не знаю зачем, две огромные недоваренные картошки стащил, все пальцы обжег, пока их в карман клал (смеется)*» [Интервью 7]. Во-вторых, первое постсоветское десятилетие от сегодняшнего дня отличалось отсутствием инфраструктуры общепита. «*Тогда кафе не было, а если были, то очень дорогие* [Там же]. На вопрос: «А столовые?» респондент отвечает: «*Столовые были, но все были далеко отсюда*» [Там же]. Обращает на себя внимание то, что не упоминается университетская столовая: к ней у студентов 1990-х гг. было очень негативное отношение. «*Столовая была, но невкусно было там … Я такую еду вообще не могла есть. Во-первых, это денег стоило, мне не хватало на это денег, даже на столовую не хватало. В целях экономии мы дома* (имеется ввиду общежитие) *ели*» [Интервью 10]. Другая студентка, учившаяся на истфаке УрГУ в начале 1990-х, вспоминает такой случай: «*Подходим к дверям столовой… Там висит большая такая картинка формата А3, на ней нарисован красивый щенок, а внизу написано "А хочешь настоящей собачьей еды?" … Эти скандалы по поводу грязной посуды, плохо приготовленной пищи, они присутствовали, и нам столовая не нравилась… Мы … активно пользовались не столовой, а буфетами, которые появились тоже где-то в середине 90-х*» [Интервью 9].

Университетские буфеты пользовались большой популярностью среди студентов 1990-х гг. Самый известный располагался в переходе между главным корпусом и тем зданием, где находился истфак. «Переход» представляет собой огромный холл — традиционное место концентрации учащихся и преподавателей в минуты учебных перерывов. В рассказах об этом месте слышится ностальгия, как о буфете «*у дяди Миши*», или «*у Таракана*» (студенты, воспитанные на сказках Корнея Чуковского, наградили буфетчика этим прозвищем из-за колоритных усов). Здесь можно было не только выпить кофе, в который совершенно официально, согласно меню, добавлялся коньяк, но и провести длительное время за общением — основной формой досуга. Именно здесь студенты 1990-х прогуливали занятия, коротая время за очередной сигаретой. Интересно, что курение в помещении университета было не единственной формой девиант-

ного, с сегодняшней точки зрения, поведения. В «переходе» встречались ребята, распивающие пиво и другие слабоалкогольные напитки. Нельзя сказать, что подобные формы времяпрепровождения поощрялись администрацией вуза, однако серьезно не пресекались.

Бедой 1990-х стало распространение наркотиков. Тексты интервью свидетельствуют о слухах и фактах употребления наркотиков в стенах университета, особенно, в общежитии. Криминогенная ситуация проявлялась также в форме краж в учебных зданиях и даже рэкета стипендии у старост. [Интервью 1, 5, 8]. Это поставило руководство университета перед необходимостью введения пропускного контроля в здания УрГУ.

До привлечения специализированных структур функцию охраны порядка в университете взял на себя студенческий отряд «Скиф», созданный студентами-историками в 1993 г., изначально — для обеспечения спокойствия в общежитии. «*В основном, ребята с рабфака, армейцы… Собрались однажды и решили, что надо, наконец, создавать структуру, которая будет поддерживать порядок…*» [Интервью 8]. Данный факт студенческой самоорганизации интересен тем, что, по свидетельствам студентов и преподавателей, такая форма в большей степени характерна для периода перестройки — периода, в сравнении с которым в 1990-е гг. произошло снижение социально-политической активности студентов. Они больше не пытались воздействовать на образовательный процесс, требуя замены преподавателей, не устраивали стихийных митингов в коридорах факультета, даже политическая тематика перестала быть интересной студентам, о чем вспоминают все участники опроса. Студент 1990-х не перестал быть активным, но вектор самореализации сместился на другие проблемные контексты. Яркий пример — реакция на криминогенную обстановку в университетских общежитиях.

Также представляет интерес самоорганизация учащихся в условиях фактического отсутствия досуговой инфраструктуры. В интервью упоминаются два факта попыток создания тренажерных залов во второй половине 1990-х гг. [Интервью 6, 9]. Во втором случае удалось привлечь средства и создать качественную спортивную среду. «*Руководство нашего общежития пошло нам навстречу и сумело выбить очень большую сумму для спортивных снарядов Кеттлер … Многие люди, уже отучившись в университете, туда приезжали заниматься спортом*» [Интервью 6]. В основном же реализовывать потребность в занятиях спортом студенты могли лишь на открытых площадках.

Кроме общения и спорта, наиболее распространенной формой досуга для студентов исторического факультета в 1990-х гг. было чтение. «*Мы много тогда читали. У нас основная культура была книжной культурой*» [Интервью 9]. «*Читали все, что появлялось нового*» [Интервью 8]. «*Книг читали много, их передавали друг другу … Брали и в библиотеке, и покупали также сами*» [Интервью 2]. В данном контексте примечателен и, видимо, характерен для студенчества поколения 1990-х, следующий ответ на вопрос: «На что преимущественно тратилась стипендия?» Одна из участниц ответила: «*В основном: еда и книги*» [Интервью 9]. Местом, где происходили общение, чтение, подготовка к семинарам, был так называемый «исткаб» — Исторический кабинет — факультетская библиотека с небольшим читальным залом. «*И библиотеки, и исткаб были полным-полны, мест не хватало. Все предпочитали еще о чем-нибудь поговорить, о чем-нибудь поспорить*» [Интервью 8]. «*Был, конечно, исткаб, но там нужно было место занять, потому что он все время был «забит» … Встречи назначались именно у исткаба*» [Интервью 10]. Любили студенты истфака также встречаться просто в коридоре и в небольшой рекреации, где стоял круглый стол. Среди популярных разговоров — обсуждение произведений музыки и кинематографа. В большинстве своем студенты-историки интересовались зарубежным кино, а также русской и иностранной рок-музыкой [Интервью 2, 7, 9].

На истфаке всегда были сильны традиции, они неизменно из года в год транслировались от старших курсов к младшим. Известны самодельные песенные буклеты, содержание которых многие поколения студентов-истфаковцев знали наизусть. К наиболее любимым факультетским мероприятиям можно отнести ежегодные Дни первокурсника и Дни истори-

ка, куда обязательно приходили выпускники разных лет, чтобы встретиться с однокурсниками. Не пропускало студенческое сообщество политических КВНов, набравших популярность в период позднего социализма под звучным наименованием «Политбои». Не удивительно, что все участники опроса использовали словосочетание «дух истфака». Особую роль в формировании корпоративности играла и факультетская праздничная культура. Упомянутые Дни историка и Дни первокурсника были площадкой творческой самореализации не только студентов, но и преподавателей. Студенты 1990-х отмечают высокий уровень юмористических и театрализованных постановок, слава о которых не затихала многие годы, продолжая жить в форме легенд у последующих студенческих поколений. «*Было особое какое-то поколение студентов историков, очень умных, очень творческих, очень нестандартно мыслящих. Первая половина 90-х в нашей студенческой жизни ... была насыщена разного рода героями ... прошлых лет*» [Интервью 9].

В рассматриваемые годы складывается, как результат снятия идеологических запретов, новая праздничная культура в виде празднования «Хэллоуина», костюмированных «Баллов Волланда» и различных «сейшнов» [Интервью 2, 6, 8, 9].

Подводя итог, следует подчеркнуть важность источниковедческого контекста в условиях актуализации научного осмысления социальной проблематики первого постсоветского десятилетия. В решении вопросов выявления, сбора и аккумуляции исторических источников перспективным представляется дискурс устной истории. Так, по результатам проведенного устно-исторического исследования показателен объем текстов, полученных после транскрибирования устных записей — в среднем 20 страниц на одно интервью. Информационный спектр их довольно широк: учебный и образовательный процесс; научная деятельность; студенческие организации, неформальный группы; выездные учебные практики, внеучебные мероприятия и праздники; университетская инфраструктура и студенческий быт; финансовые обстоятельства; политическая активность; криминогенная ситуация и прочее. Помимо спектра освещаемых вопросов, хотелось бы обратить внимание на достаточно важную подробность: восприятие прошлого вузовскими преподавателями истории подчинено профессиональным навыкам, сформировавшемуся аналитическому взгляду, стремлению к аргументированным оценкам, что в совокупности придает особую источниковую ценность их интервью.

Yulia A. ROUSINA & Evgenii S. IANTSEVICH
Students' Everyday Life in the "Dashing 1990s": Based on Oral Interviews with Lecturers of the Faculty of History of the Ural Federal University

Abstract. This study is devoted to the period of the 1990s, which had an impact on many processes in the modern Russian society. The history of the everyday life of the first post-Soviet decade, due to a small chronological distance, is promising for a study within the framework of the oral-historical discourse. The aim of the article is to analyze everyday practices in the field of higher education, as well as the perception of the changes that the 1990s brought both to the university system and to the sociopolitical life of the Russian society, based on oral history methodology.

The sources for the study were ten in-depth interviews of professors of the Faculty of History of the Ural State University named after A.M. Gorky (USU, now the Ural Federal University) who studied at this university in the period under study. At the time of the survey, the "former students of the 1990s" held positions of teaching staff, having academic degrees and titles, that is, their evaluative judgments and memories can be qualified as views of university professors of a certain generation. During the interview, participants answered various questions grouped into thematic blocks: circumstances of entering the USU Faculty of History, reasons for choosing the university and the specialty; the place of the university and the Faculty of History in the hierarchy of the Ural higher educational institutions and

other faculties of the university; the educational process, relationships with professors; extracurricular life; student life, communication in the student environment. The interviews also touched upon the questions of the first intakes of the master's programs, options for student earnings, the range of food in student canteens and cafeterias, the problem of drug trafficking among students and the reaction of students to the exacerbation of the criminal situation, the channels of passing on faculty traditions, etc.

Thus, as a result of the research, the important aim of involving the materials of interviewing participants of events with a significant informational potential, which allow to consider a wide range of issues, from general social and political problems to educational and everyday details of the life of post-Soviet students, has been reached. The specificity and significance of the analyzed interviews as historical sources is associated with their belonging to university history professors, whose perception of the past is influenced by their professional skills, formed analytical view and desire for reasoned assessments.

Keywords: 1990s, Middle Urals, Yekaterinburg, higher school, Ural State University named after A.M. Gorky, students, oral history, social history, history of everyday life, oral-historical interview.

Примечания:
Источники:
Интервью 1: А. А., мужчина, 1975 г. р.
Интервью 2: Е. Б., женщина, 1982 г. р.
Интервью 3: Н. К., женщина, 1975 г. р.
Интервью 4: Н. П., мужчина, 1974 г. р.
Интервью 5: О. С., мужчина, 1980 г. р.
Интервью 6: Р. Г., мужчина, 1980 г. р.
Интервью 7: С. К., мужчина, 1972 г. р.
Интервью 8: С. С., мужчина, 1969 г. р.
Интервью 9: С. И., женщина, 1973 г. р.
Интервью 10: Т. К., женщина, 1972 г. р.

Notes:
Sources
Interview 1: A.A., male, born 1975
Interview 2: E.B., female, born 1982
Interview 3: N.K., female, born 1975
Interview 4: N.P., male, born 1974
Interview 5: O.S., male, born 1980
Interview 6: R.G., male, born 1980
Interview 7: S.K., male, born 1972
Interview 8: S.S., male, born 1969
Interview 9: S.I., female, born 1973
Interview 10: T.K., female, born 1972

Использованная литература:

1. Беликова Л. Ф. Отношение студентов к внеучебной деятельности в вузе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 51–57.

2. Бояршинова И. М. Молодежные объединения Южного Урала в 1990–2000 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 42–46.

3. Вишневский Ю. Р., Шапко, В. Т. Студент 90-х: социокультурная динамика // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 56–63.

4. Геллер М., Некрич А. История России 1917–1995: В 4 т. Т. 4. Глазами историка. Россия на распутье. 1990–1995. М.: «МИК», «Агар», 1996.

5. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства: В 2 т. М: Эдиториал УРСС, 2000–2001.

6. Емельянов В. В. Студенты об адаптации к вузовской жизни // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 77–82.

7. Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 124–128.

References:

1. Belikova, L.F. (2000) Otnoshenie studentov k vneuchebnoy deyatel'nosti v vuze [Students' attitude to extracurricular activities in the university]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 51–57.

2. Boyarshinova, I.M. (2012) South Ural Youth Organizations in 1990–2000. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University.* 3. pp. 42–46. (In Russian).

3. Vishnevskiy, Yu.R. & Shapko, V.T. (2000) Student 90-kh: sotsiokul'turnaya dinamika [Student of the '90s: sociocultural dynamics]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 56–63.

4. Geller, M. & Nekrich, A. (1996) *Istoriya Rossii. 1917–1995* [History of Russia. 1917–1995]. Vol. 4. Moscow: "MIK", "Agar".

5. Gordon, L.A. & Klopov, E.V. (2000–2001) *Poteri i obreteniya v Rossii devyanostykh. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki ekonomicheskogo polozheniya narodnogo bol'shinstva* [Losses and hits in the nineties in Russia. Historical and sociological essays on the economic situation of the majority of the people]. Vols 1–2. Moscow: Editorial URSS.

6. Emel'yanov, V.V. (2001) *S*tudenty ob adaptatsii k vuzovskoy zhizni [Students about adapting to college life]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 77–82.

8. Черноухов А. В. Исторический факультет Уральского государственного университета. 1970–1991. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2016.

9. Черноухов А. В. Исторический факультет Уральского государственного — Уральского федерального университета. 1992–2018. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2018.

7. Karpukhin, O.I. (2000) Molodezh' Rossii: osobennosti sotsializatsii i samoopredeleniya [Youth of Russia: Features of socialization and self-determination]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 124–128.

8. Chernoukhov, A.V. (2016) *Istoricheskiy fakul'tet Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 1970–1991.* [Faculty of History, Ural State University. 1970–1991]. Yekaterinburg: Ural State University.

9. Chernoukhov, A.V. (2018) *Istoricheskiy fakul'tet Ural'skogo gosudarstvennogo – Ural'skogo federal'nogo universiteta. 1992–2018.* [Faculty of History, Ural State – Ural Federal University. 1992–2018]. Yekaterinburg: Ural State University.

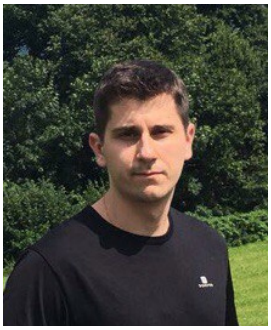
Полная библиографическая ссылка на статью:

Русина Ю. А. Студенческое бытие в «лихие 1990-е»: по материалам устных интервью преподавателей исторического факультета Уральского федерального университета [Электронный ресурс] / Ю. А. Русина, Е. С. Янцевич // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 52-59. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Rousina_Iantsevich.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Rousina, Yu. A. & Iantsevich, E. S. (2019) Students' Everyday Life in the "Dashing 1990s": Based on Oral Interviews with Lecturers of the Faculty of History of the Ural Federal University. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 52-59. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Rousina_Iantsevich.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

ГОРШЕНЕВ Константин Константинович
аспирант кафедры философии, социологии и педагогики
Майкопского государственного технологического университета
Майкоп, Россия
Konstantin K. GORSHENEV
Graduate Student, Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics
Maikop State Technological University
Maykop, Russian Federation
kon90@mail.ru



УДК 008-143.5(100):[339.9+327.2]
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

Глобализация и империализм в контексте взаимодействия культур: подходы, мнения, идеи

Globalization and Imperialism in the Context of the Interaction of Cultures: Approaches, Opinions, Ideas

Авторское внимание сосредоточено на поиске оснований разграничения метафор «глобализация» и «империализм», широко используемых в теоретическом дискурсе. Сравнительный анализ литературы убеждает в том, что соответствующие понятия в контексте взаимодействия культур не могут быть редуцированы и не поглощают друг друга. Глобализация – понятие более широкое, включающее в себя не только империалистические амбиции отдельных субъектов глобальных процессов, но и альтернативы, подразумевающие равноправную субъектность народов мира и их культур в межкультурном взаимодействии. Империализм же следует рассматривать как одну из многих возможных управленческих стратегий, которая создает факторы риска для стабильного развития в условиях глобализации.

Ключевые слова: культурное взаимодействие, глобализация, империализм, глобалистика, гомогенизация мира, миросистема, нации, корпорации, стабильное развитие.

Идея глобального мира как сообщества людей всеобъемлющего масштаба не нова. В древнейших космогонических концепциях мир как средоточие жизни един. Единство мира служит основанием монотеизма. Концепция империи подразумевает единство мира и возможность политического управления им. Диогену приписывается авторство термина «космополит» (гражданин мира) [5, с. 254], говорящего об особой культурной идентичности личности. В XIX в. началось формирование представлений как о некоторых общемировых социальных процессах (О. Конт, Э. Дюркгейм, К. Маркс и др.), так и о различиях культурных оснований развития обществ (М. Вебер, Э. Тэйлор, Н. Данилевский и др.). Когда разру-

шительные последствия двух мировых войн XX столетия обозначили проблему глобального самосохранения человечества в контексте необходимости управления мировыми процессами для снижения потенциальных военно-политических, экономических, экологических, социокультурных рисков, соответствующая тематика стала предметом междисциплинарных исследований. Образование ООН (1942–1945 гг.), ЮНЕСКО (1945 г.), «Римского клуба» (1968 г.), а в дальнейшем и целого ряда влиятельных международных неправительственных и наднациональных организаций обусловлено стремлением решать совместно общие проблемы. Само появление этих институтов свидетельствует о субъектности мирового сообщества, о глобальной сфере общих интересов.

Доклады «Римского клуба», базирующиеся на математическом анализе обширных массивов эмпирических данных, обеспечили предельную степень систематизации и обобщения эмпирической фактуры. Этот новый уровень моделирования перспектив и тенденций глобального масштаба обозначил предметную область глобалистики на перекрестье наук («Пределы роста» 1972 г. Д. Медоуза и др.; «Человечество у поворотного пункта» 1974–1975 гг. М. Месаровича, Э. Пестеля; «Пересмотр международного порядка» 1976 г. Я. Тинбергена; доклады Б. Гаврилишина, Д. Гарбора, М. Гернье, Э. Ласло и др.). Но в философских, социологических и политологических выводах из этого материала парадоксальным образом сталкиваются результаты взаимодействия культур. С одной стороны, учитывается наличие действительно существующей общечеловеческой культурной сферы глобальных интересов всех людей планеты (В. И. Вернадский, Д. С. Лихачев, Э. С. Маркарян и др.), с другой — отстаиваются глобальные интересы некоторой цивилизационной элиты (З. Бжезинский, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма и др.). С одной стороны, культурное разнообразие признано одним из важнейших ресурсов стабильного развития (Д. Медоуз, Я. Тинберген, М. Гернье, Э. Ласло и др.), с другой,— им же оправдывают экономическое неравенство и цивилизационную экспансию (Р. Пребиш, А. Франк, З. Бжезинский и др.). Указанное несовпадение подходов актуализирует дилемму: считать ли глобализацию естественным результатом взаимодействия культур, или она — идеологический инструмент имперской политики?

Отечественный политолог Р. В. Евстифеев, обобщая и классифицируя различные трактовки сущности понятия «глобализация», акцентировал внимание на том, что «в понимании процессов глобализации большую роль играют метафоры, роль и значение которых в развитии социальных наук уже обоснованы и признаны» [6, с. 4]. Этот теоретический конструкт относится к комплексным обозначениям, необходимым для определения многогранных и сложных процессов, происходящих в современном мире [13, с. 22]. В работах Н. Е. Покровского, И. В. Подберезского, Т. А. Овсянникова глобализация понимается именно так (см.: [10], [11], [12]).

Американские ученые предпочитают присваивать идею глобализации социокультурных и экономических явлений политологической традиции США (Дж. Маклин [18, p. 13–17]), что, в принципе, объяснимо прагматикой социокультурного процесса символизации успеха [1]. Кстати, заметим, Дж. Маклин убеждал в превосходстве американской теоретической мысли и культуры узбекских студентов (ташкентские лекции 1999 г.). Цель такого самопозиционирования — стратегическое лидерство, формирование устойчивых представлений о превосходстве науки и политической системы США над «отсталыми» научными традициями и системами. Это пример реализации механизма так называемой «мягкой силы» через позиционирование превосходства одной системы ценностей над другими (культурный империализм). В силу метафоричности концепта «глобализация» происходит подмена категорий: через прагматику самопозиционирования описывают общецивилизационные глобальные изменения и их тенденции, создавая «общецивилизационистские» идеологически мотивированные симулякры реальности (М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др.). В результате, к примеру, М. В. Маргелов считает, что именно американская политологическая мысль в 1970–1980 гг. пытается «...понять исторический процесс усиления глобализации социальных отношений и дать ему объяснение» [9, с. 47], игнорируя тот факт, что о «всесторонней связи и всесторонней за-

висимости наций друг от друга» сказано еще в «Манифесте коммунистической партии». В этой связи И. В. Подберезский цитирует фрагмент «Das Manifest der Kommunistischen Partei» К. Маркса и Ф. Энгельса, опубликованный, как известно, в 1848 г. в Лондоне: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим … на смену местной и национальной замкнутости … приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» [12, с. 22].

Американец японского происхождения Ф. Фукуяма, отталкиваясь от основополагающих принципов философии истории Г. Гегеля, К. Маркса, выдвинул в 1992 г. концепцию о том, что «конец истории» есть достижимый идеал либерально-демократического общественного устройства и цель цивилизационного развития [14]. В 1990 г. профессор Гарвардской школы бизнеса К. Омэ опубликовал свою знаковую книгу «Мир без границ», где последовательно концептуализирована архитектура макроэкономической «Триады» — система мировой экономики, базирующаяся на тесной взаимозависимости и координации усилий трех центров силы (ЕС, США и Япония) [19]. Отечественный экономист и политолог В. И. Кузнецов, сравнивая марксистское понимание империализма с трактовкой «глобализации» Т. Левиттом (1983 г.) и К. Омэ (1990 г.), как феномена слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями, пришел к выводу, что идея глобализации — всего лишь идеологическое прикрытие имперских амбиций транснациональных корпораций [7, с. 19–20].

Необходимо отметить, что идея мирового рынка владела умами европейских экономистов еще с XIX столетия (Э. Амари, Ж.-П. Клеман и др.), но факт вхождения постсоветской России, стран «восточного блока», стран Центральной и Юго-восточной Азии, Индии и пореформенного Китая в мировую экономическую систему к концу XX в. задал импульс к осмыслению конфигурации глобального проекта в контексте миросистемного подхода (А. Г. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин, Дж. Арриги и др.). Есть ли основания для трансформации протейлоровского эволюционизма в «общецивилизационистскую» идеологию однополярного мирового порядка, если социокультурные процессы на Востоке предопределяют эволюцию западных идей? Теоретическая модель диалога Запад — Восток, подразумевающая, что макроэкономические и геополитические процессы являются следствием взаимодействия культур, точнее отражает диалектику общецивилизационного развития, поскольку учитывает диалектику коммуникативных процессов, вокруг которых и возникают ценностные и стоимостные отношения. Идея взаимодействия позволяет масштабировать диалогическую модель применительно к региональным проблемам различного уровня [13], а в рамках реляционной теории коммуникации — применительно к любому межсубъектному уровню [16].

Рассматривая глобализацию как актуальную научную метафору, Р. В. Евстифеев выделил три основных подхода к пониманию глобальных процессов [6, с. 4]. На примере работ европейских ученых (У. Бека, Д. Хелда, М. Маклюэна) он показал опыт осмысления глобализации как процесса строительства космополитического глобального общества («глобальной деревни») и отдельно от этого рассмотрел работы, посвященные исследованию дискриминационных рисков в результате глобального перераспределения мировых ресурсов (Т. Александер, М. Хард, А. Негри), а также труды сторонников отождествления глобализации с процессами строительства «мировой империи» и гомогенизации мира (Б. Брабер, Э. Галло, Г. Балакришан и др.).

Д. Миттель, работая в составе международной группы исследователей, классифицировал теоретические подходы к осмыслению сущностных характеристик глобализации по трем основаниям: рассмотрение глобализации как многогранного объективного исторического процесса; подход к глобализации как процессу гомогенизации мира и проектированию единых принципов, единых ценностей и механизмов всеобщей универсализации; осознание возрастающей взаимозависимости, главное следствие которой — ослабление национального государственного суверенитета под воздействием новых общепланетарных факторов (деятельность транснациональных корпораций, религиозных группировок, сетевых организаций и проч.) [4, с. 179].

Существует целый ряд теорий, отличающихся различными подходами к исследованию процессов глобализации:

1) экономически ориентированные подходы: теория интернационализации, теория «периферийного капитализма» теория глобальной экономики, неолиберальная теория, теория «финансовой глобализации»;

2) геополитически и социально-политически ориентированные подходы: теория «фрагментации», теория «глоболокализма», теория «глокализации», неомарксистская теория, теория «системы систем», теория «общества риска», теория трансформации социального опыта, концепция «Open Future», теория построения глобальной системы координат, концепция замены типа связей между людьми, теория вестернизации;

3) направления, ориентированные на цивилизационные и социокультурные исследования: личностный подход, теория «глобальной цивилизации», теория нового типа элит, концепция объективного исторического развития;

4) направления, ориентированные на международно-политическое исследования: теория «целого мирового сообщества», «глобализация обеспокоенности», концепция возникновения новой системы международных отношений, теория правовой глобализации;

5) направления, ориентированные на критику и отрицание глобализационных процессов: теория «запутанного порядка» и др.

Таким образом, есть основания понимать под глобализацией тенденции культурных, экономических, социальных и политических изменений, приводящих к смене локальной, территориально замкнутой социальной организации социально-экономической организацией глобального типа. Это процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, сопровождающийся унификацией и диверсификацией тенденций социокультурного развития стран и народов. Основным следствием глобализации является мировое разделение труда и ресурсов (диверсификация), миграция в масштабах всей планеты капитала, символических, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние (унификация) культур разных стран. В этом контексте глобализацию следует рассматривать как объективный процесс, который носит системный характер и охватывает все сферы жизни общества.

Если глобализация — объективный процесс, то что же такое империализм?

Теория империализма разрабатывалась Дж. Э. Гобсоном, В. И. Лениным, О. Бауэром, Р. Гильфердингом и др. Под империализмом понимается стадия развития экономических отношений капиталистического уклада, «когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [8, с. 387]. В статье «Империализм как высшая стадия капитализма» анализируются тенденции, которые на рубеже XIX–XX вв. заложили траектории для дальнейшего процесса глобализации: становление и рост политического и экономического влияния «международных картелей» (транснациональных корпораций); сращивание экономических интересов и политических связей в капиталистических странах между государственными структурами власти и бизнес-сообществом; появление международных финансовых институтов и транснациональных банковских организаций и упрочнение их роли в развитии мировой экономики.

Марксистская политэкономическая концепция сроилась на положении, что диалектика классовых противоречий неминуемо ведет к становлению альтернативы капиталистической унификации в форме коммунистического уклада хозяйствования, из которого логично вытекает еще более высокая степень унификации хозяйственной и политической жизни.

Противостояние политических систем в XX в. показало, что, вне зависимости от идеологических приоритетов, все унифицированные модели политических систем ведут к установлению имперских отношений между метрополией и провинцией. По существу, о со-

циализме и капитализме можно говорить как о двух взаимоисключающих экономических основах империализма. В обоих случаях речь идет о стремлении митрополии к гегемонии над всеми сферами жизни провинции, различия можно наблюдать лишь в средствах достижения гегемонии: посредством корпораций (капитализм) или национализации средств производства (социализм). Причем идея национальной государственности, сакральная мечта всех народов, не вмещается в обе имперские доктрины [2, с. 217–231].

В эпоху противостояния политических систем СССР и США заявила о себе и третья сила — так называемые третьи, развивающие страны. В 1960–1970-е гг. складывается метатеория зависимости и периферийного развития, выдвинутая группой латиноамериканских экономистов и социологов. Ее основателем признается известный аргентинский экономист Р. Пребиш [15, с. 47]. С метатеорией зависимости, вводящей в оборот понятие неоимпериализма, связана и концепция эволюции стран третьего мира А. Г. Франка, употребившего выражение «развитие недоразвитости» при описании глобальных тенденций реализации ведущими державами своих имперских амбиций [18]. Индустриальные страны богатели за счет третьего мира, который они сами создали благодаря своей колониальной и неоимпериалистической политике.

На концепции неравенства строится и теория мировой системы И. Валлерштайна [3]. По Валлерштайну, с XVI в. по настоящее время идет процесс формирования системы глобальных экономических и политических связей, основанных на экспансии капиталистической мировой экономики. Эта экономика предполагает существование стран ядра, стран полупериферии, периферии и внешней арены. Государства ядра — те, в которых ранее всего возникли современные виды предпринимательства, а затем начался процесс индустриализации: Великобритания, Нидерланды, Франция и присоединившиеся позднее страны Северо-западной Европы, например, Германия. На территории стран ядра зародилось промышленное производство, возникли передовые формы хозяйствования, сформировались устойчивые связи хозяйственных и политических институтов, приведшие к оптимизации политических систем. И. Валлерштайн утверждает, что поскольку страны ядра доминируют в мировой системе, они в состоянии организовать мировую торговлю так, чтобы она отвечала их интересам. Он согласен со сторонниками теории зависимости в том, что страны первого мира приобрели возможность эксплуатировать ресурсы стран третьего мира в своих собственных целях и, по существу, обосновывает историческую неизбежность империализма ведущих индустриальных держав, доминирование которых зиждется на более рациональной системе управления производством и потреблением.

Таким образом, империализм, прежде всего,— это экспансивная управленческая стратегия, рассчитанная на властную монополию в управлении глобальными социально-экономическими и социокультурными процессами с целью неравномерного распределения ресурсов в пользу митрополии и закрепления подчиненного положения периферии (стран, народов, континентов). В экспансивности заключается как сила империализма, так и его слабость. С оной стороны, у любой экспансии есть «пределы роста» (Д. Медоуз и др.), с другой — она обязательна сталкивается с сопротивлением, которое усиливает нестабильность и неопределенность развития.

Обобщим вывод из представленного анализа основных подходов. Понятия «глобализация» и «империализм» в контексте взаимодействия культур не могут быть редуцированы и поглощены одно другим. Глобализация — понятие более широкое, включающее в себя не только империалистические амбиции отдельных субъектов мировой политики, но и альтернативы, подразумевающие равноправную субъектность народов и их культур в интеграционных глобальных процессах. Империализм как управленческую стратегию можно причислить к серьезным рискам стабильного развития, к рискам глобализации.

На этапе постановки проблемы и изучения соотношений глобализации и империализма в контексте взаимодействия культур крайне важно обнаружить достаточные основания для дифференциации этих основных категорий.

Konstantin K. GORSHENEV

Globalization and Imperialism in the Context of the Interaction of Cultures: Approaches, Opinions, Ideas

Abstract. In the context of the interaction of cultures, it is important to study the interrelations of economic, political, social and cultural processes, which together constitute the global sphere of common interests of countries and peoples of the world. In the first decades of the 21st century, it becomes obvious that globalism does not focus on macroeconomic and geopolitical problems. The calls of UNESCO for the preservation of the world cultural heritage and cultural diversity as resources for the sustainable development of civilization are becoming ever more relevant. In this regard, the question arises: is globalization a natural result of the interaction of cultures or an ideological instrument of the imperial policies of individual subjects of world politics? The author of the article focuses on finding theoretical grounds for distinguishing these two categories.

From the neo-Marxist position, globalization is interpreted as an ideological project covering the imperial ambitions of transnational corporations. Therefore, a comparative analysis of various approaches, their classification, synthesis and typology are aimed at describing the essential characteristics of globalization and imperialism as objective phenomena. An analysis of the literature gives grounds to understand globalization as a set of trends in cultural, economic, social and political changes leading to a replacement of the local, territorially closed social organization by a socio-economic organization of a global type. This is a process of world economic, political and cultural integration, accompanied by the unification and diversification of the trends in the socio-cultural development of countries and peoples. Imperialism as an objective, first of all, is a managerial expansive strategy designed for a powerful monopoly in managing global socio-economic and socio-cultural processes with the goal of an uneven distribution of resources in favor of the metropolis and consolidation of the subordinate position of the periphery (countries, peoples, continents). The concepts of "globalization" and "imperialism" in the context of the interaction of cultures cannot be reduced or narrowed down to one another. Globalization as a broader concept includes alternatives that imply an equal agency of peoples and their cultures in the integration global processes.

Keywords: cultural interaction, globalization, imperialism, global studies, homogenization of the world, world system, nations, corporations, sustainable development.

Использованная литература:

1. Бакуменко Г. В. Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем // Политика и общество. 2015. № 7. С. 964–977. URL: http://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=34169 (дата обращения: 07.05.2019).

2. Борисов Б. П. Сакрализация и профанация национальной государственности // Спасут ли мир дельфины? Русские беседы о сакрализации прекрасного. SSRN: Elsevier Inc., May 5, 2019. URL: https://ssrn.com/abstract=3382991 (дата обращения 15.05.2019).

3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. Н. В. Тюкиной. М.: URSS, 2017.

4. Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М.: Вариант, 2002.

5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.

References:

1. Bakumenko, G.V. (2015) The process of symbolising success as a principle of spatial-environmental orientation of the elements of sociocultural systems. *Politika i obshchestvo – Politics and Society*. 7. pp. 964–977. [Online] Available from: http://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=34169. (Accessed: 07.05.2019). (In Russian). DOI: 10.7256/1812–8696.2015.7.14468

2. Borisov, B.P., (2019) Sakralizatsiya i profanatsiya natsional'noy gosudarstvennosti [Sacralization and the Profanation of National Statehood]. In: Bakumenko, G. et al. *Spasut li mir del'finy? Russkie besedy o sakralizatsii prekrasnogo* [Dolphins Save the World? The Russian Dialogues on the Sacralization of the Beautiful]. SSRN: Elsevier Inc. [Online] Available from: https://ssrn.com/abstract=3382991. (Accessed 15.05.2019).

3. Wallerstein, I. (2017) *Mirosistemnyy analiz: Vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Translated from English by N.V. Tyukina. Moscow: URSS.

6. Евстифеев Р. В. Государство и общество в XXI веке: метафоры глобализации и глобализация метафор // Социум и власть. 2010. № 1. С. 4–9.

7. Кузнецов В. И. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 13–20.

8. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полное собрание сочинений: В 55-ти т. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 27. С. 299–426.

9. Маргелов М. В. «Глобализация» – превратности термина // США. Канада: Экономика, политика, культура. 2003. № 9. С. 47–59.

10. Овсянникова Т. А. Глобализация или глокализация: стратегия развития локальных культур // Вестник Майкопского технологического университета. 2018. № 4. С. 155–160.

11. Подберезский И. В. Глобализация – неотвратимая и желанная? // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 12. С. 98–103.

12. Покровский Н. Е. Глобализация и конфликт // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 1999. № 2. С. 17–36.

13. Региональная культурная политика: методология, институты, практики (Ценностно-нормативный подход) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко и др. М.: Институт Наследия, 2019.

14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007.

15. Штомпка П. Социология: анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. М.: Логос, 2010.

16. Baxter L. A. Voicing Relationships: A Dialogic Perspective. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc., 2011.

17. Frank A.G. Crisis: In the Third World. New York; London: Holmes & Meier Publishers, Inc., 1981.

18. McLean G. F. Freedom, Cultural Traditions, and Progress: Philosophy in Civil Society and Nation Building // The Council for Research in Values and Philosophy, 2000–2019. URL: http://www.crvp.org/publications/Series-I/I-22.pdf (дата обращения 12.05.2019).

19. Ohmae K. The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. New York: Harper Business, 1990.

4. Timofeev, T.G. (ed.) *Dilemmy globalizatsii. Sotsiumy i tsivilizatsii: illyuzii i riski* [The dilemmas of globalization. Societies and civilizations: Illusions and risks]. Moscow: Variant.

5. Diogenes Laërtius. (1979) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [Lives, teachings and sayings of famous philosophers]. Translated from Old Greek by M.L. Gasparov. Moscow: Mysl'.

6. Evstifeev, R.V. (2010) The State and Society in XXI Century: Metaphors of Globalization and Globalization of Metaphors. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 1. pp. 4–9. (In Russian).

7. Kuznetsov, V.I. (1998) Chto takoe globalizatsiya? [What is globalization?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 2. pp. 13–20.

8. Lenin, V.I. (1969) Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the highest stage of capitalism]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: V 55-ti t.* [Complete Works: In 55 vols]. Vol. 27. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 299–426.

9. Margelov, M.V. (2003) "Globalizatsiya" – prevratnosti termina ["Globalization" – the vicissitudes of the term]. *SShA. Kanada: Ekonomika, politika, kul'tura – The USA - Canada: Economics, Politics, Culture*. 9. pp. 47–59.

10. Ovsyannikova, T.A. (2018) Globalizatsiya ili glokalizatsiya: strategiya razvitiya lokal'nykh kul'tur [Globalization or glocalization: A strategy for the development of local cultures]. *Vestnik Maykopskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 4. pp. 155–160.

11. Podberezskiy, I.V. (2002) Globalizatsiya – neotvratimaya i zhelannaya? [Globalization: inevitable and desirable?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 12. pp. 98–103.

12. Pokrovskiy, N.E. (1999) Globalizatsiya i konflikt [Globalization and conflict]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2. pp. 17–36.

13. Gorlova, I.I. et al. (2019) *Regional'naya kul'turnaya politika: metodologiya, instituty, praktiki (Tsennostno-normativnyy podkhod)* [Regional cultural policy: methodology, institutions, practices (A value-normative approach)]. Moscow: Institut Nasledіya.

14. Fukuyama, F. (2007) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The end of History and the Last Man]. Translated from English by M.B. Levin. Moscow: AST.

15. Sztompka, P. (2010) *Sotsiologiya: analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology: An analysis of modern society]. Translated from Polish by S.M. Chervonnaya. Moscow: Logos.

16. Baxter, L.A. (2011) *Voicing Relationships: A Dialogic Perspective*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc.

17. Frank, A.G. (1981) *Crisis: In the Third World*. New York; London: Holmes & Meier Publishers, Inc.

18. McLean, G.F. (1999) *Freedom, cultural traditions, and progress: Philosophy in civil society and nation building, Tashkent lectures*. The Council for Research in Values and Philosophy. [Online] Available from: http://www.crvp.org/publications/Series-I/I-22.pdf. (Accessed 12.05.2019).

19. Ohmae, K. (1990) *The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy*. New York: Harper Business.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Горшенев К. К. Глобализация и империализм в контексте взаимодействия культур: подходы, мнения, идеи [Электронный ресурс] / К. К. Горшенев // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 60-67. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Gorshenev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gorshenev, K. K. (2019) Globalization and Imperialism in the Context of the Interaction of Cultures: Approaches, Opinions, Ideas. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 60-67. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Gorshenev.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

РЫБАК Кирилл Евгеньевич
доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Москва, Российская Федерация
Kirill E. RYBAK
Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation,
kirill.rybak@mkrf.ru

ИЗБАЧКОВ Юрий Сергеевич
независимый исследователь
Москва, Россия
Yuri S. IZBACHKOV
Independent Researcher
Moscow, Russian Federation
strax5@list.ru

УДК [008:808.1]:141.339
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

Образ Наталии Рокотовой как ключ к пониманию творческого метода Елены Ивановны Рерих

The Image of Natalia Rokotova as the Key to Understanding the Creative Method of Helena Ivanovna Roerich

В настоящей статье ставится под сомнение фактологическая основа синкретического религиозно-философского учения «Агни-Йога» («Живая Этика»), созданного в первой половине XX в. Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем Рерихами.

Согласно этому учению, возникшему в процессе «бесед» с неким Великим Учителем, семья Рерихов и сам Учитель являются посланцами «Великого Белого Братства», призванными передавать людям тайны мироздания для поднятия на новую ступень эволюции. Причём эту миссию они якобы несут не только в современной им исторической действительности, но и в своих воплощениях в прошлых жизнях.

В ходе исследования стало очевидно, что, описывая события из жизни своих воплощений, Елена Рерих допускала явные ошибки. Это показано на примере рязанских помещиков первой трети XIX века Наталии и Ивана Рокотовых, которые, по словам создателей учения, были воплощениями Елены Рерих и её сына Святослава.

Авторы статьи реконструировали биографии этих персонажей по записям Елены Рерих, затем сопоставили их со сведениями из архивных документов о дворянах Рокотовых в Российской империи и установили, что Наталия и Иван Рокотовы с их биографиями, описанными Еленой Рерих, являются вымышленными людьми – симулякром, а само учение «Агни-Йога» – литературной переработкой религиозных текстов и широко известных исторических фактов.

Ключевые слова: Живая Этика, Агни-Йога, секта, Елена Рерих, Наталия Рокотова, Наталья Ростова, Л. В. Шапошникова, Лев Толстой, исторический симулякр, нарушение мышления, религиозный опыт.

Елена Ивановна Рерих (урожденная Шапошникова) известна миру не только как супруга художника Николая Константиновича Рериха, но и как один из создателей и главный вдохновитель «Агни-Йоги», или «Живой Этики»,— эклектического религиозного учения, являющегося разновидностью течения «New Age» («Новая эра», «Новый век»).

Елена Рерих слышала голоса, которые принимала за общение с Учителем[1], вознамерившимся передать через нее человечеству тайны мироустройства. Она считала себя очередным воплощением женского начала[2], периодически являвшегося на Землю и контактировавшего с воплощениями других «космических» сущностей.

«Живая Этика» наполнена заимствованиями из буддизма, христианства, индуизма, теософии, манихейства и ряда других учений, однако значительная часть положений извлечена из контекста и переработана Еленой Рерих.

Учение «Живой Этики» утверждает существование кармы и циклов перерождения, однако не в восточном понимании — как цикла страданий и смертей (сансара), а в типично европейском, «светлом» — как цикла перерождений на пути к просветлению и просвещению. Каждая новая жизнь в интерпретации Елены Рерих дает шанс встретить приход на Землю «сил Космоса», чтобы обладатель кармы был призвал ими в свои ряды для борьбы со Злом на новой ступени эволюционного развития.

Елена Рерих утверждала, что не только она, но и ее ближний круг — Учитель, муж Николай Рерих и сыновья Юрий и Святослав — многократно воплощались на Земле в личностях, сыгравших решающую роль в развитии человечества.

В книгах «Живой Этики» и других относимых источниках (помимо этих книг к источникам «Учения» относят переписку Рерихов, дневниковые записи Елены Рерих, рисунки, выполненные в технике автоматического письма) упоминаются следующие воплощения Елены Рерих: египетская царица Хаштепсут (XV в. до Р. Х.); Нефрит (VII в. до Р. Х., жрица богини Хатор); Урукай (VI в. до Р. Х., жена хана Щагия); Ядвига Цольберндармштадтская

[1] Мы в своих статьях обращали внимание на странности Учителя в вопросе лечения Еленой Рерих своего мужа Николая Рериха. С одной стороны, по замыслу Учителя, ее муж должен был стать духовным лидером человечества, если бы правильно воспринимал советы Учителя, с другой стороны, его советы явно не способствовали выздоровлению Николая Рериха.

[2] См., например, фрагменты записей Елены Рерих, данных ей через Учителя: «Яро оявись со Мною и сегодня на близости большой. Яро оявись на близости ко Мне яро уяви Мне свою любовь и доверие родная, и не являй никакого смущения, ибо Яро Я полный Архат и Ярый Ветхий Деньми. И яро Космос тут Мой и яро могу знать зачатие его, родная» [40]. «Ярая уявилась Мне Сокровенной Женой на своем последнем земном пути, но ярая не должна сомневаться, ибо ярая могла стать женой сокровенною Люцифера на этом земном пути. Но ярая нравственная чистота твоя соединена со страстной нравственной чистотой Моего Учения и ярая оявила Мне предпочтение» [39].

(XIII в., феодалка); индийская царица (жена хана Акбара); Жозефина Сент-Илер (XII в., монахиня); монгольская царица из рода Чингисхана; Мириам из Килен (III в. до Р. Х., подруга императора Диоклетиана); простая девочка-гречанка времен Оригена (III в.); Одула (ассирийка, жена шейха Ибн-Рагима); Ниандра, или Ниянара (жрица в Сицилии); Наталия Рокотова (XIX в., рязанская помещица); Аспазия (V в. до Р. Х., греческая гетера, жена Перикла в Афинах); Мария Анжуйская; Гертруда Ноде (музыкант); Кешиджа (II в. до Р. Х., жрица в Карфагене); Олула, или Аналула (I в. до Р. Х., сирийка, жена шейха Ибн-Рагима); безымянная родственница герцога Тирольского (XI в., Германия); казанская царица Елена Голенищева-Кутузова (XV в.); Ябучтуу (царица Мексики); маркграфиня Ута Балленштедтская, она же Ута Наумбургская (XI в., жена Экке-харда II, маркграфа Мейсена, Саксонской Восточной марки и графа Хутици); сестра Мории, предводителя первых народов, двинувшихся из Азии; Майтри (VI–V вв. до Р. Х., возможно, дочь Будды); безымянная жена дофина (XV в.); сестра Чарнойя (1674–1699); иудейская царица Иялуру; Ямына Владетельница (ученица Аллал-Минга); Махарани Кашмирская; Вайдегунда (времена царя Соломона, дочь фараона).

Из этих же источников мы узнаем о воплощениях Учителя (Мория, Моисей, Рама, Шри Кришна, Зороастр, Соломон, Гаутама Будда, Иисус Христос, Аполлоний Тианский, Ориген, Сергий Радонежский, Акбар, Чарнойа, Майтрейя), Николая Рериха (М. А. Державин, Леонардо да Винчи, китайские священники, императоры и др.), Юрия Рериха (М. В. Ломоносов, Тамерлан, Хан Гирей, воин-конник) и его младшего брата Святослава Рериха (Тициан, сын царя Соломона, царь Финикии, сын китайского императора, сын индийского императора, Иван Рокотов).

О некоторых воплощениях идут споры. Например, Жанна д'Арк признается воплощением, но не указывается кого именно. Адепты «Учения» делают вывод, что поскольку четверо из переживавших воплощения — мужчины (Николай, Юрий и Святослав Рерихи и Учитель), то Жанна д'Арк — это, вероятнее всего, образ Елены Рерих в ее прошлой жизни. В этой связи показательна реакция наиболее рьяных рериховцев на пожар в Соборе Парижской Богоматери в апреле 2019 г. Апеллируя к тому факту, что именно в нем в свое время проходил суд над Жанной д'Арк, некоторые из них усматривают в случившемся угрожающий сигнал «космических сил» человечеству.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что вопрос воплощений увлекает адептов «Живой Этики» и исследователей творчества Рерихов [13] своей таинственностью. Не обладая полнотой информации, но имея дело с заманчивыми историями и предположениями, они, стимулируя собственное воображение, ищут пути развития отношений между Рерихами и «посланцами Космоса».

Мы полагаем, что в данном случае наблюдается частое в религиозной практике явление — «воровство богов». Адептам нравится, что большинство известных им персонажей (вымышленных и реально существовавших) органично вписаны в «Учение». Лидеры современных рериховских групп эту тенденцию уловили. Например, предпринимаются настойчивые попытки увязать происхождение фамилии Рерих с именем Рюрик, кроме того, всячески поддерживается версия о том, что один из предков Елены Рерих, урожденной Шапошниковой, получил свою фамилию по переезде в Россию из-за того, что, будучи бургомистром Риги, передал царю Петру I шапку, богато украшенную драгоценными камнями.

Упомянутая концепция заимствования была подхвачена последователями учения «Живая Этика», среди которых стоит отметить бывшего лидера Международного центра Рерихов Л. В. Шапошникову, активно обращавшуюся к теме перерождений. Эйнштейн, Гумилев, Циолковский, Вернадский и другие известные личности причислялись к посланцам «космических сил Света»[3].

[3] «Духи космоса» якобы вселяются в тела землян в утробе матери. Рождаясь, эти дети очень быстро проявляют удивительные способности, выделяющие их из числа сверстников. Это так называемые «дети индиго», в терминологии некоторых рериховских сект – «дети Света» или «дети Нового Сознания»). Повзрослев, такие дети, по мнению адептов «Живой Этики», передают человечеству крупицы знаний, шаг за шагом выводя общество к состоянию «просветления». Но часто бывает, что челове-

На пути сакрализации исторических персонажей рериховцы сталкиваются с неожиданными проблемами. Так, например, прорабатывалось обоснование причисления к «рериховскому пантеону» членов семьи Кюри [45]. Пьер Кюри (физик, лауреат Нобелевской премии по химии), Мария Склодовская-Кюри (экспериментатор, физик, химик, первооткрыватель радиоактивности, педагог, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по химии и по физике) и две их дочери Ирен Жолио-Кюри (физик, лауреат Нобелевской премии по химии) и Ева Дениза Кюри-Лабуисс (пианистка, писательница, журналистка, музыкальный критик и общественный деятель) — идеальные кандидаты по многим признакам. Однако то, что они жили в XX в. и были современниками Рерихов, является по настоящее время серьезной проблемой «рериховедения».

С проблемами выявления «посланцев Космоса» сталкивались и сами Рерихи. Это хорошо заметно, в частности, если изучить их отношения с большевиками и советской властью. Неприятие Рерихами событий 1905–1907 гг., участие в деятельности белоэмигранских организаций сменялось панегириками советской власти во время визита в Москву в 1926 г. Николай Рерих привез советскому правительству «письма Махатм» и гималайскую землю «на могилу брата нашего Махатмы Ленина». В середине 1930-х гг. отношение снова изменилось до полного неприятия. Рерихи даже предпринимали попытки взаимодействия с представителями эмигрантских кругов, осевших в Китае. Однако после Второй мировой войны они обратились к советскому правительству с просьбой разрешить вернуться на Родину и получить советское гражданство [29].

В приведенном примере явно прослеживаются личные политические мотивы. Это наводит ряд исследователей на мысль о том, что деятельность Рерихов имела авантюрные черты, которые вплетались в ткань из мнимых и реальных событий.

Другие исследователи обращают внимание на характер записей контактов с Учителем, которые служили Елене Рерих основой для формулирования постулатов «Учения» и формирования из них «Живой Этики», и акцентируют внимание на особом психосоматическом состоянии Елены Ивановны (на грани нормы и патологии). Опубликованные в 2018–2019 гг. дневниковые записи Елены Рерих последних лет ее жизни усиливают это предположение. Публикация сокрытых записей спровоцировала раскол среди рериховцев. Многие из них заявили о разочаровании в своем кумире, пожалев о времени, потраченном на изучение «Живой Этики». Другие пытаются сгладить противоречия между рафинированными, многократно редактированными книгами «Учения» и спонтанными, неразборчивыми дневниковыми записями «матери Агни-Йоги» (так именуют Елену Рерих).

Попытки найти тайный смысл в записях видений пожилой женщины не приносят результата. По одной из интерпретаций он скрывается за бесконечными повторами слов «яро», «оявился», «страстно», «родная», но понять его якобы будут способны только последующие поколения. Лидеры некоторых рериховских групп, стремясь сохранить контроль над адептами, категорически запрещают читать эти записи. Разумеется, часть ревностных приверженцев «Учения» отказывается верить в подлинность опубликованных записей, объявляя их подделкой, вплоть до провокаций «темных сил».

Итак, две посылки конфликтуют между собой: с одной стороны, осмысленное поведение всей семьи Рерихов, в том числе Елены Ивановны (учреждение организаций, проведение облигационного займа, организация экспедиций), с другой стороны, вероятное расстройство психики у Елены Рерих (отсутствие полной клинической картины не позволяет однозначно делать вывод о наличии у нее психического заболевания, наблюдавший Елену Рерих доктор А. Ф. Яловенко констатировал наличие у нее «эпилептической ауры»)[29][4].

чество оказывается не готово принять новое знание для перехода к очередному этапу космической эволюции. В таком случае непонятый вундеркинд умирает, не выполнив свою миссию. В Международном центре Рерихов музеефицировались личные вещи подобных «детей Нового Сознания» [12] [14, с. 219] [16, с. 94].

[4] Вполне возможно, что психиатры смогут прийти к такому выводу на основании посмертного изучения ее записей.

Это противоречие объяснимо, если предположить, что Рерихи верили в свою избранность и создаваемые ими истории, в том числе в наличность «Великого Белого Братства», которому они служили.

В этой связи заявление о многократных перевоплощениях членов семьи Рерихов и близких к ним лиц позволяет показать надуманность «Живой Этики» и значительный вклад в него личных переживаний, а не прозрений Елены Рерих. Более того, анализ таких воплощений позволяет раскрыть особенности творческого метода Елены Рерих в целом.

Анализируя упомянутый выше список воплощений Елены Ивановны, можно заметить три легко выделяемые группы:

1) известные исторические личности вроде Марии Анжуйской, Жанны д'Арк и др.;

2) безымянные персонажи, например, некая «родственница герцога Тирольского», «простая гречанка», «дочь фараона»;

3) персонажи, названные по имени с указанием обстоятельств их жизни, но не известные широкой публике.

Елена Рерих часто примеряла на себя образ царственных особ, интерес к деятельности которых проявлялся в те или иные периоды ее жизни. Примечательный пример — образ Хатшепсут, женщины-фараона. Научная дискуссия вокруг «проблемы Хатшепсут» приходится на период деятельности Рерихов: конец XIX — начало XX в. Нет ничего удивительного в том, что из всех женщин-фараонов именно образ Хатшепсут заинтересовал Елену Рерих. Заметим, что Николай Рерих, будучи сыном нотариуса, «легендировал» свое родословие, равно как и его супруга Елена Шапошникова, род которой относился к выслуженному дворянству, подчеркивала свою связь с древними дворянскими родами. Поэтому не исключено, что проблема обоснования «высокородности» занимала Рерихов на протяжении всей их жизни.

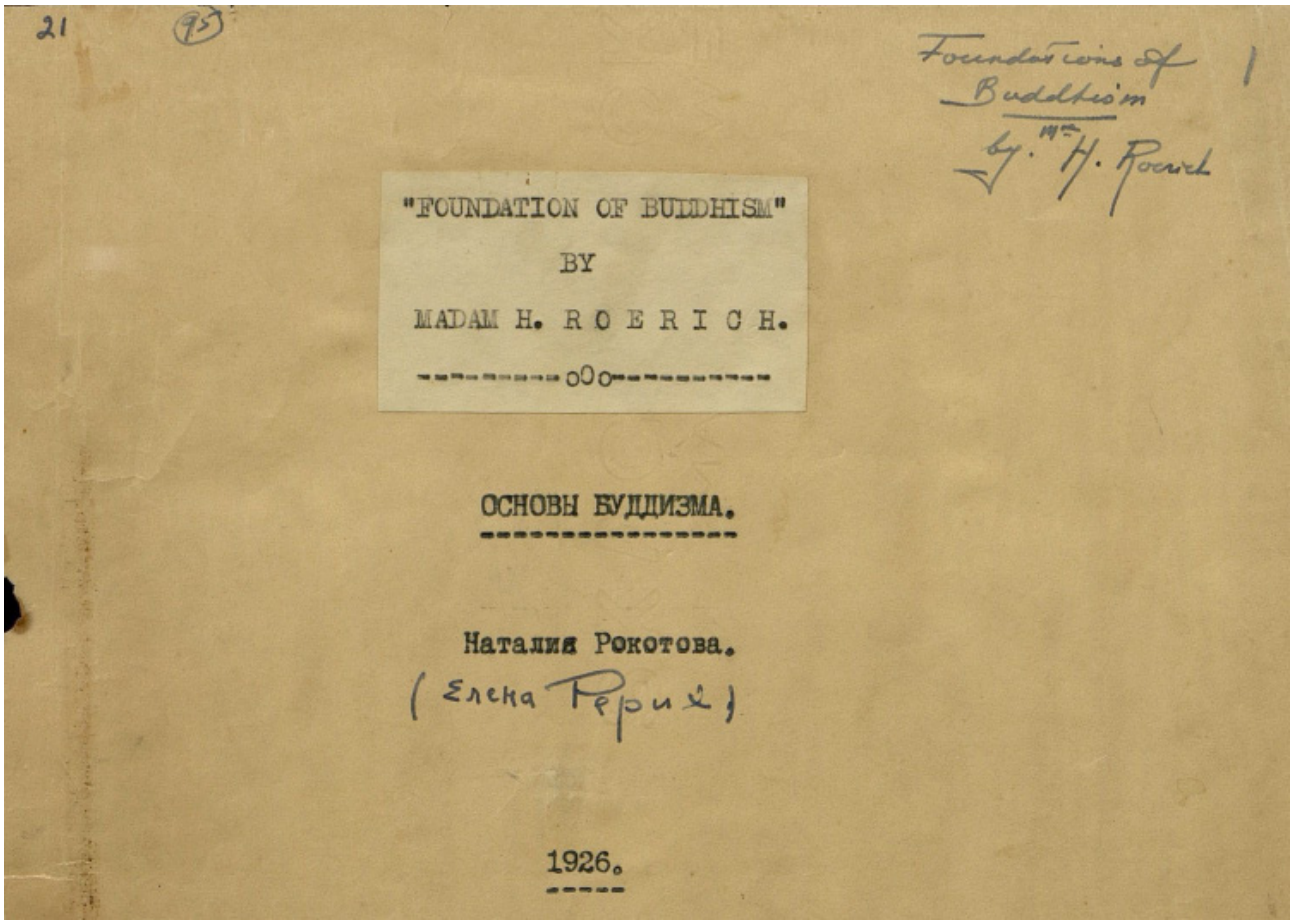
Стоит отметить, что в сведениях, приводимых Еленой Рерих о своих предыдущих воплощениях, встречаются фактологические ошибки. Однако в целом относительно персонажей из первой группы мы можем говорить, что такие личности в истории существовали, только нет доказательств, того, что они были каким-либо образом связаны с Еленой Рерих. Слова Учителя в качестве таковых мы не рассматриваем, считая их порождением мышления Елены Рерих. Полагаем, что психосоматическое здоровье Елены Рерих компенсировалось созданием ресурсных ритуалов в результате религиозно-мистических состояний общения с Учителями. Результаты этого общения описывали модель личного религиозного опыта Елены Ивановны. Не исключено, что они не являлись прозрениями, а были всего лишь нарушением мышления.

Безымянные персонажи из второй группы представляют незначительный интерес для исследования. Елена Рерих не дает сведений, позволяющих их идентифицировать, равно как и значимой информации об эпохах, в которых они жили. Ни подтвердить, ни опровергнуть соответствующие утверждения в такой ситуации не представляется возможным.

Из поименованных персонажей третьей группы большинство не упоминаются в открытых источниках. Среди них стоит выделить монахиню Жозефину Сент-Илер и рязанскую помещицу Наталию Рокотову. Эти имена имели для Елены Рерих особое значение, именно их она использовала в качестве псевдонимов при издании своих книг. Под именем Жозефина Сент-Илер Елена Рерих в 1929 г. выпустила книгу «Криптограммы Востока», а ранее, за подписью Наталия Рокотова,— работу «Основы буддизма». По сведениям Учителя Елены Рерих, девичья фамилия Наталии Рокотовой была Яровская. Именно ею Елена Рерих в 1934 г. подписала очерк «Преподобный Сергий Радонежский», опубликованный в книге издательства «Алтаир» «Знамя преподобного Сергия Радонежского».

Остановимся на образе Рокотовой как на наиболее подробно описанном Учителем Елены Рерих и сравнительно недалеко отстоящем от нас по времени.

Об этом русском воплощении Елена Рерих рассказала Зинаиде Фосдик. В дневнике последней осталась запись от 23.08.1928 г.: «Е. И. рассказала, что прочла рассказ „Лес увел его" о молодом помещике, который был придавлен падающим деревом, и М. сказал, что это из ее жизни, когда она была помещицей Рокотовой. Затем она читала рассказ про



Обложка работы «Основы буддизма» (1926) с указанием под псевдонимом Наталия Рокотова действительного имени автора – Елена Рерих

помещицу Натали Рокотову, как та умерла от разрыва сердца на балу и возле нее был ее сын, офицер. Это ее же смерть, и Свят[ослав] был ее сыном. Затем ее видение, как она прощается с сыном, который едет в город, и она ему говорит, как одинока она будет и пусть он даст ей знать задолго до своего приезда, и она вышлет ему буланых, его любимых, лошадей. Тоже она и Свят[ослав] — Рокотовы» [5].

Из различных источников, в том числе из недавно оцифрованных и опубликованных Музеем Рерихов записей Елены Рерих, мы реконструируем ее биографию[5] [10]. Наталия, урожденная Яровская (возможно Яровая) — рязанская помещица, «собирательница цветов и насадительница лесов» (то есть флорист и лесовод), феминистка («Вместо свободы мужей, дайте место женщине» [1]). У нее были родная сестра и двоюродный брат по имени Этиен. Она состояла в знакомстве с неким масоном Радеком, который сообщил ей «откровения о Нашем тогда Ордене и о яром тут Нашем Новом Иерусалиме в Горах Гималайских», а также, возможно, общалась с декабристами. Кроме того, Наталия обладала способностью «автоматического писания», писала от «имени императора Ордена Масонов и Ложи Полярной Звезды». Давала указания для ложи, которую возглавлял Радек, после чего «Церковь восстала», многие пострадали, в том числе «Мой Новиков». Яровская уговорила Радека «уехать за границу, пока не улягутся преследования масонов». «Масон Радек» уехал из России, вернулся, был обвинен в шпионаже и расстрелян. Яровская его пережила. В 1830 г. (по другим данным — в 1831-м) «умерла рано» в «Столице» «из-за слабости сердца», увидев

[5] См. на упомянутом сайте следующие из оцифрованных «Записей бесед с Учителем»: [42, с.110–111]; [38, с. 38]; [43, с. 14]; [41, с. 34–35]; [4, с. 173–175]; [6, с. 87]; [7, с. 151–152]; [2, с. 218–219]; [8, с. 128–129]; [9, с. 194–197]; [3, с. 243–245]; [17].

на «рауте в Английском посольстве» Учителя в «Раджпутском Облике», с возгласом «АДЖИТА!» (это имя Учителя) «как подкошенная упала на ковер, сердце не выдержало радости».

Со своим мужем, «лесоводом» Рокотовым, Наталия прожила недолго, поскольку в первый же год их семейной жизни супруг был «раздавлен срубленным деревом». Сын Яровской, Иван Рокотов (художник) пережил мать. Она оставила ему свое состояние и просила дать свободу крестьянам и предоставить им право жить на земле. Сын отказался исполнить волю матери. Будучи офицером «лейб-гусарского полка», он вскоре погиб на русско-турецкой войне.

Слова Учителя об обстоятельствах смерти Наталии Рокотовой в 1830 (1831) г. примечательны в привязке к нежеланию Учителя огорчать ее известием о скорой смерти сына — Ивана Рокотова. В записях Елены Рерих отмечается, что он погиб на войне между Россией и Турцией. Это подозрительная коннотация, поскольку Россия в 1830–1831 гг. с Турцией не воевала. В XIX в. войны между странами были в 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856 (Крымская война) гг.

Также стоит отметить, что в Российской империи существовало два лейб-гвардии гусарских полка: Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк (1775–1918, до 1855 г.— лейб-гвардии Гусарский полк) и Гродненский гусарский лейб-гвардии полк (1824–1918). В войнах с Турцией Гродненский полк участия не принимал. Иван Рокотов в списках лейб-гвардии гусарских полков не значится.

Среди дворянских родов Российской империи (учитывая, что Наталия Яровская-Рокотова родилась на рубеже XVIII–XIX вв. нас интересуют рода, утвержденные во дворянстве в первой половине XIX в.) упоминаются Яровые (1858, Рязанская губерния)[6] [24], Яровские (1825, Могилевская губерния) [28], Яровые-Равские (1819, 1840, Черниговская губерния; 1884, Таврическая губерния) [25]; [26]; [27], а также дворяне Рокотовы (1859, Московская губерния; 1850, Псковская губерния; 1861) [21]; [22]; [23].

В Российском государственном архиве древних актов сохранилась копия патента императрицы Елизаветы Петровны мичману морского флота Ивану Богдановичу Рокотову на чин лейтенанта (не ранее 1743 г.) [18]. Среди дворянских родов Московской губернии упоминается род отставного штабс-капитана Ивана Рокотова[7], внесенный в часть 2-ю Дворянской родословной книги в 1807 г. Однако ни тот, ни другой Иван Рокотов по возрасту не мог быть сыном Наталии Рокотовой.

В Рязанской губернии дворяне Рокотовы, Яровские, Яровые на протяжении XVIII в. и в нач. XIX в. не встречаются. Вместе с тем с XVII в. в Каменском стане Рязанского уезда проживали дворяне Яровы. Так, деревня Здвиженская (Яровская) в 1628 г. была вотчиной Родиона Петровича Ярова, затем принадлежала дворянам Аксеновым, Асеевым, Бурейко, Курбатовым, Мельгуновым, Мисюревым, Потуловым, Сукочевым, Фроловым, Шаховым, Янышевым и др. [30]; [31]; [32]; [33]; [34]; [35]; [36].

В энциклопедическом словаре по русскому масонству фамилия Радек не упоминается [37]. Принадлежность Карла Радека (Собельсона) к масонству не подтверждена. Отметим также, что он родился в 1885 г., то есть более чем через полвека после смерти Наталии Рокотовой и, следовательно, не мог с ней встречаться. Однако интересно, что Елена Рерих в биографии Рокотовой указала подробности жизни «масона Радека», которые увязываются с этапами жизненного пути Карла Радека (заговорщическая деятельность, арест, расстрел). Это легко объясняется тем, что подробная запись о Рокотовой с упоминаем Радека была сделана Еленой Рерих в 1953 г. [39, с. 110]. Радек же умер в политизоляторе в мае 1939 г., о чем, очевидно, было известно Елене Рерих.

Отталкиваясь от родословных дворян Рязанской губернии (даже с учетом изменения границ губернии и уездов), можно прийти к заключению, что в действительности

[6] Есть также дело о дворянстве Яровых (Еровых) по Московской и Киевской губерниям. Этот род в 1839 и 1874 гг. был внесён во 2-ю часть родословной книги Московского дворянского депутатского собрания; в родословной Яровых Рокотовы не упоминаются (см. [15, с. 514]). О дворянах Равских см. [19] (1858, Орловская губерния) и [20] (1858–1887, Подольская губерния).

[7] См. также [15, с. 372].

не существовало ни Натальи, ни Ивана Рокотовых, жизнеописание которых соответствовало бы биографиям, записанным Еленой Рерих со слов Учителя. Поиск совпадений в пределах всей Российской империи также не дал результатов.

Вместе с тем нет ничего удивительного в том, что именно Святослав Рерих (младший сын Рерихов) указывается Еленой Ивановной в качестве воплощения несогласного с мнением матери об освобождении крестьян Ивана Рокотова. Кроме прямого указания на то, что и Святослав Рерих, и Иван Рокотов были художниками, обращает на себя внимание физическое и психологическое сходство младшего сына Елены Рерих с образом Ивана Рокотова. Рослый, стройный, независимый Святослав Рерих гораздо больше подходит под образ своенравного офицера лейб-гвардии гусарского полка, чем невысокий, немного сутулый, к тому же всегда прилежно следовавший советам матери Юрий Рерих.

Отметим, что Елена Рерих (или Учитель, диктуя ей) наделила Наталию Рокотову чертами характера и взглядами, которые делали бы ее заметной фигурой в обществе первой трети XIX в. в Российской Империи (стремление освободить крестьян, ратование за равенство прав мужчин и женщин, общение с масонами и декабристами). Образ Рокотовой ассоциирован Еленой Рерих с тематикой балов и жизнью состоятельных помещиков начала XIX в.

Итак, примечательные события из жизни Наталии Рокотовой и ее сына не позволяют найти соответствие им в реальности XVIII–XIX вв., но стоит нам только перестать доверять записям Елены Рерих, как сразу обнаруживается связываемый с ней литературный образ.

Самая знаменитая русская дворянка начала XIX века — не реальное, а вымышленное лицо. Это графиня Наталья Ростова, героиня романа Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Елена Рерих, безусловно, читала это произведение. Существуют упоминания о встрече Николая Рериха с Львом Толстым, которая произвела на художника сильное впечатление [11, с. 36]; [44, с. 76]. Вероятно, образ Ростовой отложился в памяти Елены Ивановны, был ею творчески переработан и дополнен деталями из собственной жизни и личными переживаниями.

Все факты указывают на то, что Наталия Рокотова — всего лишь симулякр.

Схожесть персонажей, помимо принадлежности к дворянскому сословию и яркости образов, проявляется в возрасте Рокотовой и Ростовой. Лев Толстой точно называет год рождения Натальи Ростовой (1792). Приведенные Еленой Рерих сведения о Наталии Рокотовой говорят о том, что она должна была родиться примерно в то же время.

Образ мужа, погибшего на лесозаготовках, мог быть почерпнут из литературы XIX в. Схожие сюжеты есть в рассказах Ивана Тургенева и других авторов. Елена Рерих, будучи впечатлительной натурой, могла перенести усвоенный ею образ в собственный чувственный мир.

Помимо упомянутой выше цитаты из дневника Зинаиды Фосдик, в этом отношении примечателен фрагмент записей Елены Рерих, в котором упоминается супруг Наталии Рокотовой: «Кем был муж Рокотовой? — Помещик-лесовод, был раздавлен срубленным деревом.— Когда я умерла? — В средних годах, 1831 г.— Как странно, что я читала свою жизнь, описанную в нескольких рассказах и романах? — Многие истины насыщают пространство. Творчество получает часто искры из астральных клише» [9, с. 194–197]. Автор записей напрямую «отсылает» к возможному источнику образов — прочитанным ею рассказам и романам.

В биографических записках Елена Рерих отмечает, что она очень рано начала читать книги художественного, исторического и духовно-философского характера.

Нет ничего странного в том, что, прочитав «Войну и мир», она восхитилась удачным образом чувственной женщины. Гений Льва Толстого создал его таким, чтобы он стал образцом для женщин всего мира. Видимо, «примерив» этот образ на себя, Елена Рерих и создала свою Наталию Рокотову — из мозаики романтизированных ею реальных событий прошлого (рыцарство, войны, масоны, балы, дворянские усадьбы, деятельность декабристов). Как уже отмечалось, в записях Елены Рерих о воплоще-

нии в образе Наталии Рокотовой упоминается ее двоюродный брат с именем на французский манер — Этиен, а в числе знакомых — масоны и декабристы.

Интересное обстоятельство, наталкивающее на тождественность личностей Елены Рерих и Учителя, с которым она общалась, заключается в том, что она в воспоминаниях о своей жизни делает ошибки, похожие на те, которые делает Учитель, когда рассказывает ей о ее предыдущих воплощениях.

Выше мы упоминали о несуразностях в обстоятельствах смерти Наталии Рокотовой на балу в 1830 (1831) г. и Ивана Рокотова на войне России с Турцией не позднее 1829 г. Здесь очевидно ошибается Учитель.

Похожую неточность в дате начала войны допускает сама Елена Рерих, описывая свое пребывание в селе Талашкино: «В 1911 году мы проводили лето в Смоленской губернии в имении княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, где Николай Константинович с помощниками и учениками расписывал храм. В начале августа Николай Константинович должен был по делам съездить в Петроград. Накануне отъезда он мне сказал:

— Мне очень хотелось бы знать, что нам делать с таким количеством купленных [ценных] бумаг? Постарайся увидеть во сне.

Наутро на вопрос, видела ли я что-либо, я сказала:

— Не видела, но слышала голос, сказавший мне — все бумаги продать.

Николай Константинович уехал с твердым намерением продать все бумаги. Но по приезде в столицу, когда он поведал о своем намерении знакомым банкирам и друзьям, все определенно восстали против такого решения и сказали ему:

— Не продавать нужно, но покупать, все бумаги стремительно идут вверх.

В результате таких настояний и советов Николай Константинович купил еще бумаг, а через несколько недель произошел инцидент, вызвавший Балканскую войну, и все ценности стремительно полетели вниз» [17].

В данном случае, как мы видим, ошибается уже Елена Ивановна (Первая Балканская война началась на год позже — 25 сентября 1912 г.).

Восприятие записей Елены Рерих не как описания произошедших с ней событий, а как литературного творчества, возможно, вызванного нарушением мышления, помогает по-иному взглянуть на «Живую Этику» в целом и на ее ценность как эзотерической системы.

Мы приходим к выводу, что не нужно искать рациональных смыслов и причинно-следственных связей в «Живой Этике», они замещаются фантазийными образами Елены Рерих и причинно-значенческими категориями.

Для адептов «Живой Этики» такая оценка может звучать как приговор. То, что им видится научным описанием картины мира, в действительно является литературным творчеством обычного человека.

По сути, «Учение» — литературная переработка Еленой Рерих религиозных текстов и широко известных исторических фактов. Большинство сюжетов и персонажей ею заимствованы из античной и средневековой истории или религий мира. Учитель, от имени которого ведется повествование в «Учении»,— плод воображения Елены Рерих. Ее записи не являются прозрением — вероятнее всего они вызваны нарушением мышления. При описании своих воплощений Елена Рерих заимствовала биографии реальных людей либо персонажей из романов, дополняла их событиями из своей жизни и увязывала судьбы воплощений с судьбами близких ей людей.

Kirill E. RYBAK & Yuri S. IZBACHKOV
The Image of Natalia Rokotova as the Key to Understanding the Creative Method of Helena Ivanovna Roerich

Abstract. The movement of admirers of Agni Yoga (the Living Ethics) has a special place in the esoteric currents of Russia. Nevertheless, the popularity of this movement is obviously declining.

The Museum of the Roerichs' publication of the archive of the Roerich family, including the previously unpublished recordings of Helena Roerich's conversations with the "Teacher", allows answering questions of interest to the adherents of the "Teaching".

One of the questions is the accuracy of the information that Helena Roerich reports: how truthfully Helena Roerich reported the facts about her incarnations in past lives. Did the prototypes of these incarnations really exist; did the events that Helena Roerich wrote about at the dictation of her "Teacher" happen?

According to the Living Ethics, the Roerich family and the "Teacher", including in their incarnations, are the messengers of the "Great White Brotherhood", designed to convey the secrets of the universe to people so that people pass on to a new level of evolution. Not surprisingly, in her incarnations, Helena Roerich turned into royal persons, friends of famous persons, and sometimes into simple people.

In the article, the authors conclude that Helena Roerich made obvious mistakes when describing events from the life of her incarnations. They show this on the example of the incarnations of Helena and Svetoslav Roerich – the Ryazan landowners of the first third of the 19th century, Natalia and Ivan Rokotov.

The authors reconstructed the biographies of these characters from the records of Helena Roerich. Then they compared these biographies with information from archival documents about the noble Rokotovs in the Russian Empire.

The authors established that Natalia and Ivan Rokotov with biographies made by Helena Roerich are fictional people, a simulacrum.

Presumably, Helena Roerich borrowed the image of Natalia Rokotova from Leo Tolstoy's novel War and Peace. The image of the sensual but progressive noblewoman of the early nineteenth century, Natalia Rokotova, coincides with the image of Natalia Rostova.

The authors conclude that there is no need to look for rational meanings and cause-and-effect relationships in the Living Ethics; they are replaced by Helena Roerich's fantasy images and by the categories of cause-and-meaning.

For adherents of the Living Ethics, such an assessment may sound like a sentence. What they perceive as the scientific description of a picture of the world is, in fact, the literary creativity of an ordinary person.

In essence, the "Teaching" is Helena Roerich's literary processing of religious texts and widely known historical facts, sublimation. Most of the plots and characters are borrowed from the ancient and medieval history or religions of the world. The "Teacher", on whose behalf the narration is conducted in the "Teaching" is a figment of Helena Roerich's imagination. Her notes are not insights, but are probably caused by a disorder of thinking. In describing her incarnations, Helena Roerich borrowed biographies of real people or characters from novels, supplemented them with events from her life and linked the destinies of incarnations with the destinies of people close to her.

Keywords: Living Ethics, Agni Yoga, sect, Helena Roerich, Natalia Rokotova, Natalya Rostova, L.V. Shaposhnikova, Leo Tolstoy, historical simulacrum, thought disorder, religious experience.

Использованная литература:

1. 11 марта 1923 // Рерих Е. И. Записи Учения Живой Этики: В 25 т. Т. 3. М.: Прологъ, 2008. С. 297–298.

2. 11 марта 1924 // Рерих Е. И. Записи Учения Живой Этики: В 25 т. Т. 4. М.: Прологъ, 2009. С. 218–219.

3. 2 марта 1928 // Рерих Е. И. Записи Учения Живой Этики: В 25 т. Т. 8. М.: Прологъ, 2010. С. 243–245.

4. 20 августа 1921 // Рерих Е. И. Записи Учения Живой Этики: В 25 т. Т. 1. М.: Прологъ, 2007. С. 173–175.

References:

1. Roerich, H.I. (2008) 11 March 1923. In: *Zapisi Ucheniya Zhivoy Etiki: V 25 t.* [Records of the Living Ethics Teaching: In 25 vols]. Vol. 3. Moscow: Prolog". pp. 297–298.

2. Roerich, H.I. (2009) 11 March 1924. In: *Zapisi Ucheniya Zhivoy Etiki: V 25 t.* [Records of the Living Ethics Teaching: In 25 vols]. Vol. 4. Moscow: Prolog". pp. 218–219.

3. Roerich, H.I. (20) 2 March 1928. In: *Zapisi Ucheniya Zhivoy Etiki: V 25 t.* [Records of the Living Ethics Teaching: In 25 vols]. Vol. 8. Moscow: Prolog". pp. 243–245.

5. 23.08.1928 // Фосдик З. Г. Мои учителя. М.: Сфера. 2002. С. 301–304.

6. 31 января 1922 // Рерих Е. И. Записи Учения Живой Этики: В 25 т. Т. 2. М.: Прологъ, 2008. С. 87.

7. 6 ноября 1922 // Рерих Е. И. Записи Учения Живой Этики: В 25 т. Т. 3. М.: Прологъ, 2008. С. 151–152.

8. 8 августа 1924 // Рерих Е. И. Записи Учения Живой Этики: В 25 т. Т. 5. М.: Прологъ, 2009. С. 128–129.

9. 8 января 1928 // Рерих Е. И. Записи Учения Живой Этики: В 25 т. Т. 8. М.: Прологъ, 2010. С. 194–197.

10. Архив музея [Электронный ресурс] // Музей Рерихов. Филиал Государственного музея Востока. URL: http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv (дата обращения: 15.05.2019).

11. Беликов П., Князева В. Рерих. М.: Молодая Гвардия, 1972. С. 36.

12. Дети Нового Сознания. Материалы Международной научно-общественной конференции. 2006. М.: Междунар. центр Рерихов; Мастер-Банк, 2007.

13. Ковалева Н. Воспоминания из прошлых жизней [Электронный ресурс] // Культурно-просветительный портал «Адамант». URL: http://www.lomonosov.org/article/vospominaniya_iz_proshlyh_zhiznej.htm (дата обращения: 15.05.2019).

14. Мишина Е. Е. Реквием для Ники Турбиной // Культура и время. 2006. №3 (21). С. 219.

15. Московское дворянство: алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московского дворянского депутатского собрания. М.: б. и., 1910.

16. Пискарева О. Д., Келехсаев В. У. Встреча с Сашенькой // Культура и время. 2006. №4 (22). С. 94.

17. Рерих Е. И. Сны и видения. У порога нового мира. Огненное творчество космической эволюции. М.: Междунар. центр Рерихов, 2000.

18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 154. Оп. 4. Ч. 2. № 159.

19. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 44.

20. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 45.

21. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 2359.

22. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 28. Д. 2360.

23. Российский государственный исторический архив. Ф.1343. Оп.28. Д. 2361.

24. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 34. Д. 2701.

25. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 34. Д. 2703.

26. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 34. Д. 2704.

27. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 34. Д. 2705.

28. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 34. Д. 2706.

29. Рыбак К. Е. О приеме в гражданство СССР членов семьи Рерихов и окружавших их лиц // Петербургский Рериховский сборник: Вып. 10. 2017. С.18–37.

4. Roerich, H.I. (2007) 20 August 1921. In: *Zapisi Ucheniya Zhivoy Etiki: V 25 t.* [Records of the Living Ethics Teaching: In 25 vols]. Vol. 8. Moscow: Prolog". pp. 173–175.

5. Fosdik, Z.G. (2002) 23.08.1928. In: *Moi uchitelya* [My teachers]. Moscow: Sfera. pp. 301–304.

6. Roerich, H.I. (2008) 31 January 1922. In: *Zapisi Ucheniya Zhivoy Etiki: V 25 t.* [Records of the Living Ethics Teaching: In 25 vols]. Vol. 2. Moscow: Prolog". pp. 87.

7. Roerich, H.I. (2008) 6 November 1922. In: *Zapisi Ucheniya Zhivoy Etiki: V 25 t.* [Records of the Living Ethics Teaching: In 25 vols]. Vol. 3. Moscow: Prolog". pp. 151–152.

8. Roerich, H.I. (2009) 8 August 1924. In: *Zapisi Ucheniya Zhivoy Etiki: V 25 t.* [Records of the Living Ethics Teaching: In 25 vols]. Vol. 5. Moscow: Prolog". pp. 128–129.

9. Roerich, H.I. (2010) 8 January 1928. In: *Zapisi Ucheniya Zhivoy Etiki: V 25 t.* [Records of the Living Ethics Teaching: In 25 vols]. Vol. 8. Moscow: Prolog". pp. 194–197.

10. Museum of the Roerichs. Branch of the State Museum of Oriental Art. (n.d.) *Arkhiv muzeya* [Archive of the museum]. [Online] Available from: http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv. (Accessed: 15.05.2019).

11. Belikov, P. & Knyazeva, V. (1972) *Rerikh* [Roerich]. Moscow: Molodaya Gvardiya.

12. Knizhnik, T.O. (ed.) (2007) *Deti Novogo Soznaniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-obshchestvennoy konferentsii. 2006* [Children of the New Consciousness. Materials of the International Conference. 2006]. Moscow: Mezhdunar. tsentr Rerikhov; Master-Bank.

13. Kovaleva, N. (2013) *Vospominaniya iz proshlykh zhizney* [Memories from past lives]. [Online] Available from: http://www.lomonosov.org/article/vospominaniya_iz_proshlyh_zhiznej.htm. (Accessed: 15.05.2019).

14. Mishina, E.E. (2006) Rekviem dlya Niki Turbinoy [Requiem for Nika Turbina]. *Kul'tura i vremya*. 3 (21). pp. 219.

15. Anon. (1910) *Moskovskoe dvoryanstvo: alfavitnyy spisok dvoryanskikh rodov s kratkim ukazaniem vazhneyshikh dokumentov, nakhodyashchikhsya v rodoslovnykh delakh Arkhiva Moskovskogo dvoryanskogo deputatskogo sobraniya* [Moscow nobility: Alphabetical list of noble families with a brief indication of the most important documents that are in the genealogical files of the Archives of the Moscow Nobility Assembly]. Moscow: [s.n.].

16. Piskareva, O.D. & Kelekhsaev, V.U. (2006) Vstrecha s Sashen'koy [A meeting with Sashenka]. *Kul'tura i vremya.* 4 (22). pp. 94.

17. Roerich, H.I. (20) *Sny i videniya. U poroga novogo mira. Ognennoe tvorchestvo kosmicheskoy evolyutsii* [Dreams and Visions. At the threshold of a new world. The fiery creativity of cosmic evolution]. Moscow: Mezhdunar. tsentr Rerikhov.

18. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 154. List 4. Pt. 2. No. 159. (In Russian).

19. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 28. File 44. (In Russian).

20. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 28. File 45. (In Russian).

21. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 28. File 2359. (In Russian).

22. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 28. File 2360. (In Russian).

30. Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 1: Абаза – Бюллеры. Рязань: б. и., 2006. С. 67, 123, 301.

31. Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 3: Давыдовские – Исленьевы. Рязань: Узорочье, 2008. С. 23.

32. Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 4: Кавдины – Кучины. Рязань: Узорочье: 2009. С. 331;

33. Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 6: Надеждины – Пчелкины. Рязань: Узорочье, 2011. С. 296, 298.

34. Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 7: Раевские – Сыробоярские, Рязань: Узорочье, 2012. С. 375–377.

35. Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 8: Таптыковы – Худековы. Рязань: Издательство Рязанского института развития образования, 2013. С. 280.

36. Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 9: Цапенко – Яценко. Рязань: Первопечатник, 2015. С. 91, 196, 197.

37. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. ?.

38. Тетрадь № 9м («Сокровенные страницы», ч. 2) [Электронный ресурс] // Тетради Урусвати. Общественная группа по работе над манускриптами Е. И. Рерих. С. 38. URL: http://urusvati.group/viewtopic.php?f=59&t=354&start=30#p5740 (дата обращения: 15.05.2019).

39. Тетрадь № 10м (10.11.1951 – 02.03.1953) [Электронный ресурс] // Тетради Урусвати. Общественная группа по работе над манускриптами Е. И. Рерих. URL: http://urusvati.group/viewtopic.php?t=177&start=80 (дата обращения: 15.05.2019).

40. Тетрадь № 10м (10.11.1951 – 02.03.1953) [Электронный ресурс] // Тетради Урусвати. Общественная группа по работе над манускриптами Е. И. Рерих. URL: http://urusvati.group/viewtopic.php?t=177&start=90 (дата обращения: 15.05.2019).

41. Тетрадь № 16м («Автобиография. Сны и видения». 1925–1949) [Электронный ресурс] // Тетради Урусвати. Общественная группа по работе над манускриптами Е. И. Рерих. С. 34–35. URL: http://urusvati.group/viewtopic.php?f=59&t=347&start=30#p5461 (дата обращения: 15.05.2019).

42. Тетрадь № 37 (23.03.1950 – 23.05.1950) [Электронный ресурс] // Тетради Урусвати. Общественная группа по работе над манускриптами Е. И. Рерих. С. 110–111. URL: http://urusvati.group/viewtopic.php?p=2203#p2203 (дата обращения: 15.05.2019).

43. Тетрадь № 57 (27.01.1924 – 10.06.1924) [Электронный ресурс] // Тетради Урусвати. Общественная группа по работе над манускриптами Е. И. Рерих. Разворот 14. URL: http://urusvati.group/viewtopic.php?f=62&t=345&start=10#p5164 (дата обращения: 15.05.2019).

44. Фосдик З. Г. Мои учителя. М.: Сфера. 2002. С. 76.

23. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 28. File 2361. (In Russian).

24. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 34. File 2701. (In Russian).

25. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 34. File 2703. (In Russian).

26. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 34. File 2704. (In Russian).

27. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 34. File 2705. (In Russian).

28. Russian State Historical Archive. Fund 1343. List 34. File 2706. (In Russian).

29. Rybak, K.E. (2017) O prieme v grazhdanstvo SSSR chlenov sem'i Rerikhov i okruzhavshikh ikh lits [On the acceptance into USSR citizenship of members of the Roerich family and persons around them]. In: Bondarenko, A.A. (ed.) *Peterburgskiy Rerikhovskiy sbornik* [Petersburg Roerich Collection]. Is. 10. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. pp. 18–37.

30. Ryndin, I.Zh. (2006) *Materialy po istorii i genealogii dvoryanskikh rodov Ryazanskoy gubernii* [Materials on the history and genealogy of noble families of Ryazan Province]. Is. 1. Ryazan: [s.n.]. pp. 67, 123, 301.

31. Ryndin, I.Zh. (2008) *Materialy po istorii i genealogii dvoryanskikh rodov Ryazanskoy gubernii* [Materials on the history and genealogy of noble families of Ryazan Province]. Is. 3. Ryazan: Uzoroch'e. pp. 23.

32. Ryndin, I.Zh. (2009) *Materialy po istorii i genealogii dvoryanskikh rodov Ryazanskoy gubernii* [Materials on the history and genealogy of noble families of Ryazan Province]. Is. 4. Ryazan: Uzoroch'e. pp. 331.

33. Ryndin, I.Zh. (2011) *Materialy po istorii i genealogii dvoryanskikh rodov Ryazanskoy gubernii* [Materials on the history and genealogy of noble families of Ryazan Province]. Is. 6. Ryazan: Uzoroch'e. pp. 296, 298.

34. Ryndin, I.Zh. (2012) *Materialy po istorii i genealogii dvoryanskikh rodov Ryazanskoy gubernii* [Materials on the history and genealogy of noble families of Ryazan Province]. Is. 7. Ryazan: Uzoroch'e. pp. 375–377.

35. Ryndin, I.Zh. (2013) *Materialy po istorii i genealogii dvoryanskikh rodov Ryazanskoy gubernii* [Materials on the history and genealogy of noble families of Ryazan Province]. Is. 8. Ryazan: Ryazan Institute of Education Development. pp. 280.

36. Ryndin, I.Zh. (2015) *Materialy po istorii i genealogii dvoryanskikh rodov Ryazanskoy gubernii* [Materials on the history and genealogy of noble families of Ryazan Province]. Is. 9. Ryazan: Pervopechatnik. pp. 91, 196, 197.

37. Serkov, A.I. (2001) *Russkoe masonstvo. 1731–2000: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Freemasonry. 1731–2000: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: ROSSPEN.

38. Tetradi Urusvati. (2018) *Tetrad' № 9m ("Sokrovennye stranitsy", ch. 2)* [Notebook No. 9m ("Intimate Pages", Part 2)]. [Online] Available from: http://urusvati.group/viewtopic.php?f=59&t=354&start=30#p5740. (Accessed: 15.05.2019).

39. Tetradi Urusvati. (2018) *Tetrad' № 10m (10.11.1951 – 02.03.1953)* [Notebook No. 10m (10.11.1951 – 02.03.1953)]. [Online] Available from: http://urusvati.group/viewtopic.php?t=177&start=80. (Accessed: 15.05.2019).

40. Tetradi Urusvati. (2018) *Tetrad' № 10m (10.11.1951 – 02.03.1953)* [Notebook No. 10M (10.11.1951 –

45. Шапошникова Л. В. Тернистый путь Красоты // Держава Рерихов: Сб. статей. Т. 2. М.: Междунар. центр Рерихов, 2006. С. 92–118.

02.03.1953)]. [Online] Available from: http://urusvati.group/viewtopic.php?t=177&start=90. (Accessed: 15.05.2019).

41. Tetradi Urusvati. (2018) *Tetrad' № 16m ("Avtobiografiya. Sny i videniya". 1925–1949)* [Notebook No. 16m ("Autobiography. Dreams and Visions" 1925–1949)]. pp. 34–35. [Online] Available from: http://urusvati.group/viewtopic.php?f=59&t=347&start=30#p5461. (Accessed: 15.05.2019).

42. Tetradi Urusvati. (2018) *Tetrad' № 37 (23.03.1950 – 23.05.1950)* [Notebook No. 37 (23.03.1950 – 23.05.1950)]. pp. 110–111. [Online] Available from: http://urusvati.group/viewtopic.php?p=2203#p2203 . (Accessed: 15.05.2019).

43. Tetradi Urusvati. (2018) *Tetrad' № 57 (27.01.1924 – 10.06.1924)* [Notebook No. 57 (27.01.1924 – 10.06.1924)]. Page spread 14. [Online] Available from: http://urusvati.group/viewtopic.php?f=62&t=345&start=10#p5164. (Accessed: 15.05.2019).

44. Fosdik, Z.G. (2002) *Moi uchitelya* [My teachers]. Moscow: Sfera.

45. Shaposhnikova, L.V. (2006) *Derzhava Rerikhov: Sb. statey* [The Power of the Roerichs: Collection of articles]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunar. tsentr Rerikhov. pp. 92–118.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рыбак, К. Е. Образ Наталии Рокотовой как ключ к пониманию творческого метода Елены Ивановны Рерих [Электронный ресурс] / К. Е. Рыбак, Ю. С. Избачков // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 68-80. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Rybak_Izbachkov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Rybak, K. E. & Izbachkov, Yu. S. (2019) The Image of Natalia Rokotova as the Key to Understanding the Creative Method of Helena Ivanovna Roerich. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 68-80 [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Rybak_Izbachkov.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

ВИРТ Юлия Валерьевна
доцент Высшей школы менеджмента АРК при Университете прикладных наук Западной Швейцарии
Невшатель, Швейцарская Конфедерация
Yulia V. WIRTH
Assoc. Prof., HES-SO HE ARC,
University of Applied Sciences Western Switzerland
Neuchatel, Swiss Confederation
Julia.Wirth@he-arc.ch

БАБИЧ Ирина Леонидовна
доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук
Москва, Россия
Irina L. BABICH
Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology), Chief Researcher, Department of the Caucasus, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
irina@babich1.net

УДК [008+913]:339.138(470-13+494)
ГРНТИ 13.11.44
ВАК 24.00.01

Культура и пространство: географические образы в позиционировании территориальных брендов (на примере Юга России и Швейцарии)

Culture and Space: Geographical Images in the Positioning of Territorial Brands (On the Example of the South of Russia and Switzerland)

Цель статьи – на основе российского и швейцарского опыта рассмотреть роль культурных ценностей в процессе позиционирования территориальных брендов. Для уяснения наиболее проблемных аспектов преобразования реалий географического пространства в сознании людей авторы проанализировали интервью с российскими информаторами и тексты туристических сайтов (329 российских и 60 швейцарских веб-сайтов). При сравнении практик брендирования на Северном Кавказе (Адыгея) и в Швейцарии (кантон Невшатель) установлено, что интересы и предпочтения инокультурной публики учитываются мало. Несовпадение с ожиданиями туристов или даже со сформировавшимся образом территории в иноязычном сознании создает определенные препятствия – не позволяет тем или иным территориальным брендам стать привлекательными для туристов иноязычных или проживающих вне репрезентируемой территории.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Адыгея, Швейцария, Невшатель, гуманитарная география, позиционирование территориальных брендов на сайтах турагентств, анализ туристских предпочтений.

Цель предлагаемой статьи — на основе российского и швейцарского опыта формирования понятий и методов культурной географии рассмотреть роль культурных ценностей в процессе позиционирования территориальных брендов, привлекая в качестве источников исследования интервью с российскими информаторами, тексты российских и швейцарских веб-сайтов (см.: [4], [17]).

Территориальные бренды возникают из сочетания культурных ценностей и географических образов, исследуемых в рамках гуманитарной географии. Хотя данное научное направление появилось в начале XX в., начало изучению образов территорий положено Аристотелем, И. Кантом, А. Гумбольдтом. История становления гуманитарной географии освещена в статье Д. Н. Замятина «Методологические и теоретические проблемы изучения взаимодействия культуры и пространства» [9] и в других работах 2010-х гг. Двумя ключевыми сферами этого междисциплинарного научного направления, изучающего способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, выступают имажинальная география (география образов) [9] и когнитивная география (изучение пространственных представлений, механизмов их формирования и использования в различных аспектах человеческой деятельности) [11]. В академической среде соответствующие проблемы разрабатывают Институт географии, Институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт русского языка, Институт языкознания (работы Д. Н. Замятина, Н. Ю. Замятиной, В. А. Колосова, О. А. Лавреновой, С. В. Рогачева, А. С. Тикова, И. И. Митина). Большинство специалистов сходятся в том, что в России до сих пор плохо изучены конкретные географические образы и региональная идентичность, теория и методология необходимых для этого исследований находятся на стадии разработки [21, с. 20–40].

Поскольку в территориальных (географических) образах отражаются как реалии географического пространства, так и его преобразования в сознании людей (понятия о нем, представления, аналогии), следует учитывать обе эти составляющие [10]. Географические образы тесно связаны с понятием культурного ландшафта — природно-культурного территориального комплекса, освоенного человеческим сообществом [13]. Модель культурного ландшафта складывается из следующих компонентов: духовная культура, местное сообщество, селения (поселения), природный ландшафт, местное хозяйство, местная языковая система [12].

Вполне логично использовать уже имеющиеся территориальные образы с целью повышения эффективности региональной политики, городского планирования, соци-

альных преобразований. «Представления об окружающем географическом пространстве составляют информационную базу для принятия управленческих решений»,— подчеркивает В. В. Чихичин [22]. Немаловажно и то, что инвестиционная, туристическая, миграционная привлекательность регионов и городов зависит и от того, какими они предстают в сознании потенциальных инвесторов, туристов, мигрантов.

В современной России интерес к формированию культурно-географических брендов растет: наличие у региона бренда способствует значительному росту внутреннего и внешнего туризма. Формируются образы как России в целом, так и отдельных российских регионов. Наиболее популярными при этом являются: имперский образ России, образ фронтирной империи, «Россия как Европа», «Россия — Евразия». Многие бренды России опираются на так называемые окраинные образы. Подобный подход во многом воспроизводит типичную имперскую стратегию, которая реализовывалась и прежде: во времена А. С. Пушкина — «от финских хладных скал до пламенной Колхиды»; в СССР — «с южных гор до северных морей».

В целом имидж России (целенаправленно сформированный образ, выделяющий определенные ценностные характеристики, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы) по типу может быть объективный, субъективный и моделируемый.

На образ России влияют следующие факторы:

1. Геополитическое расположение России между Востоком и Западом;

2. Преобладание до XX в. аграрной составляющей в экономике;

3. Цивилизационно неоднородное общество — исторически сложившийся конгломерат народов, относящихся к разным типам жизнедеятельности;

4. Православие как фундамент духовности русского народа;

5. Важнейшие исторические этапы становления российского государства;

6. Особенности климата и разнообразие климатических зон;

7. Суровая красота российской природы;

8. Распространенная идея — «Умом Россию не понять».

Ключевыми российскими макрорегионами считаются Дальний Восток, Сибирь, Юг России, Урал, Поволжье, Центр, Нечерноземье, Европейский Север. В региональном плане выделяются особое позиционирование Москвы, Сибирско-дальневосточного автономизма, Калининградского региона, Южного Предкавказского региона (Кубань и Дон), Архангельской области.

Назовем основные географические образы, с которыми ассоциируются российские регионы: Прибайкайлье — «база»; Калининградская область — «витрина»; Алтай — «житница»; Челябинская область — «кузнец и добытчик»; Тверская область — «душа России»; Волгоградская область — «ворота, форпост»; Владимирская область — «древняя и вечная земля» [11]. По мнению Н. Ю. Замятиной, на микроуровне Россия довольно бедна внутренними образами.Обычно говорят про исторические образы Владимира, Новгорода, про купеческий Нижний Новгород, промышленный работящий Урал, о кругомосковских городах (Калуга, Тула, Рязань). Городом с наиболее разработанным географическим образом на российском пространстве может быть назван Санкт-Петербург — «город Петра Великого» [10].

Как нам представляется, в целом географо-культурное районирование в Российской Федерации можно представить так: Центральная Россия (ЦФО), Северо-Запад (Ленинградская область, Санкт-Петербург, Псковская и Новгородская области, Калининградская область), Русский Север (Архангельская, Мурманская и Вологодская области, республика Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ), Юг России (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, республики Северного Кавказа, Калмыкия), Поволжье (Волго-Вятский район, республики Чувашия, Мордовия, Татарстан), Урал (Пермская, Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области, Удмуртия и Башкортостан), Сибирь (Тюменская, Иркутская, Кемеровская, Омская, Томская, Читинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненец-

кий, Таймырский, Бурятский и Эвенкийский округа, республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакассия), Дальний Восток (Республика Саха, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Камчатская области, Еврейская автономная область, Корякский и Чукотский автономные округа).

Изучение географических образов русского народа стало отдельной проблемой гуманитарной географии. Р. Ф. Туровский подчеркивает, что в России нет русских географических образов и русского национального самосознания; со времен СССР в школе учеников приучали воспринимать страну как сеть экономических районов [20]. Между тем, у русских есть региональное самосознание, которое идентифицируется с тем или иным регионом. Региональный патриотизм существует и развивается, но в его основе нет уникального регионального самосознания с глубокими культурно-историческими корнями. У русских в региональной идентичности преобладает административное начало. Поскольку при укреплении вертикали власти проводится линия на сознательное уничтожение региональных партий как явления, политической составляющей также нет.

Географические образы российских регионов постепенно становятся действенным ресурсом социально-экономического развития и фактором региональной безопасности, набирают силу и идеи моделирования необходимых для России географических образов.

В современной России географический образ территории во многом трансформирован в географо-политический: российские власти разрабатывают проекты, связанные с «безопасностью и противодействием терроризму», в рамках которых идет «формирование в новом поколении пророссийской стратегии национальной безопасности», в результате чего, применительно ко всей России, разрабатывается образная национальная стратегия. И если пока в России таковой нет, подобная стратегия уже давно начала формироваться в других странах. У нас тоже складывается понимание того, что путем моделирования географических образов можно влиять на такие факторы развития территории страны, как маркетинг территории, разработка конкретной имиджевой политики для каждого конкретного города или региона, имидж территории (внешний образ, привлекательный для потребителей товаров и услуг). В связи с этим центральные и региональные субъекты власти проявляют заботу о формировании имиджа территории, о «продвижении территории» через образы и имидж [9].

Образное пространство оказывает ключевое влияние на формирование идентичности. С 1990–2000-х гг. в России формирование регионального самосознания вписано в контекст двух тенденций: складывается российская общегражданская идентичность, происходит регионализация общественного сознания (как реакция на кризис общенациональной идентичности, возникшей в результате распада СССР). Региональная идентичность — осуществляемое индивидами и компактными территориальными группами соотнесение себя и своих социальных интересов с определенной местностью как частью определенного государства — складывается при формировании региональных сообществ [19]. Некоторые общие черты (сходство форм и стереотипов социального поведения, ценностей, элементов бытовой культуры) передаются от одних индивидов (общностей, групп населения) к другим. Для региональной идентичности принципиально значимо наличие определенной местности (обычно имеющей конкретное название), связь с которой является объединяющим началом для индивидов.

Географические образы в позиционировании территориальных брендов Адыгеи. В России региональная идентичность часто формальна и не имеет значимой культурной составляющей; иногда уникальность региональной идентичности преувеличивают, мифологизируют, специально культивируют для проведения культурной границы между жителями разных территорий. Возникают заинтересованные группы, целенаправленно продвигающие региональную идентичность и занимающиеся ее популяризацией — властные элиты и иные политические сообщества, стремящиеся основать на региональной идентичности собственную легитимность [20].

В целом возможны три основных сценария развития региональной идентичности: привязка к субэтническим группам; привязка к крупным физико-географическим ареалам; привязка к административным единицам [19]. Вопрос о их правильном сочетании актуален применительно к Северному Кавказу, где он связан с особенностями включения региона в состав Российской империи. Нужен позитивный сценарий, направленный на формирование определенного географического образа кавказской территории.

Формирование культурных брендов на Северном Кавказе имеет ряд особенностей, с учетом которых должно осуществляться моделирование географических образов. Что можно использовать? Основы развития региональной идентичности — это привязка к крупным географическим реалиям, например, к образу гор, привязка к культурно-национальным группам с их культурными брендами (гастрономия, термальные бани, исторические объекты, национальные промыслы и традиции народов Северного Кавказа).

Отметим, что, во-первых, часто на Северном Кавказе культурные ценности трансформируются в историко-культурные, характер которых, к сожалению, не свободен от противоречивых политических акцентов, в силу чего российские власти предпочитают не заострять на этом внимание. Во-вторых, культурные бренды во многом формируются на основе географических образов их особенностей в каждой из республик Северного Кавказа. Между тем, использование географических образов в современном процессе формирования культурных брендов на Северном Кавказе тоже имеет ряд специфических черт. Постепенно, со времени Кавказской войны, жизнь в горах перестала ставиться во главу угла. Горцы остались без гор; горы остались без горцев. Одной из ключевых причин было выселение на равнину (добровольное — в случае с балкарцами или принудительное — в случае с западными адыгами).

Чтобы территориальные объекты, в частности, горы Северного Кавказа вновь стали культурным брендом, их образ должен отражаться в поведении и сознании людей, следовательно — должны формироваться современные представления народов Северного Кавказа о горах. На примере Адыгеи мы видим, что для самих адыгейцев в настоящее время горы не являются большой ценностью: жители равнинных селений редко бывают в горах, для их сознания и повседневной жизни, идентичности горы как «местный ландшафт» важной роли не играют.

Как нам представляется, развивать культурные и географические образы можно лишь в том случае, когда население этими образами пользуется, живет среди них, передает соответствующую ментальность молодому поколению. В современных республиках это понимают: в 2010 г. университеты Северного Кавказа стали разрабатывать для своих студентов курс «Географический образ территории и региональная безопасность», призванный сформировать у нового поколения определенные образы территории Кавказа.

Проанализировав официальные сайты республик Северного Кавказа, сотрудники ИЭА РАН В. К. Малькова, В. А. Тишков пришли к выводу, что при формировании культурных брендов республик сделан акцент на историчность и этническую самобытность — концепции этно-исторического прошлого (с историческими обидами на Россию [15], которые не совпадают с российскими концепциями, а потому и не поддерживаются в целом в России). Упоминание об историко-культурных ценностях всегда связано с горами и национальной культурой [16].

Применительно к Северному Кавказу географические образы довольно легко переходят в географическо-политические. Соответственно, развитие географических образов и их моделирование имеет ряд сложностей, связанных с тем, как складывались исторические обстоятельства на протяжение более 200 лет. Из-за наличия негативных коннотаций в представлениях об этих обстоятельствах, продвижение имперского образа России не совсем пригодно: оно напоминает о Кавказской войне, события которой не всегда явлены в позитивном ключе. Историческая память не служит прочной опорой объединения, поскольку трактовка событий русско-казачьим населением и народами Северного Кавказа не одинакова, более того,

оценка исторических событий не совпадает и у представителей разных народов Северного Кавказа.

Среди коренных народов — адыгов, осетин сформировался специфический географический образ территории. «Моя страна *Черкесия,*— скажет современный адыг — *от моря (Черного) до моря (Каспийского)».* Одновременно с этим, довольно быстро развивается географический образ Северного Кавказа как исконно русских земель: потомки казаков — жители Черноморского побережья, которое отошло к России в ходе Русско-Кавказской войны, скажет, что это русская земля. Для информационной среды Сочинской Олимпиады-2014 были характерны такие слоганы, как, например, на плакате в санатории «Небуг»: «От Инала до Шепси — лучше нет места на Руси» (упоминаемые названия бухты Инал и залива Шепси имеют адыгское происхождение, поскольку в прежние времена на данной территории проживали адыги) [1], [2].

Важная особенность Северного Кавказа заключена в отсутствии территориальной (республиканской) идентичности и связанных с этим культурно-географических образов. На Северном Кавказе не прижилось представление о нем как о совокупности административных регионов. Республики Северного Кавказа — крайне искусственные образования, советский период не изменил географические образы народов, населяющих Северный Кавказ. До сих пор сохраняются дореволюционные, вернее сказать, доимперские географические образы территорий: представления формируются по народам и их территориям — Черкесия, Балкария, Карачай, Алания, Чечня… Даже место проживания западных адыгов — Адыгея — не используется как географический образ территории.

На какой основе и можно формировать туристическую привлекательность Северного Кавказа? Приведем примеры стихийного формирования культурно-национальных брендов: в поселке Лазаревское (г. Сочи Краснодарского края) последние 10–15 лет активизировалось развитие этнического туризма. Адыгейцы аулов, расположенных вблизи побережья, стали организовывать так называемые вечорки (в основу положен образ кавказского гостеприимства, этническая музыка, национальная кухня), имеющие большую популярность. Курортники с удовольствием посещают такие мероприятия. Другой пример позитивного использования национальных брендов — адыгейский сыр, снискавший известность во всей России.

Для дальнейшего уяснения проблемы обратимся к опыту Швейцарской конфедерации: как разрабатывается и позиционируется образ Швейцарии за рубежом?

Основные компоненты позиционирования территориальных брендов кантона Невшатель. Саймон Анхольт определяет все города как бренды, потому что они создают определенный образ в восприятии людей [23]. Вопрос о географических образах, используемых в позиционировании Невшателя, имеет несколько составляющих, поскольку этот франкоязычный швейцарский кантон разделен на две части: «нижнюю» (старинный город Невшатель, одноименное озеро, виноградники, деревни средневекового периода) и «верхнюю» (индустриальный центр Ла Шо-де-Фон с высокоразвитой часовой промышленностью, памятниками в стиле модерн, зданиями Ле Корбюзье — архитектора, родившегося в этом городе). Кантон Невшатель также славится природными ландшафтами (естественная скальная арена Крё-дю-Ван).

Как работают отдельные регионы Швейцарии над своим имиджем, предлагая собственные территориальные бренды, можно видеть на примере анализа русскоязычных туристических сайтов [5]. В целом для выявления механизмов позиционирования территориального бренда было проанализировано 329 российских и 60 швейцарских веб-сайтов, представляющих различные швейцарские территории [4].

Учитывая, что лингвистический анализ формирования образа региона не имеет общепринятого алгоритма и критериев оценки, мы в нашем проекте опирались на семио-синкретический подход М. Можер [26], совмещающий семиологию индексов (А.-М. Удебин) и нарративную семиотику (А. Греймас), и применили семиотический квадрат Греймаса для выявления элементарной структуры значе-

ния [25]. Этот метод активно используется для анализа воздействия рекламы на поведение потребителей. Швейцарский маркетолог Ж.-М. Флок выделил четыре группы ценностей: символическую, гедонистическую, практическую и критическую [24]. В позиционировании территориальных брендов символический аспект связан с репрезентацией территории как мечты, сказки, представлением о ней с точки зрения прошлого и/или будущего (символы, которые присущи русской и/или швейцарской культуре). Гедонистический аспект — представления, которые влияют на наши эмоции (эстетические переживания). Практический аспект связан с качеством и наглядностью получаемой фактической информации (исторической, экономической, культурной). Критический аспект формируется такой совокупностью факторов, как мобильность, доступность, цена туристических услуг.

При сравнении содержания российских и швейцарских веб-сайтов мы обнаружили, что символическое значение в русских и переведенных швейцарских источниках представлено неоднозначно.

Используем цветовой код в схеме выделенных нами символических значений (Рис. 1) для выявления различий в репрезентации территории.

Фрагменты схемы, отмеченные зеленым цветом, используются как в русских, так и в швейцарских переведенных текстах: например, разделы ***часовая индустрия*** и ***символы***. Большинство из этих значений выражено посредством метафоры. В когнитивно-коммуникативном аспекте метафорам в рекламном туристическом дискурсе присущи функции концептуализации и категоризации. В прагматическом аспекте — функция персонификации и аттрактивная (функция положительного информирования). Персонификация актуализирует такое свойство метафоры, как перенесение человеческих черт на неодушевленные предметы и явления, создающее образность и придающее красоту высказыванию, служит способом выражения мифологического мышления [18].

Интересен тот факт, что достаточно редкие примеры персонификации, используемые в русских и швейцарских текстах, относятся именно к разделу ***часовая индустрия***: *Свидетели целой промышленной эпохи (Ла Шо-де-Фон и Ле Локль); Ла Шо-де-Фон — крупный производитель швейцарских часов; кантон Невшатель — сердце часового и ювелирно-*

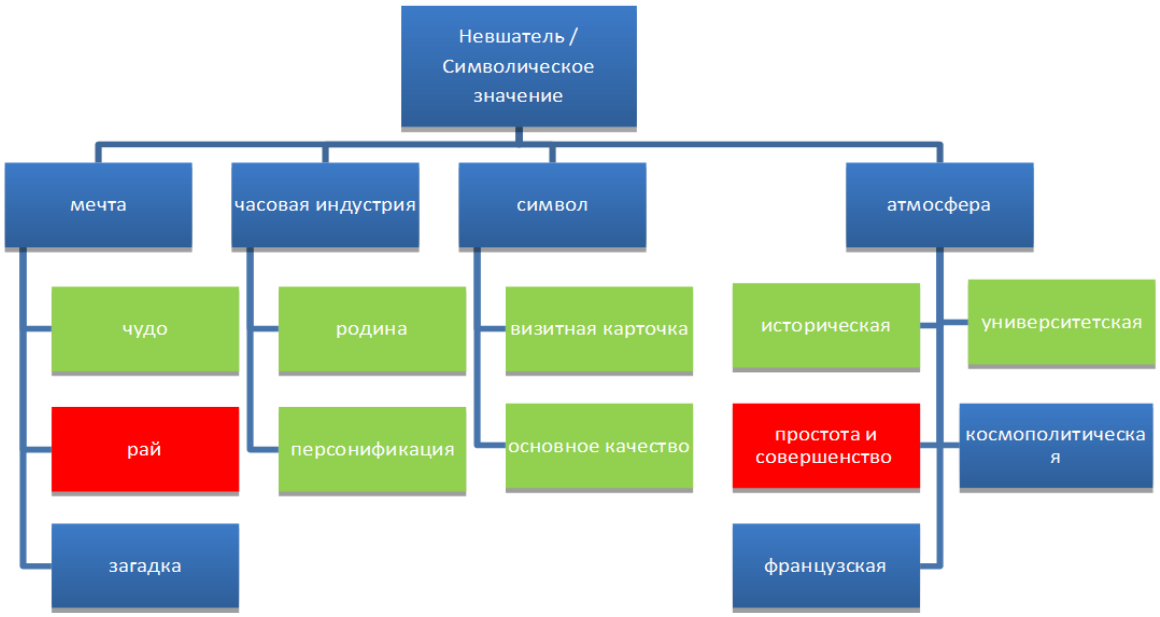


Рис. 1. Символическое значение

го мастерства в Швейцарии. С конца XVII в. и по настоящее время часовая индустрия является не только основным экономическим направлением, но и важным историческим и культурным наследием региона, не просто имеет практическую ценность, но является ценностной составляющей бренда региона.

Еще одна метафора, применимая к часовой индустрии,— символ колыбели: *колыбель швейцарского часового искусства; Ле Локль — место, где родилась швейцарская часовая промышленность, а Ла Шо-де-Фон — ее колыбель.* В данный момент именно это символическое значение легло в основу создаваемого бренда «Невшатель — в сердце времени», ориентированного на местных и иностранных туристов.

Поле семантики ***основное качество*** включает в себя особые признаки, присущие территории. Для этого в анализируемых текстах используется такой прием, как перифраз: *города-заводы (Ла Шо-де-Фон и Ле Локль), швейцарская Сибирь (Бревин); город-музей под открытым небом (Ла Шо-де-Фон), Валь-де-Травер «долина самогона»),* а также метафора «визитной карточки» (*асфальтовые шахты и горный амфитеатр Крё дю Ван, равно как и игристые вина, паровозы и высокоскоростные поезда TGV, являются визитной карточкой коммуны Валь-де-Травер; Праздник сбора винограда, ставший визитной карточкой страны*).

Раздел ***атмосфера / университетская*** включает в себя характеристики города Невшателя как *студенческого, университетского города,* что встречается и в русских, и в швейцарских источниках. Действительно, наличие классического университета и Высшей школы Арк в городе с 33 тысячами жителей является необычным для Швейцарии. Большое количество студентов накладывает определенный отпечаток на атмосферу и динамику развития города.

В раздел ***атмосфера*** мы отнесли такие характеристики региона, как *древний, старый, старинный, средневековый, исторический* и даже *легендарный (Валь-де-Травер).* Представляется, что тысячелетняя история очень важна для привлечения в регион туристов.

Еще одно семантическое поле, объединяющее русские и швейцарские тексты,— ***мечта / чудо***. В туристическом дискурсе метафора «чудо» по значению часто эквивалентна «диву» — чему-то непривычному, неожиданному, вызывающему удивление, которое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы: *прекрасный вид на это чудо природы (ущелье Ароз).*

Красным цветом маркированы фрагменты схемы, соответствующие значениям, обнаруженным только в переводной (швейцарской) части корпуса текстов. Поле ***мечта / рай*** в данном случае касается представлений о горах и явлено такими сочетаниями, как *райское место для горных козлов, сурков, оленей, хищных птиц, а также для всех любителей природы (Крё-дю-Ван); Ля Вюдез-Альп предлагает умиротворяющий райский пейзаж, расстилающийся до горизонта*. В русском языке концепт «рай» — это образ, который может быть представлен как тропический остров с красивой природой и удобствами цивилизации — курортами, гостиницами, архитектурными достопримечательностями. Ценностный компонент концепта связан, в первую очередь, с выражением положительной оценки по отношению к условиям отдыха: удобству, комфортабельности, спокойствию. В швейцарских текстах метафора «рай» используется применимо к горным пейзажам, что не находит отклика в русских источниках.

Еще один пример, найденный исключительно в швейцарских текстах: *«простота и совершенство» — этот лозунг мог бы стать девизом города (Le Locle)*. В данном случае «простота» является одной из составляющих «совершенства» и служит формированию образа города: относится к особенностям городской застройки, которая была ориентирована на нужды часовой индустрии. Именно благодаря особой планировке города, Ле Локль получил статус культурного наследия Юнеско. Этот пример подчеркивает территориальную особенность и выводит ее на первый план.

Синим цветом маркированы оценки, присущие только русской части корпуса текстов. Так, связь семантики ***атмосфера*** с семантикой ***французская*** применительно к городу Невшатель (*самый «французский» город*

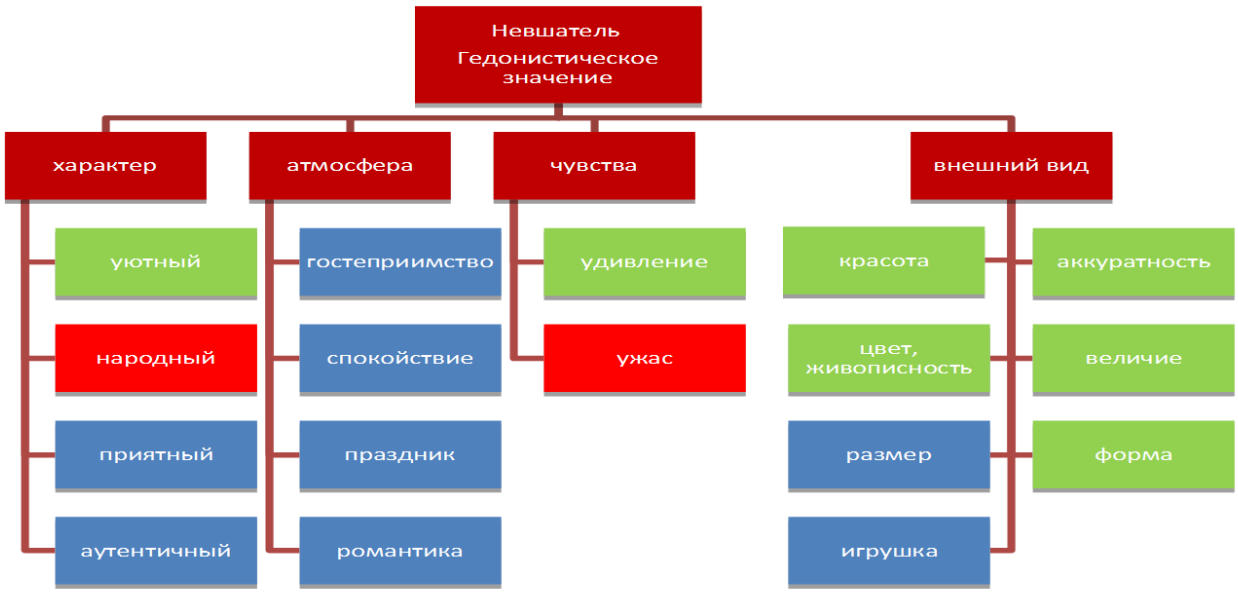


Рис. 2. Гедонистический аспект

страны, почувствуйте французскую атмосферу) тесно связана с существующими в русской культуре представлениями о Франции. Благодаря давним историческим и культурным связям между странами Франция пользуется отличной репутацией и огромной популярностью в России. Для россиян французская культура символизирует культуру с большой буквы, олицетворяет своего рода культурную и художественную «Мекку». Все французское в русском понимании связано с аристократической и художественной изысканностью. Отсюда и наблюдаемый в текстах туристических сайтов перенос этого положительного восприятия на Невшатель, который до 1707 г. принадлежал Орлеану-Лонгвилю и сохранил следы французской культуры в местном диалекте, традициях и обычаях.

Невшатель также *таинственен и загадочен* (поле семантики ***мечта*** / ***тайна***). Подобная оппозиция пробуждает эмоции: интерес, любопытство, любознательность, стимулирует действия по получению информации [3, с. 95], предлагает туристам стать непосредственными участниками процесса разгадки (раскрытия) тайны этого города.

В целом, недостаточной развитостью символического аспекта текстов, посвященных кантону Невшатель, наш взгляд, можно объяснить слабое представление данной территории в русскоязычном пространстве.

На Рис. 2 показан состав семантики, определяющей гедонистический аспект представлений. Результаты нашего исследования показали, что оригинальные русские тексты широко используют этот языковой ресурс, в то время как переведенные швейцарские сайты обращаются к нему гораздо реже. В целом это подтвердило правомерность утверждения российского философа языка В. В. Колесова о том, что в русском менталитете качество имеет приоритет над количеством и этот факт выражается в языке через богатую и сложную систему прилагательных [14].

«Красота важнее пользы, поскольку польза — один из компонентов красоты» [14, с. 59]. Согласно В. В. Колесову, качество является основной характеристикой реального мира и превалирует над количеством: для русской языковой картины мира характерна синонимия значений *хороший* и *красивый.* И это не только эстетическая, но и моральная характеристика (*лучше* — оценка, а не характеристика).

Сферу семантики ***внешний вид*** / ***красота*** составили прилагательные: *элегантный, потрясающий, красивый, великолепный*. Лишь прилагательное *великолепный* употребляется

как в швейцарских, так и в русских текстах. В семантическом поле ***живописность*** русские используют многочисленные характеристики: *сияющий, ясный, солнечный, теплый, живописный*, в то время как швейцарцы — единственное прилагательное *живописный*.

Семантический компонент ***игрушка*** объединяет описания Невшателя, соотнесенные с цитатой из Александра Дюма-отца, который сравнивал внешний вид города с «огромной игрушкой, вырезанной из куска сливочного масла», которые часто встречаются на российских сайтах и полностью отсутствует в переводных швейцарских. И в этом проявляется значимость французской культуры и литературы в русской культуре.

Поле семантики ***размер*** представлено только в русских источниках. Надо подчеркнуть, что размер, *большой* или *маленький* (с градацией системы степеней прилагательного), как важная качественная характеристика в русском языке, включает в себя не только физическое измерение, которое решающей значимости не имеет (меньший может быть более привлекательным, чем больший), но и символические аспекты, такие, как *уважение, сила, симпатия*.

В разделе ***атмосфера*** мы сгруппировали текстовые примеры, относящиеся не к символическому значению, а, скорее, к эмоциональному восприятию территории. Например, русские источники подчеркивают важность концепта ***гостеприимство*** (*гостеприимство и оригинальная местная кухня, приятная гостеприимная атмосфера*), который специфичен для русскоязычного сознания и является базовым для русской культуры [6]. Он напрямую связан с понятиями *доброжелательность, радушие, душевность*, что, несомненно, повышает привлекательность образа территории.

Поле ***атмосфера / праздник*** позволяет проследить важность коннотаций праздника для увеличения туристической притягательности города: *Кафе, бары, уличные стойки и музыкальные группы оживляют старый город и делают жизнь веселее и праздничнее; Неповторимая праздничная атмосфера; Обжорство в неописуемых масштабах, веселье и упоение!(Невшатель).* Понятие «праздник» вызывает у носителей русского языка такие ассоциации, как ‘развлечение’, ‘настроение’, ‘застолье’, ‘безделье’, ‘радостное чувство’, ‘источник радости’ [20].

Рис. 3. Критический аспект

Использования данного концепта позволяет подчеркнуть смену регистра: отключение от повседневной рутинной жизни с ее проблемами и погружение в среду, полную положительных эмоций.

Критический аспект (Рис. 3) составляют понятия, связанные с идеей конкурентного преимущества. Тут следует обратить внимание на то, что очень важна доступность территории: *недалеко от Женевы, Невшатель находится всего в 1 часе 20 минутах езды от аэропорта Женевы* (в русских текстах это понимается, как расстояние небольшое).

Практическое значение — область наибольшего смыслового наполнения, причем заметна разница между российскими и швейцарскими сайтами в ранжировании информации. Во-первых, в русских текстах на первый план выдвинуты исторические факты и даты, культурные события. Даже этимология географических названий имеет большое значение в анализируемых непереводных текстах. Отсутствие этого аспекта на швейцарских сайтах снижает значимость передаваемой информации для российского туриста. Во-вторых, на российских сайтах придают огромное значение прецедентным именам. Наше исследование позволило отметить, что ценность культурных и исторических связей между Швейцарией и Россией слабо отмечена на швейцарских сайтах, в отличие от российских, где этому уделяется особое внимание.

Проведенный анализ аспектов репрезентации территории выявил существование многочисленных различий между текстами оригинальными русскими и швейцарскими, переведенными на русский язык. Эти различия можно объяснить актуальностью используемых языковых концептов для русскоязычной картины мира, а также установкой дифференцируемых рейтингов информации. Универсальность наиболее общих категорий наталкивается на весьма существенную вариативность нюансов, заключенных в концептах, сформированных различными национальными культурами. Так, швейцарские сайты не включают концепт «французский» в состав территориальных брендов, поскольку данный концепт в Швейцарии наряду с положительными включает в себя отрицательные коннотации ‘забастовка’, ‘неорганизованность’, ‘баррикады’, ‘безработица’. Между тем, коммуникация, учитывающая национальную специфику данного концепта в русскоязычной картине мира, только бы выиграла от использования данной характеристики.

Наибольшими различиями отмечен гедонистический аспект ценностей. Национальная швейцарская специфика предполагает сдержанность в эмоциональных проявлениях вне близкого круга общения, и это накладывает свой отпечаток на использование выразительных средств в туристической коммуникации (недостаточное употребление таких средств как эпитеты, метафоры, превосходная степень прилагательных).

Несходства в представлении критического аспекта объясняются, в первую очередь, различием в определении пары понятий «близко» / «далеко». Если для Швейцарии фраза «*Невшатель находится в 1 часе 20 минутах езды от Женевы*» означает ‘скорее далеко, чем близко’, то для русской картины мира, со свойственным ей восприятием огромных пространств, эта фраза означает ‘близко’.

* * *

На приведенных примерах брендинга территорий и из сравнения опыта соответствующей практики на Северном Кавказе и в кантоне Невшатель (Швейцария) видно, что в процессе позиционирования бренда на первый план в веб-коммуникации выходят культурные коды репрезентируемой территории. Интересы и предпочтения инокультурной публики, пока что, к сожалению, учитываются мало. Несовпадение с ожиданиями туристов или даже со сформировавшимся образом территории в иноязычном сознании создает определенные препятствия — не позволяет тем или иным территориальным брендам стать привлекательными для туристов иноязычных или проживающих вне репрезентируемой территории.

Yulia V. WIRTH, Irina L. BABICH

Culture and Space: Geographical Images in the Positioning of Territorial Brands (On the Example of the South of Russia and Switzerland)

Abstract. To show the role of cultural values in the process of positioning territorial brands, the authors of the article refer to the Russian and Swiss experience in the formation of concepts and the application of cultural geography methods. On the basis of such sources as interviews with Russian informants and texts of Russian and Swiss websites, the transformations of the realities of the geographic space in people's minds — ideas, concepts, analogies, reflected in territorial (geographic) images — were analyzed.

Branding is one of such development factors as territory marketing, image policy development. The image of the territory is an external image, attractive to consumers of goods and services, contributing to the growth of internal and external tourism. In order for territorial objects, in particular, the mountains of the North Caucasus, to become a cultural brand again, their image must be reflected in the behavior and consciousness of people. However, as the authors of the article show by the example of Adygea, nowadays, for the Adyghe people themselves, the mountains are not of great value: residents of lowland villages rarely go to the mountains, for their daily life the mountains as a "local landscape" do not play an important role.

It was noted that, in relation to the North Caucasus, geographical images are easily transformed into geographical-political ones: their modeling has a number of difficulties related to how historical circumstances evolved for over more than 200 years. Strategies for the development of regional identity (linking to sub-ethnic groups, linking to large physical-geographical areas, linking to administrative units) here are connected with the peculiarities of the inclusion of the region into the Russian Empire. The search for a positive scenario aimed at forming a specific geographical image of the Caucasian territory and taking into account the potential of already existing cultural brands is relevant.

To clarify a number of aspects of the problem, the authors of the article, by analyzing the geographic images used in positioning territorial brands on travel sites (329 Russian and 60 Swiss websites), studied how certain regions of Switzerland work on the image of the territory. When comparing the experience of a relevant practice in the North Caucasus (Adygea) and in Switzerland (Canton Neuchâtel), it is established that the interests and preferences of the foreign cultural public are little taken into account. Disagreement with the expectations of tourists or even with the established image of the territory in a foreign language consciousness creates certain obstacles: it does not allow certain territorial brands to become attractive for tourists speaking foreign languages or living outside the representative territory.

Keywords: North Caucasus, Adygea, Switzerland, Neuchâtel, humanitarian geography, positioning of territorial brands on travel agency sites, analysis of tourist preferences.

Использованная литература:

1. Бабич И. Л. Причерноморские шапсуги: проблемы сохранения культуры // Философия, социология, культура. 2006. № 5. С. 107–114.

2. Бабич И. Л. Проблемы сохранения идентичности шапсугов Причерноморья в XXI в. Сер.: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 2009. Вып. 213.

3. Безрукова В. В. Концепт «тайна» / «mystère» в русской и французской лингвокультурах (на материале произведений В. Крестовского «Петербургские трущобы» и Э. Сю «Парижские тайны» // Ceteris Paribus. 2015. № 4. С. 94–100.

References:

1. Babich, I.L. (2006) Prichernomorskie shapsugi: problemy sokhraneniya kul'tury [The Black Sea Shapsugs: Problems of culture preservation]. *Filosofiya, sotsiologiya, kul'tura*. 5. pp. 107–114.

2. Babich, I.L. (2009) *Problemy sokhraneniya identichnosti shapsugov Prichernomor'ya v XXI v.* [Problems of preserving the identity of the Black Sea Shapsugs in the 21st century]. Ser.: Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii [Studies in Applied and Urgent Ethnology Series]. 213. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology.

3. Bezrukova, V.V. (2015) Kontsept "tayna" / "mystère" v russkoy i frantsuzskoy lingvokul'turakh (na materiale proizvedeniy V. Krestovskogo "Peterburgskie trushchoby" i E.

4. Вирт Ю. В. Позиционирование швейцарских территорий в русском веб-пространстве: количественный анализ переводных и оригинальных веб-сайтов // Коммуникативные исследования. 2017. № 3. С. 59–69.

5. Вирт Ю. В., Харламова М. А. Просторный кантон или просторная квартира: о русскоязычном туристическом сайте Швейцарии // Коммуникативные исследования. 2015. № 4. С. 140–148

6. Гарипова Г. Р. Концепт «гостеприимство» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2010.

7. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность, 2011. № 4. С. 126–138.

8. Замятин Д. Н. Методологические и теоретические проблемы изучения взаимодействия культуры и пространства // Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 21–75.

9. Замятин Д. Н. Моделирование географических образов // Гуманитарная география: научн. и культ.-просвет. альманах.. М.: Институт Наследия, 2008. Вып. 5. С. 240–260.

10. Замятина Н. Ю. Географический образ // Гуманитарная география: научн. и культ.-просвет. альманах. М.: Институт Наследия, 2008. Вып. 5. С. 206–210.

11. Замятина Н. Ю. Когнитивно-географический контекст как модель соотношений географических образов (на примере анализа текстов официальных сайтов субъектов Российской Федерации) // Гуманитарная география: научн. и культ.-просвет. альманах. М.: Институт Наследия, 2006. Вып. 3. С. 70–90.

12. Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., 2000.

13. Калуцков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение. М., 2011.

14. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.

15. Культура и пространство. Книга вторая: Историко- культурные бренды территорий, регионов и мест / ред. В. К. Малькова, В. А. Тишков. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010.

16. Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Книга первая: Образы российских республик в Интернете. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2009.

17. Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и экономики / под общ. ред. И. Л. Бабич, Ю. В. Вирт, М. Ю. Мартыновой. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2013.

18. Пименова З. П. Функции метафоры в рекламном туристическом дискурсе // Научный потенциал мира – 2012: матер. международной науч. конфер. Praha: Education and Science. С 86–89. URL: http://www.rusnauka.com/27_SSN_2012/Philologia/7_117182.doc.htm (дата обращения 10.09.2018).

19. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность // Гуманитарная география: научн. и культ.-просвет. альмонах. М.: Институт Наследия, 2010. Вып. 6. С. 280–309.

20. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Мак-Фолл М., Рябов А. М. Россий-

Syu "Parizhskie tayny" [The concept of "mystery" / "mystère" in the Russian and French linguistic cultures (based on V. Krestovsky "Petersburg Slums" and E. Sue's "Paris Secrets"]. *Ceteris Paribus*. 4. pp. 94–100.

4. Wirth, Yu.V. (2017) The positioning of the Swiss territories in the Russian web space: a quantitative analysis of translated and original websites. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*. 3. pp. 59–69. (In Russian).

5. Wirth, Yu.V. & Kharlamova, M.A. (2015) Spacious canton or spacious apartment: analysis of the Russian version of a travel website describing Switzerland. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies.* 4. pp. 140–148 (In Russian)

6. Garipova, G.R. (2010) *Kontsept "gostepriimstvo" v russkom i angliyskom yazykakh* [The concept of "hospitality" in Russian and English]. Philology Cand. Diss. Ufa.

7. Zamyatin, D.N. (2010) Gumanitarnaya geografiya: predmet izucheniya i osnovnye napravleniya razvitiya [Humanitarian geography: the subject of study and the main directions of development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World.* 4. pp. 126–138 .

8. Zamyatin, D.N. (2006) *Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space. Modeling geographic images]. Moscow: Znak. pp. 21–75.

9. Zamyatin, D.N. (2008) Modelirovanie geograficheskikh obrazov [Modeling of geographical images]. In: Zamyatin, D.N. (ed.) *Gumanitarnaya geografiya* [Humanitarian Geography]. Is. 5. Moscow: Institut Naslediya. pp. 240–260.

10. Zamyatina, N.Yu. (2008) Geograficheskiy obraz [A geographical image]. In: Zamyatin, D.N. (ed.) *Gumanitarnaya geografiya* [Humanitarian Geography]. Is. 5. Moscow: Institut Naslediya. pp. 206–210.

11. Zamyatina, N.Yu. (2006) Kognitivno-geograficheskiy kontekst kak model' sootnosheniy geograficheskikh obrazov (na primere analiza tekstov ofitsial'nykh saytov sub"ektov Rossiyskoy Federatsii) [The cognitive-geographical context as a model of relationships of geographic images (on the example of text analysis of the official websites of the subjects of the Russian Federation)]. In: Mitin, I.I. (ed.) *Gumanitarnaya geografiya* [Humanitarian Geography]. Is. 3. Moscow: Institut Naslediya. pp. 70–90.

12. Kalutskov, V.N. (2000) *Osnovy etnokul'turnogo landshaftovedeniya* [Basics of ethnocultural landscape science]. Moscow: Moscow State University.

13. Kalutskov, V.N. (2011) *Etnokul'turnoe landshaftovedenie* [Ethnocultural landscape science]. Moscow: Moscow State University, Faculty of Geography.

14. Kolesov, V.V. (2006) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

15. Mal'kova, V.K. & Tishkov, V.A. (eds) (2010) *Kul'tura i prostranstvo* [Culture and space]. Book 2. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.

16. Mal'kova, V.K. & Tishkov, V.A. (eds) (2009) *Kul'tura i prostranstvo* [Culture and space]. Book 1. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.

17. Babich, I.L., Wirth, Yu.V. & Martynova, M.Yu. (eds) (2013) *Modernizatsiya ekonomiki i samoupravleniya v respublikakh Severnogo Kavkaza i shveytsarskiy opyt*

ское общество: становление демократических ценностей. М.: Гендальф, 1999. С. 87–136.

21. Формирование региональной идентичности в условиях современной России / отв. ред. Н. А. Кочеляева. Пенза: Приволжский дом знаний, 2012.

22. Чихичин В. В. Географический образ территории и региональная безопасность: программа учебного курса // Гуманитарная география: научн. и культ.-просвет. альмонах. М.: Институт Наследия, 2010. Вып. 6. С. 200–240.

23. Anholt S. Places: Identity, Image and Reputation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

24. Floch J.-M. Sémiotique, Marketing et communication. Sous les signes les stratégies, Paris: Presses universitaires de France, 1990.

25. Greimas A.-J., Rastier F. The Interaction of Semiotic Constraints // Yale French Studies. 1968. № 41. Pp. 86–105.

26. Mauger Parat M. Les représentations climatiques dans la presse française: Analyses sémiologiques et sémiotiques comparées de discours médiatiques, scientifiques et profanes: thèse de doctorat. Paris: Université René Descartes, 2013. URL: http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00948014 (дата обращения 10.09.2018).

organizatsii obshchestva i ekonomiki [Modernization of the economy and self-government in the republics of the North Caucasus and the Swiss experience in the organization of society and the economy]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.

18. Pimenova, Z.P. (2012) [Functions of metaphor in advertising tourist discourse]. *Nauchnyy potentsial mira–2012* [Scientific Potential of the World–2012]. Proceedings of the International Conference. Praha: Education and Science. pp 86–89. [Online] Available from: http://www.rusnauka.com/27_SSN_2012/Philologia/7_117182.doc.htm. (Accessed: 10.09.2018). (In Russian).

19. Turovskiy, R.F. (2010) Regional'naya identichnost' [Regional identity]. In: Mitin, I.I. (ed.) *Gumanitarnaya geografiya* [Humanitarian Geography]. Is. 6. Moscow: Institut Naslediya. pp. 280–309.

20. Turovskiy, R.F. (1999) Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii [Regional identity in modern Russia]. In: McFall, M. & Ryabov, A.M. (eds) *Rossiyskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticheskikh tsennostey?* [Russian society: the formation of democratic values?]. Moscow: Gendal'f.

21. Kochelyaeva, N.A. (ed.) (2012) *Formirovanie regional'noy identichnosti v usloviyakh sovremennoy Rossii* [Formation of regional identity in the conditions of modern Russia]. Penza: Privolzhskiy dom znaniy.

22. Chikhichin, V.V. (2010) Geograficheskiy obraz territorii i regional'naya bezopasnost': programma uchebnogo kursa [The geographical image of the territory and regional security: the program of a discipline]. In: Mitin, I.I. (ed.) *Gumanitarnaya geografiya* [Humanitarian Geography]. Is. 6. Moscow: Institut Naslediya. pp. 200–240.

23. Anholt, S. (2010) *Places: Identity, Image and Reputation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

24. Floch, J.-M. (1990) *Sémiotique, Marketing et communication. Sous les signes les stratégies.* Paris: Presses universitaires de France.

25. Greimas, A.-J. & Rastier, F. (1968) The Interaction of Semiotic Constraints. *Yale French Studies*. 41. pp. 86–105.

26. Mauger-Parat, M. (2013) *Les représentations climatiques dans la presse française: Analyses sémiologiques et sémiotiques comparées de discours médiatiques, scientifiques et profanes*: thèse de doctorat. Paris: Université René Descartes. [Online] Available from: http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00948014. (Accessed: 10.09.2018).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Вирт, Ю. В. Культура и пространство: географические образы в позиционировании территориальных брендов (на примере Юга России и Швейцарии)[Электронный ресурс] / Ю. В. Вирт, И. Л. Бабич // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 81-94. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Wirth_Babich.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Wirth, Yu. V. & Babich, I. L. (2019) Culture and Space: Geographical Images in the Positioning of Territorial Brands (On the Example of the South of Russia and Switzerland). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 81-94. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Wirth_Babich.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

АППАЕВА Жаухар Мустафаевна
искусствовед,
председатель Кабардино-Балкарского отделения
Ассоциации искусствоведов
Нальчик, Россия
Zhaukhar M. APPAEVA
Art Critic, Head, Kabardino-Balkarian Branch,
Association of Art Critics
Nalchik, Russian Federation
appaewa2565@mail.ru

УДК 73.03:39(470.64)
ГРНТИ 18.31.21
ВАК 24.00.01

Специфика этнического стиля в монументальной скульптуре Кабардино-Балкарии

The Specificity of the Ethnic Style in the Monumental Sculpture of Kabardino-Balkaria

Статья посвящена особенностям монументальной скульптуры Кабардино-Балкарии. Если в 1950–1960-х гг. кабардино-балкарские скульпторы стремились приблизиться к общесоюзной модели искусства, то в 1970–1980-х их устремления изменились и усложнились. Перед местными ваятелями встала задача создания этнического по духу искусства. Эта цель послужила мощным катализатором их творческих поисков. Со временем кабардино-балкарская монументальная скульптура обрела собственное лицо, специфические свойства, отличающие ее от других региональных школ.

Отсутствие традиций изобразительного искусства заставляет местных художников присмотреться к древним видам искусства кабардинцев и балкарцев. Они специально занимаются изучением Нартского эпоса, фольклора, архитектуры, декоративно-прикладного искусства, хореографии, коренных народов республики, материалов археологических раскопок — и стремятся найти изобразительный эквивалент вербальным и иным образам. Не последнюю роль в становлении фигуративного искусства нашего края сыграло и обращение к историческому прошлому, национальной тематике вообще. Были сделаны серьезные попытки отыскать культурные истоки своего народа в далеком прошлом и на их основе создать национальную модель искусства. Этнический характер придают точно найденные типажи, характеры, темперамент горцев, наконец, стилистика произведений, не оставляющая сомнений в принадлежности к определенному народу не только героев, но и авторов этих работ.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, монументальное искусство, этнический стиль, монументальная пластика, национальная культура, идеологическое искусство, ментальность, генезис.

В эпоху глобализации особенно остро стоит вопрос о сохранении национальной идентичности, уникальной самобытности каждого народа. Для решения этой задачи необходимо осознать своеобразие этноса, определить по каким параметрам следует искать его отличия от других.

До 20-х гг. прошлого века художественная культура кабардинцев и балкарцев развивалась естественным путем, эндогенно. Этнически маркированный комплекс художественных координат, ясно обозначенный в устно-поэтическом творчестве, хореографии, песенном фольклоре, декоративно-прикладном искусстве, архитектуре, складывался под влиянием этногеографических условий жизни, которые сформировали психологический облик народов, их этнокультуру. Отсутствие в этой культуре отрасли изобразительного искусства до недавнего времени понималось несколько ограниченно: объяснялось той причиной, что местные народы исповедовали ислам. На самом же деле, причины коренились гораздо глубже, были связаны со спецификой художественного мышления кабардинцев и балкарцев, с особенностями их менталитета. Нельзя не отметить, что из-за отсутствия традиций фигуративного искусства эти народы вовсе не чувствовали себя в чем-то обделенными; культурные потребности компенсировались наличием других видов искусства. Это вполне вписывается в закономерность, установленную испанским философом Х. Ортега-и-Гассетом: «Каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое, потому что все сказать невозможно» [4, с. 531].

В годы культурной революции (1920–1930-е) советские и партийные органы Кабардино-Балкарской автономной области под давлением общесоюзных властей вынуждены были заняться решением сложной, необычной задачи: волевым, административным методом культивировать изобразительное искусство, не считаясь с реальной обстановкой, с отсутствием необходимой культурной базы. К внедрению нового для коренных народов вида искусства местных чиновников толкала и необходимость включиться в общесоюзный художественный процесс. Причем искусство должно было прежде всего служить политическим целям советской власти.

Высказанное культурологом Г. Д. Гачевым в работе «Неминуемое. Ускоренное развитие литературы» замечание о том, что в указанный период «многие народы пробуждаются к новой исторической жизни, включаются в единый мировой исторический процесс и за короткое время стремительно продвигаются вперед, догоняя, а в чем-то перегоняя другие страны, народы и культуры» [2, с. 4], касается и коренных народов Кабардино-Балкарии. Для создания образцов национального изобразительного искусства необходимо было заложить основы собственного этнического стиля, опираясь на достижения мирового искусства и подчиняясь законам национальной образности.

Решить вопрос было невозможно без профессиональных художественных кадров, поэтому параллельно возникла проблема их воспитания. Коренные народы, воспитанные на иных традициях и художественных ценностях, не были подготовлены ни психологически, ни эстетически к восприятию новых для них видов искусства, возникновение которых не вытекало из их собственных культурных запросов. Реализация соответствующего замысла растянулась на долгие три десятилетия, до 50-х гг. прошлого столетия.

Сложность развития изобразительного искусства в КБ АССР заключалась в том, что до середины XX в. в республике не было собственной базы для его становления. Необходимо было преломить влияния, полученные извне, заложив тем самым основу местных художественных традиций, создав образы, близкие мировосприятию кабардинского и балкарского народов. Сделать это было нелегко, поскольку в стране господствовала установка к нивелированию национальных черт искусства, идеологическое, а вовсе не «сущностное» (по Г. Гачеву) понимание «национального»: советской культуре было предписано развиваться в строго очерченных рамках соцреализма.

Разговоры о создании искусства национального по форме социалистического по содержанию носили сугубо декларативный характер. Вполне понятно, что местные худож-

ники ориентировались в своем творчестве вначале на русское реалистическое искусство — не столько потому, что принципы русской и классической европейской художественной школы специально насаждались, сколько потому, что других ориентиров в те годы все равно не было. Если говорить о таком явлении, как заимствование каких-то форм искусства у других народов, в этом не было ничего экстраординарного. «В ходе своей истории каждый народ … вступает на поверхности земли в горизонтальные контакты с другими странами и народами — в торговле, войнах, дипломатии, в культурном обмене, но этот процесс работает не на ассимиляцию народа, а на "стимулирование" собственной энергии организма, … сущностных энергий» [2, с. 239]. Хотя заимствования — вполне естественный процесс, присущий всем народам, вместе с тем, как пишет литературовед и культуролог З. Кучукова, «следует признать наличие в этнической субстанции каждого народа стабильного "ядра", "нерастворяющейся гранулы", которая обеспечивает жизнеспособность и самобытность каждой этнической группе» [3, с. 5]. По ее мнению, даже при заимствованиях можно говорить лишь об «этнической смещенности» онтологических констант, а вовсе не об утрате идентичности.

Изначально речь шла о простом подражании стилистике искусства других этносов, лишь позже была поставлена задача приспособить заимствованные формы к менталитету кабардинцев и балкарцев. Располагая одним и тем же с русскими художниками материалом, местные авторы учились использовать стилистические особенности, отвечающие специфике горской ментальности, интуитивно вносили в свои произведения элементы и детали, которые отражают национальный стиль.

Отсутствие традиций изобразительного искусства побудило местных художников присмотреться к древним видам искусства кабардинцев и балкарцев. Они специально занимались изучением Нартского эпоса, устно-поэтического творчества, архитектуры, декоративно-прикладного искусства, хореографии коренных народов республики, интересовались материалами археологических раскопок — стремились найти изобразительный эквивалент вербальным и иным образам. Не последнюю роль в становлении фигуративного искусства нашего края сыграло и обращение к историческому прошлому и национальной тематике вообще. Были сделаны и серьезные попытки отыскать в архаическом наследии культурные истоки своего народа и на их основе создать национальную модель искусства. Этнический характер современным произведениям искусства придают точно найденные типажи, характеры, отпечаток темперамента горцев, наконец, стилистика произведений, не оставляющая сомнений в принадлежности к определенному народу не только героев, но и авторов этих работ.

Широко распространенная в мировом искусстве пирамидальная композиция — у горцев она подсказана самим силуэтом гор. Мифообраз горы занимает исключительное место в поэтическом сознании и в национальной модели мира горских народов. Очень оригинальной для кабардино-балкарских ваятелей оказалась и мысль использовать в монументальном искусстве каменную кладку в балкарском стиле (хуна) в качестве постаментов или подпорных стенок. Таких примеров в республике немало (Рис. 1).

Среди этноонтологических констант центральное место в жизни балкарцев и кабардинцев отведено камню — материалу, применяемому как в бытовом строительстве, так и для создания произведений искусства. Использование валунов, монолитных кусков скал, имитирующих кавказский ландшафт, придает монументальным скульптурам местный колорит. Весьма своеобразны работы скульптора А. Гушапши (памятник Б. Фиапшеву, памятник М. Ю. Лермонтову), выполненный М. Узденовым памятник первовосходителю на Эльбрус А. Соттаеву (Рис. 2) и другие монументы, в которых применен следующий оригинальный прием. В тело цельных гранитных блоков делаются вставки из другого по цвету материала.

Этот прием также достаточно нов в монументальной скульптуре, однако здесь речь идет не просто о новации, а о том, как в скульптурных произведениях интуитивно отражено мировоззрение горцев. В любой национальной культуре есть миф, объясняющий

Рис. 1. Памятник Кязиму Мечиеву в с. Бабугент Черекского района (1960 г., скульптор Хамзат Крымшамхалов, архитектор Мухарби Каркаев)

происхождение первопредка народа. По представлениям балкарцев и кабардинцев, их прародители родились из чрева камня, поэтому мотив слитности людей с камнем для местных скульпторов вполне естествен.

И тема смерти, ее образное воплощение у разных народов имеет особенности, связанные с историко-культурными, этнопсихологическими факторами. Интерпретация этой темы в созданной скульптором С. Катони монументальной композиции, иллюстрирующей стихотворные строки Кайсына Кулиева «Каждая пуля, выпущенная на войне, попадает в сердце материнское», дана в культурном контексте не балкарского, а русского народа: автор создал образ погибшего воина, как бы вырванного с корнем из земли, что по этноментальной обусловленности соответствует представлению европейца о гибели человека.

Рис. 2. Памятник первовосходителю на Эльбрус Ахии Соттаеву в пос. Верхний Баксан Эльбрусского района (1978 г., скульптор Мухтар Узденов)

Для горцев же образ смерти связан чаще всего с камнем, сорвавшимся с утеса. Здесь можно вновь говорить о несовпадении этнических моделей мира европейцев и горцев.

Кабардинские и балкарские ваятели-монументалисты при создании воинских мемориалов обращались к темам, универсальным для всего советского и российского искусства, однако в деталях композиции горских ваятелей обретали этнический оттенок: общероссийский вариант модифицировался посредством обращения к иным символам. В изваяниях кабардино-балкарских скульпторов советская военная атрибутика нередко заменялась на кавказское оружие (кинжалы, мечи, сабли), дополненное буркой, черкеской, папахой, конем.

В последние десятилетия руководители местных администраций непременно хотят, чтобы воздвигаемые на территории их региона монументы имели национальный колорит. К примеру, скульптор Хамид Савкуев изобразил президента КБР В. М. Кокова сидящим на валуне с накинутой на плечи буркой, хотя тот никогда ее не носил (Рис. 3).

История монументально-декоративной пластики Кабардино-Балкарии ведет отсчет с 1936 г., с композиции «Танцующая пара» русского ваятеля Василенко, установленной на аттике кинотеатра «Победа» (Рис. 4). Вместо того чтобы, как ему было заказано, поме-

Рис. 3. Памятник первому президенту КБР В. М. Кокову в г. Нальчик (2007 г., скульптор Хамид Савкуев, архитектор Заур Матуев)

стить скульптуры в нишах на стене, на уровне человеческого роста, скульптор предпочел вознести их вверх. В этом присутствовала определенная логика: пластике скульптур автор придал орнитогенный характер; равнинный житель, он привык смотреть на птиц почтительно, снизу, и вполне закономерно воссоздал в своем произведении соответствующую картину мира.

У ваятелей-горцев иной подход к созданию орнитогенных образов, потому что жизненное пространство горца совпадает с «зоной обитания» птиц: многочисленные придорожные, фонтанные или парковые декоративные скульптуры горных орлов устанавливаются на природных камнях, расположенных довольно низко. В этом наглядно видно несовпадение пространственных моделей жителей гор и равнин — характерный пример того,

Рис. 4. Танцующая пара. Кинотеатр «Победа», г. Нальчик (1936 г., скульптор Василенко)

что образное воплощение у представителей разных народов имеет свои особенности, обусловленные историко-культурными, этнопсихологическими, географическими факторами.

Увлечение орнитогенными образами присуще многим кабардино-балкарским скульпторам. Авторы этих работ порой придают одежде своих героев очертания крыла птицы. Распространенным мотивом становится «летящая бурка», как бы обретающая собственную жизнь после смерти ее владельца (Рис. 5).

Нередки в творчестве местных ваятелей и обелиски, напоминающие по форме антропоморфную надгробную стелу,которая бытовала с языческих времен и не утратила актуальности после исламизации. Архитектурный облик памятников обогащают декоративным убранством — орнаментами с включением символико-знаковых атрибутов. Такие орнаменты подобны украшению традиционных намогильных памятников, несущих информацию о роде занятий, социальном статусе, профессии умерших. Нередко можно встретить эмблематику ислама (звезда и полумесяц), древние солярные и астральные знаки, родовые тамги, зооморфные и растительные орнаменты, предметы бытового и ритуального характера, одежду и ее аксессуары, что теснее связывает памятник с архетипами народного искусства.

Традиционно в русской и советской монументальной скульптуре скорбь народа по погибшим на войне символизирует образ

Рис. 5. Скорбящая мать. с. Шордаково, Зольский район (1993 г., скульптор Станислав Катони, архитектор Владимир Бублик)

Родина-мать. Но Х. Крымшамхалов и М. Каркаев — авторы памятника «Скорбящий горец» (Рис. 6) отошли от подобной трактовки, создав мужской образ, поскольку по-балкарски *Родина* — земля отцов, Атажурт (Отечество).

Кавказские горцы, по определению французского философа Гастона Башляра, принадлежат к числу ацензиональных народов, наделенных «комплексом высоты», для них восхождение на гору — занятие обычное; не удивительно, что героям скульпторов Х. Крымшамхалова и М. Тхакумашева («Первовосходители», 1975 г. с. Верхний Баксан) оно не сулит особых страхов и переживаний. Даже с примитивным альпинистским снаряжением они без страха шли покорять высочайшую вершину Европы — Эльбрус. Один из изображенных, Ахия Соттаев, (рис. 7) спокойно и деловито выбирает маршрут восхождения. Другой, альпинист Килар Хаширов, (рис. 8) показан в момент, когда он достиг вершины. В его облике не заметно бурного ликования, которое обычно испытывают покорители гор. Мы видим не предельно уставшего после восхож-

Рис. 6. Скорбящий горец, с. Кенделен Эльбрусского района (1967 г., скульптор Хамзат Крымшамхалов, архитектор Мухарби Каркаев)

Рис. 7. Памятник первовосходителю на Эльбрус Ахии Соттаеву в пос. Верхний Баксан Эльбрусского района (1975 г., скульптор Хамзат Крымшамхалов, архитектор Владислав Асанов)

Рис. 8. Памятник первовосходителю на Эльбрус Килару Хаширову в пос. Верхний Баксан Эльбрусского района (1975 г., скульптор Михаил Тхакумашев, архитектор Владислав Асанов)

дения человека, а спокойного, удовлетворенного, как после обыденного труда: для горцев это не было подвигом или особым достижением. Г. Бжеумыхов и Х. Крымшамхалов создали подлинно новаторские для своего времени произведения, используя, несомненно, этнические по духу средства выразительности. Их произведения интертекстуально связаны с местной культурой и одновременно обнаруживают специфические черты культур иных народов.

Так, Г. Бжеумыхов использует в своем творчестве особенности искусства Передней Азии и Египта. Работая над образом средневекового адыгского мыслителя Жабаги Казаноко, он апеллировал к египетскому канону, но создал истинно национальное произведение (Рис. 9). Тонко чувствуя специфику искусства Древних жителей долины Нила, используя некоторые его формальные особенности, Г. Бжеумыхов сумел отрефлексировать их в собственной художественной философии.

Рис. 9. Памятник Жабаги Казаноко в с. Заюково Баксанского района (1980 г., скульптор Гид Бжеумыхов)

Нельзя не отметить, что многие образцы кабардино-балкарской скульптуры весьма напоминают известные произведения русского или советского искусства, с оглядкой на которые творили наши ваятели. В то же вре-

мя среди работ есть и весьма своеобразные, даже уникальные, отличающиеся и от произведений российских авторов, и творений их коллег из других северокавказских республик, живущих в сходных с ними природных условиях.

Во всем мире сегодня люди начинают ощущать потребность познать свои корни. Активный обмен технологиями, информацией, идеями в глобальных масштабах ведет к стиранию культурных различий между этносами. Тем не менее, у каждого народа есть некие константы, позволяющие сохранить его самобытность. В последние десятилетия более интенсивным стало осмысление этнических особенностей: культура каждого народа оценивается как в свете являемой ею национальной сущности, так и в плане ценностей мировой цивилизации, органичных для ее духовного наследия. Таким образом, сложившаяся культурная ситуация не способствует унификации, а стимулирует активность национальных культур, повышает интерес к ним, проявляемый со стороны мирового сообщества. Это в полной мере касается и культуры Кабардино-Балкарии.

Zhaukhar M. APPAEVA

The Specificity of the Ethnic Style in the Monumental Sculpture of Kabardino-Balkaria

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the monumental sculpture of Kabardino-Balkaria. If in the 1950s and the 1960s, Kabardino-Balkarian sculptors sought to approach the all-Union model of art, in the 1970s and the 1980s, their aspirations changed and became more complicated. The local sculptors were faced with the task of creating objects of art ethnic in the spirit. This task was a strong catalyst for their creative searches. Since the Kabardians and the Balkarians had no fine art traditions during this period, they had to assimilate expressive techniques and means used in the art of other peoples and, above all, of the Russians. Since then, Kabardino-Balkarian artists have been constantly analyzing the context of the world's art, studying and using the peculiarities of local folk arts, crafts and architecture in their works, and trying to create works that are in harmony with the worldview of their people and reflect the peculiarities of their mentality. These attempts allowed some of them to achieve some success. Over time, the Kabardino-Balkarian monumental sculpture acquired its own face, specific properties that distinguish it from other regional schools.

Initially, it was a simple imitation of the stylistics of the art of other ethnic groups, and only later the task was to adapt borrowed forms to the mentality of the Kabardians and the Balkarians. With the material similar to the Russian artists' one, local authors learned to use stylistic features that were in line with the mountain mentality. They intuitively introduced elements and details that reflected their national mentality into their works.

The lack of fine art traditions forces local artists to look at the ancient art forms of the Kabardians and the Balkarians. Artists intentionally study the Nart epic, the folklore of the indigenous peoples of the republic, their architecture, decorative and applied art, choreography, archaeological excavation materials, and they seek to find a pictorial equivalent to verbal and other images. The appeal to the historical past of the natives, to the national theme in general has played an important role in the development of figurative art in the region. Serious attempts have been made to find the cultural roots of the people in the distant past, and on their basis to create a national model of art. It is the accurately found types, characters, the mountaineers' temperament, finally, the style of the works which leaves no doubt that not only models but also authors of these works belong to a certain people that make up the ethnic character of modern works of art.

Keywords: Kabardino-Balkaria, monumental art, ethnic style, monumental plastic art, national culture, ideological art, mentality, genesis.

Использованная литература:

1. Аппаева Ж. М. Монументальная скульптура Кабардино-Балкарии. Нальчик: Тетраграф, 2015.
2. Гачев Г. Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. Москва: Художественная литература, 1989.
3. Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Полиграфсервис, 2005.
4. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.

References:

1. Appaeva, Zh.M. (2005) *Monumental'naya skul'ptura Kabardino-Balkarii* [The monumental sculpture of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Tetragraf.
2. Gachev, G.D. (1989) *Neminuemoe. Uskorennoe razvitie literatury* [The inevitable. An accelerated development of literature]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Kuchukova, Z.A. (2005) *Ontologicheskiy metakod kak yadro etnopoetiki* [An ontological meta-code as the kernel of ethnic poetics]. Nalchik: Poligrafservis.
4. Ortega y Gasset, J. (1991) *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Translated from Spanish. Moscow: Iskusstvo.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Аппаева, Ж. М. Специфика этнического стиля в монументальной скульптуре Кабардино-Балкарии [Электронный ресурс] / Ж. М. Аппаева // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 95-103. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Appaeva.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Appaeva, Zh. M. (2019) The Specificity of the Ethnic Style in the Monumental Sculpture of Kabardino-Balkaria. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 95-103. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Appaeva.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

ТРИОДИН Владимир Евгеньевич
доктор педагогических наук, профессор,
почетный профессор Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов
Санкт-Петербург, Россия
Vladimir Ye. TRIODIN
Dr. Sci. (Theory, Methods and Organization
of Socio-Cultural Activities), Prof., Hon. Prof.,
Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions
Saint Petersburg, Russian Federation
bonicat@list.ru

УДК [94(47):929]: 821.161.1
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

На пути к пониманию «не понимаю»

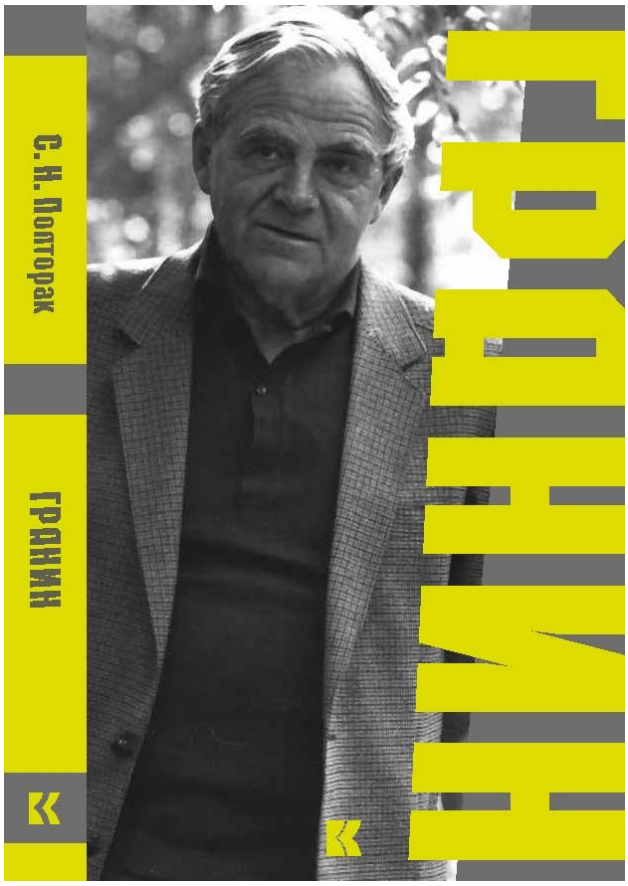
Рец. на книгу:
Полторак С. Н. Гранин. М.: Кучково поле, 2019.
448 с. ISBN:978-5-9950-0966-5. 1000 экз.

Towards an Understanding of “I Don’t Understand”

Book Review:
Poltorak, S.N. (2019) *Granin*. Moscow: Kuchkovo pole.
(In Russian). ISBN:978-5-9950-0966-5.

Монография известного петербургского историка, профессора С. Н. Полторака «Гранин» вышла в издательстве «Кучково поле» в феврале 2019 г. Рецензент дает высокую оценку исследованию, положенному в основу книги. Подчеркивается, что автор провел большую работу по изучению биографии и творчества писателя. Важной составляющей был кропотливый архивный поиск, именно архивные документы позволили воссоздать многие ранее неизвестные, но важные детали биографии Д. А. Гранина, исправить ошибки в существующих трактовках. Отмечается, что С. Н. Полторак пренебрег не только устоявшимися литературоведческими мифами, но и общепринятой, фактически официальной, точкой зрения на важнейшие даты и события жизни писателя. Аргументированно рассматривая противоречия личности и гражданской позиции Д. А. Гранина, автор рецензии в ряде случаев вступает в полемику с С. Н. Полтораком.

Ключевые слова: Д. А. Гранин, биография, архивные источники, творческий путь, гражданская позиция, социальная ответственность писателя, Ленинград – Санкт-Петербург, С. Н. Полторак.



На Малой Посадской улице Даниил Гранин жил по соседству с известным скульптором Г. Д. Ястребенецким (сейчас на доме писателя открыта мемориальная доска). Они были друзьями с большой буквы.

Гранин много путешествовал. Когда он вернулся из Австралии, Ястребенецкий сделал ему шутливый подарок. Скульптор вылепил кенгуру с головой писателя.

Напомню читателю, что кенгуру — самое почитаемое животное Австралии, оно изображено на Гербе государства, государственных флагах, монетах. Европейцам кенгуру открыл Джеймс Кук. Сохранилась легенда, будто бы он спросил встречного жителя, что это за диковинное животное совершает такие немыслимые прыжки (до 12 м в длину и 3 м в высоту) и не умеет пятиться назад? Тот ответил на местном языке: «не понимаю», имея в виду английскую речь Кука. Прозвучало как «кенгуру». Кук решил, что это и есть название незнакомого зверя. Так новое слово вошло в понятийный словарь евромира.

Может быть и вправду, рукой большого художника водит кто-то свыше. Г. Д. Ястребенецкому даже в шутке-подарке удалось образно выразить глубочайшую мысль о человеке как великой, непостижимой до конца тайне. Не случайно говорят: чужая душа — потемки. И потому *не понимаю* — кодовое слово восприятия человека вообще, тем более такой масштабной фигуры, какой был Д. Гранин. Кстати, в одном из интервью он говорил, что ему как писателю *интересно добраться до непонимания человека.*

Даниил Гранин жил в своем измерении, создавал свой мир. Он небрежно относился к документам, связанным с его биографией, бывало, соединял явь с вымыслом, когда реконструировал свое прошлое. Что это? Огрехи памяти? Или писатель сознательно видоизменял какие-то страницы личного дела (всегда быть в маске — судьба моя)? Во всяком случае, Гранин пресекал всякое вторжение в свою жизнь. Но он был публичным человеком. А публичность плохо коррелируется со скрытностью. Общество хочет знать подлинную природу происходящего, вытащить на свет то, что спрятано от посторонних глаз.

Зафиксировать противоречия жизни и документа, по возможности объяснить их природу, раскрыть подоплеку жизненного пути Д. Гранина взялся известный историк, редактор журнала «История Петербурга» и журнала для ученых «Клио», профессор С. Н. Полторак. В Москве только что вышла его книга «Гранин». Ее эпиграфом могли бы стать известные слова Евангелия от Луки: отойдите от меня, все делатели неправды.

Нужен был определенный градус смелости, чтобы опубликовать книгу в жанре «глубокого бурения» с массой подробностей, от которых кто-то там наверху решил уберечь читателя. С. Н. Полторак вежливо пренебрег не только устоявшимися литературоведческими мифами, но и общепринятой, фактически официальной, точкой зрения на важнейшие даты и события в жизни писателя.

Но тогда закономерно возникает вопрос о критериях достоверности. Давным-давно А. Блок написал: «я знаю: истина в вине». Полторак своей книгой проповедует другую позицию: истина — в архиве. Архив не подвластен конъюнктуре. Исследование С. Н. Полторака — подвижническое хож-

дение по архивам. Архивы помогли ученому закрыть многие лакуны в биографии Д. Гранина. Тайна, столкнувшись с документами, узнает о своем бесправии. Но это только одна сторона представленной читателю книги. Другая определяется личностным наблюдением автора за своим героем. С. Н. Полторака и Д. А. Гранина связывали долгие годы плодотворного знакомства. В результате родился новый жанр исследования, который можно назвать документально-мемориальным.

Когда исследователь вторгается в личную жизнь своего героя, имеет значение не только *что*, но и *как* написано. А перо автора вела огромная любовь к своему герою. Полторак мог бы сказать о себе по Пушкину: «Старца великого тень чую смущенной душой»…

Книга создана по высоким законам духовного исследования. Это паломничество мысли и духа.

* * *

Начнем с главного. Президентом Российской Федерации подписан Указ об увековечении памяти Д. А. Гранина и праздновании 100-летия со дня его рождения. 2019 г. объявлен Годом Гранина.

Но юбилейный ли год отмечает страна? С. Н. Полторак перерыл едва ли не все архивы и нигде не обнаружил документального подтверждения даты рождения Д. Гранина. Почти во всех справочниках, биографических словарях, очерках, книгах о Гранине указывается 1 января 1919 г. И только в редчайших изданиях (например, «Русские писатели XX века: биографический словарь») — 1 января 1918 г. И вот — открытие (кто ищет — тот всегда найдет). В личном деле студента Гранина сохранилось свидетельство о появлении на свет Божий будущего писателя *1 января…1918 г.* Дата «1918 год» фигурирует и в приказе по Ленинградскому фронту о награждении Гранина орденом, и в документах о награждении его орденом Отечественной войны. 1918-й россияне праздновали еще по старому календарю. Так что, скорее всего, делает вывод Полторак, по старому стилю писатель *родился 16–17 декабря 1917 г.* (!)

Та же неразбериха и с местом рождения писателя. Какие только города не называют его малой Родиной: Вильно (современный Вильнюс), Вольск, Волынь, Ленинград.

Если точную дату и место рождения с определенной долей вероятности можно назвать, то *мотивы* путаницы до сих пор не разгаданы: тайна сия великя есть. А может быть, не было никакой «загадки Сфинкса», никакого сознательного запутывания следов? И сам Д. Гранин названием одной из своих последних книг поставил точный диагноз биографических нестыковок: «Причуды моей памяти»? Вроде бы, просто и понятно (если не учитывать, что память у Гранина была цепкая. Он ничего не забывал). Пожалуй, прислушаемся к итоговому выводу С. Н. Полторака: где бы ни родился Д. Гранин, он жил и ушел из жизни ленинградцем-петербуржцем. Не беда, что столетие Гранина отмечается с опозданием на год. Главное — сохранить память об этом выдающемся россиянине. У С. Н. Полторака умное сердце и добрый ум. Как биограф он выступает адвокатом своего героя, а не прокурором.

Добавлю от себя: с ушедшими из жизни надо считаться. С их этикой. 1919 год рождения? Пусть будет так. Так хотел Д. Гранин.

Противоречивы в различных источниках, как и в литературе, сведения о национальности Д. Гранина. В анкете студенческих лет Д. Гранин писал в графе национальность — еврей. И фамилия его — Герман. Во время войны и в первые послевоенные годы он называл себя украинцем. «Российская еврейская энциклопедия» (1994 г.) пишет о его национальности: еврей. Здесь, вроде бы, все понятно. Развернувшаяся в стране борьба с космополитизмом не позволяла человеку еврейской национальности рассчитывать на перспективное будущее. Вот любопытный рассказ А. Володина, урожденного Лифшица (кстати, 1919 г. рождения). Он принес свой первый рассказ в альманах «Молодой Ленинград». Редактор, смущаясь, заговорила о его неподходящей фамилии. И предложила ему стать Володиным, в честь его сына. Так Лифшиц стал Володиным. Скорее всего, нечто похожее было и с Германом. Государство было как «нехорошая квартира». Жизнь заставляла ретушировать свое прошлое. И Герман стал Граниным. Так надежнее.

Псевдоним Гранин взял знаковый. Грань — это линия раздела. Граница. Есть предел, грань, граница, перешагнуть через которые нельзя. Он не заключал компромисса со своей совестью. Грань — ядро личности Гранина.

* * *

Есть многое на свете, друг Гораций, что недоступно нашим мудрецам… Это только святые ходят по воде. Гранин не был ангелоподобным от рождения. С. Н. Полторак пишет, что он плыл по воде — иногда против течения, шел по земле — иногда «на грозу». И хочется верить, что читателю будет милее, дороже не иконописный канонизированный облик писателя, а Гранин как человек, трезво оценивающий свои достоинства, осознающий, и главное, преодолевающий свои грехи и заблуждения,— сознательно созидающий сам себя.

Идеи социализма глубоко вошли в его плоть и кровь. Партбилет не был для него страховым полисом. Он вступил в партию в самые трудные дни войны на Ленинградском фронте. Вместе со всеми строил Вавилонскую башню социализма. Другой идеи у него не было. И он готов был на войне умереть за нее.

Смерть вождя казалась писателю катастрофой, личной трагедией. Удар был невероятный. Внутри сидело ощущение, что мир рухнул, всему пришел конец.

Конечно, божественный лик вождей — продукт тоталитарного страха, который вырастил тоталитарный режим на трупах миллионов уничтоженных людей. Ну и, конечно, советская пропагандистская машина круглосуточно работала. Все вместе сформировало Царство Страха. Его гипнотическая сила парализовала сознание и поведение людей. Но это только часть правды. Суть полной правды в том, что пособником культа, творцом страха Д. Гранин считал весь народ: народ создал обстановку верноподданости и несет ответственность за сталинизм.

Гранин поднял руку на святая святых, на базисный тезис социализма — *народ (как и партия) всегда прав*. И себя Гранин не жалел, чувствовал свою вину. Тем уважительнее относишься к его чистке своих социальных сосудов от ржавчины жизни, к сознательной работе над собой по освобождению от культовой психологии. А чтобы читателю не казалось, что теперь-то он все знает о классике, напомню ему признание писателя, сделанное на склоне лет (2008 г.). Гранин писал, что, когда была советская жизнь, он не чувствовал себя советским человеком, а теперь очень часто чувствует. Вот так, читатель.

«Дай Бог, не вляпаться во власть»,— молил Господа Евтушенко. Гранин не избежал искушения соблазном хождения во власть, сидел на игле близости к ней. Писательская и чиновничья карьеры шли долгие годы почти вровень. В разные годы он возглавлял Ленинградское отделение Союза писателей, был членом Ленинградского обкома КПСС, народным депутатом Верховного Совета СССР, депутатом Ленсовета. Он входил в состав Президентского совета Б. Н. Ельцина. Видел в этом органе некое Знамение. Был членом исполнительного и наблюдательного совета Института Сороса.

Как общественно-политический деятель Гранин уклонялся от комментариев таких важнейших событий, как война в Афганистане, в Чечне, введение советских войск в Чехословакию (Евтушенко тогда написал: «Русский писатель Раздавлен русскими танками в Праге»). Он промолчал о Новочеркасской трагедии, о Чернобыле. Многое можно припомнить.

Внутриполитические взгляды Гранина иногда поражали своей неординарностью. Ему, например, нравилась идея превращения Петербурга в самостоятельный регион. Он выступал за независимость Чечни. Москву 1941 г. он считал не городом-героем, а городом бегства.

В 90-е Гранин пытался найти источник силы России в ее историческом прошлом С. Н. Полторак комментирует этот разворот писателя как «историческую алхимию». Образ Петра Великого в каком-то смысле занял в его сердце место Ленина.

В конце концов, пусть и с некоторым запозданием, Гранин все-таки разуверился в политиках — и политике как инструменте созидания. Понял, что всякая власть портит человека. Он нашел в себе силы освободиться от ее сакрализации, от сладкого, манящего притяжения.

* * *

Творчество Гранина в совокупности — это Новейший Завет: проповедь добра, милосердия, сострадания. Он, по существу, легализовал в СССР понятие «милосердие». В стране, где государство — это все, Общество милосердия, инициированное Граниным, высокому чиновнику не понравилось; он сказал писателю, что в стране милосердием занимается СОБЕС. Помощь частных лиц не требуется.

Милосердие, по Гранину, деятельность тех добрых чувств, которые пробудились в человеке. Сердцевину милосердия составляет сострадание. В блокаду чаще выживали люди, которые помогали другим. Это наблюдение писателя можно назвать *законом милосердия*. Когда человек протягивает руку, чтобы помочь другому, он прикасается к Божеству, говорил Уитмен.

В целом масштаб милосердия — показатель прогресса общества.

Гранин считал, что и культура отчасти измеряется уровнем доброты. В Д. С. Лихачеве он видел образ защитника культуры. Гранин был президентом Фонда Д. С. Лихачева.

Правда, сам Гранин не всегда «милость к падшим призывал». Он не протянул руку помощи Солженицыну, Бродскому (Ахматова говорила о Гранине: этот тот, кто погубил Бродского). Не до конца использовал свои возможности и в поддержке Зощенко.

О беспримерном мужестве Зощенко надо сказать отдельно. После знаменитого постановления ЦК партии о журналах «Звезда», «Ленинград» в 1946 г. Зощенко отправил письмо Сталину, в котором написал, что не может согласиться с критикой своих произведений. В 1954 г. английские студенты задали Ахматовой и Зощенко вопрос об их отношении к докладу Жданова. Ахматова ответила: согласна. Зощенко: не согласен. Зарубежная пресса тут же растиражировала заявление опального писателя. Писательское собрание в Ленинграде напоминало гражданскую казнь. Зощенко камня на камне не оставил на предъявленных ему обвинениях. Это была победа. Ясно было, что она дорого ему обойдется. Но цена его не занимала.

Так вот, Гранин решил выбить персональную пенсию опальному писателю. Пошел к первому секретарю Союза писателей. Тот ему в просьбе отказал. Надо бы было идти в ЦК КПСС. Но Гранин, как сам отмечает, отправил несколько писем и успокоился. Вроде бы, его совесть была чиста. И корил себя до самых последних дней.

Итоговая оценка всей своей жизни в целом*: все, что я сделал, не перекрывает того, что я не сделал.* Вот это и есть главный гранинский урок.

Но даже на уровне решенных дел он иногда поднимался на такую высоту планетарного гуманизма, осмыслить которую не удается ни головой, ни сердцем.

Напомню читателю: Гранин обосновал свое нравственное *открытие Льва Толстого*. Суть состоит в том, что военная часть «Войны и мира» лишена ненависти к французам. Толстой сумел во враге-оккупанте рассмотреть страдающего человека.

С этих же позиций Гранин предлагает взглянуть на немецких захватчиков 1941–45 годов. Ключевые слова его выступления в Бундестаге: надо уметь прощать, но надо уметь и помнить.

Интересно, как отнеслась бы к этой миссии всепрощения мать-блокадница (из «Блокадной книги»), у которой от голода умерла дочь. Она кладет ее за окно. Труп замерзает, и этим мясом мать кормит оставшуюся дочь — чтобы та выжила. Возникает вопрос: эта мать или ее дочь, вскормленная телом сестры, способны простить оккупантам?

Часто приходится слышать, что Россия — страна Достоевского. А как, интересно, с точки зрения «слезы ребенка» оценить уничтожение миллионов людей, глумления над теми, кто остался в живых? А что бы сказали те, кто грудью своей закрывали фашистские дзоты?

Гранин откровенно пишет: мои танкисты не поняли бы меня. Автор рецензии тоже не понял. Более взвешенная и точная позиция у Высоцкого: «Не забыть бы тогда, Не простить бы и не потерять».

Гранин интересен тем, что рождает две мысли там, где была одна. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» без Гранина не обойтись.

* * *

Гранин был скорее атеист, чем верующий. Тем интереснее его трактовка творчества. Сущность истинного художника,— писал Гранин в книге «Страх»,— диктовка. Он превращается в писца, который записывает музыку, стихи, картину. Он исполняет Божественное веление.

Гранин как писатель впитал в себя постулат Библии «В начале было Слово». Дар слова дается не так-то просто. Во-первых, надо разгадать шифр небес о себе. Во-вторых, посвятить всю свою жизнь испытанию духовной жаждой. В романе «Вечера с Петром Великим» император был поражен рассказом немецкого философа Лейбница о том, как страдает брошенное в землю зерно, прежде чем произвести плод. У Гранина даже не страдание, а боль предшествовала рождению плода-книги.

К Гранину в полной мере относится известное изречение, что идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой. Он был первопроходцем в разработке темы нравственных исканий технической интеллигенции. Физика под его пером стала поэзией интеллектуальных открытий, а физики — героями нового времени. С. Н. Полторак подметил любопытную особенность писателя: он создавал не положительные образы, а любимые. И потому его герои жили отдельно от книги и оказывали влияние на общество. Едва ли не целое поколение «делало жизнь» с физиков. Вот типичный пример. Стопроцентный гуманитарий С. Н. Полторак, опьяненный его творчеством, выбрал дорогу инженера-электронщика.

Но вот прошло какое-то время и стало ясно, что технический прогресс — это очередная утопия человечества. И Гранин подводит итог трагическому заблуждению: «Великие творцы современной физики. Маги всесильной науки. Авторы уравнений и формул. Атомной бомбы… То был круг людей, которые когда-то привлекали меня. Они должны были изменить мир к лучшему… Теперь я смотрел на них без восхищения. С некоторой жалостью и разочарованием. Памятники несбывшихся надежд? Соавторы способа ликвидации человечества? Жертвы или герои?» [1].

Гранин ищет нового героя. На этот раз –в сфере естествознания. Речь идет не о специфике труда физиков и биологов, а об опасности науки без этического компаса, о неконтролируемом научном прогрессе как пути к апокалипсису. В свое время академик Н. Н. Моисеев ввел понятие *экологического императива* как совокупности ограничений, которые ученый не имеет право переступать ни при каких обстоятельствах (Маяковский ту же мысль выразил образно: если на ученого не надеть эстетический намордник, он перекусает все человечество).

Новые герои Гранина — носители гуманного светлого разума. Линия поведения таких, как биолог Любищев («Это странная жизнь»), генетик Тимофеев-Ресовский («Зубр»), определяла победу духа над материей. При этом писатель добавлял, что не может сказать, откуда произошел дух, но, все равно, развитие жизни есть непрерывная борьба этих двух начал. (Любопытная деталь из жизни Гранина. После операции он спросил хирурга: а что такое сердце? Вы столько сердец держали в руках. Хирург ответил: насос и больше ничего. Гранин усомнился: а откуда же выражения «сердечный человек», «бессердечный»? Конечный вывод Гранина: *большому художнику дано видеть такие вещи, каких обычные люди не видят,* даже неоткрытые звезды).

Д. Гранин стоял у истоков нового явления художественной жизни — вытеснения «литературы вымысла» «литературой факта». Оно получило название нон-фикшн. Рукописи не горят — фикшн (вымысел). Рукописи еще как горят — нон-фикшн (реальность жизни). В жанре нон-фикшн Д. Граниным написана совместно с А. Адамовичем «Блокадная книга».

И книга С. Н. Полторака написана языком нон-фикшн.

Важнейший культурный сдвиг произошел и с читателем. Он все больше погружается в мемуары, документальную прозу. Значит, надо очередной раз перестраивать книжные полки, приближать к читателю те из них, которые востребованы сегодня.

* * *

Сказано где-то: чернила ученого и кровь мученика имеют одинаковую ценность перед небом. С. Н. Полторак выстрадал свою книгу.

Каждой клеточкой ощущаешь ее пульс. Она убеждает читателя в том, что жизнь после смерти не заканчивается. Гранин ушел, чтобы остаться навсегда. Он и теперь живее всех живых. С ним можно встретиться в библиотеке, в саду, в фонде, которые носят его имя, постоять у его дома с мемориальной доской. Не сегодня так завтра будет сооружен памятник классику, культурно-просветительный центр его имени. Готовится юбилейное собрание сочинений.

С. Н. Полторак вместе с читателем воскрешает писателя, а он –воскрешает нас, помогает нам не расчеловечиться. Это достойный вклад в Год Гранина.

Vladimir Ye. TRIODIN
Towards an Understanding of "I Don't Understand"

Abstract. The monograph of the famous Petersburg historian, Prof. Sergey N. Poltorak Granin was published by the publishing house "Kuchkovo Pole" in February 2019. The reviewer highly appreciates the research the book is based on. It is emphasized that the author has done a great job of studying the writer's biography and works. A painstaking archival search was an important component; it was archival documents that allowed to recreate many previously unknown but important details of Daniil A. Granin's biography, to correct errors in the existing interpretations. It is noted that Poltorak neglected not only the well-established literary myths, but also the generally accepted official point of view on the most important dates and events in the writer's life. Arguably considering the contradictions of Granin's personality and civil position, the author of the review in some cases enters into controversy with Poltorak.

Keywords: Daniil A. Granin, biography, archival sources, creative way, citizenship, social responsibility of writer, Leningrad – St. Petersburg, Sergey N. Poltorak.

Использованная литература:

1. 1. Полторак С. Н. Гранин. М.: Кучково поле, 2019.

References:

1. Poltorak, S.N. (2019) *Granin*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Триодин, В. Е. На пути к пониманию «не понимаю» [Электронный ресурс] / В. Е. Триодин // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 104-110. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Triodin.pdf (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Полторак С. Н. Гранин. М.: Кучково поле, 2019.

Full bibliographic reference to the article:

Triodin, V. E. (2019) Towards an Understanding of "I Don't Understand". *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 104-110. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Triodin.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

СЕЛЯВИНА Ольга Еркешевна
директор Вяземского историко-краеведческого музея
г. Вязьма, Смоленская область, Россия
Olga E. SELYAVINA
Director, Vyazma Local History Museum
Vyazma, Smolensk Oblast, Russian Federation
vzm_ikm@mail.ru

УДК 94(470"1941/1945":355.211.3(470-25)
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

Гражданский подвиг московских ополченцев

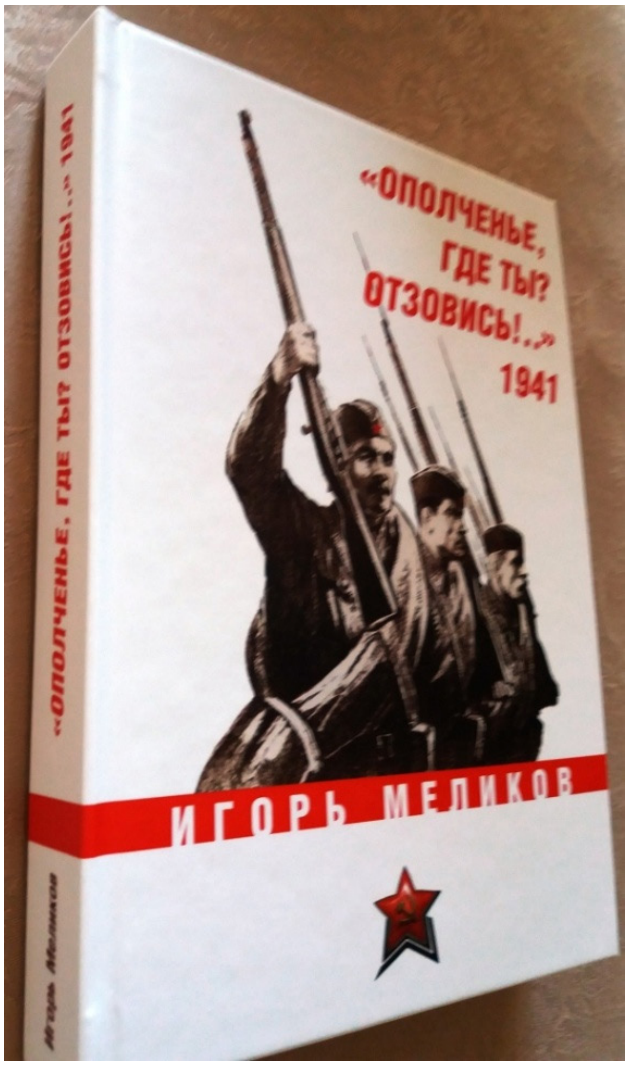
Рец. на книгу:
Меликов И. В. «Ополченье, где ты? Отзовись!..» 1941, 2-е изд. Москва: Onebook.ru, 2018. 391 с. ISBN 978-5-00077-785-5. 60 экз.

The Civil Feat of the Moscow People's Militia

Book Review:
Melikov, I. V. (2018) *"Opolchen'e, gde ty? Otzovis'!.."* [Militia, where are you? Respond..!]. Moscow: Onebook.ru. ISBN 978-5-00077-785-5

Рецензируемая книга написана в жанре non-fiction – не выдуманной документальной прозы. Она представляет собой сборник историко-публицистических эссе, посвященных судьбе дивизий народного ополчения Москвы, сформированных в начальный период Великой Отечественной войны, летом и осенью 1941 г. Автор книги – сын бойца 2-й Дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы – на основе конкретных жизненных ситуаций, отраженных в воспоминаниях участников военных действий, дает возможность прочувствовать величие подвига, героизм и трагизм судьбы ополченцев. Большое место уделено особенностям формирования ополченческих дивизий, бытовой стороне жизни ополченцев в предбоевой период, а также жизни их семей во время и после войны. У автора проявляется субъективный, но документально обоснованный подход к целому ряду факторов, начиная от отбора и структурирования материала, заканчивая оценкой событий. Отмечена тенденция возрождения и сохранения памяти об ополченцах в российском обществе. Впервые представлена поэтическая антология ополчения – сборник стихотворений самих ополченцев, поэтов послевоенного времени, современных авторов на тему ополчения и Московской битвы. Книга иллюстрирована фотографиями московских ополченцев 1941 г., знамен ополченческих формирований, памятников ополченческим дивизиям на местах их дислокации и боев.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; Московское народное ополчение; семейная хроника и переписка; фронтовая повседневность; жизнь семьи ополченца в Москве; судьбы ополченцев; память о Московских ополченцах; поэзия ополчения.



Работы публицистического характера активно служат делу популяризации истории: конкретика жизненных историй вводит читателя в тему, дает возможность самому прочувствовать величие подвига, героизм, трагизм судьбы ополченцев. Такой подход отличает книгу И. В. Меликова, «Ополченье, где ты? Отзовись!..» – не менее эмоционально насыщенную, чем сборник стихов Аркадия Эйдельштейна «Память», посвященный ополченцам 1284-го полка 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы. В этом полку сражались пропавшие без вести в боях под Вязьмой Зяма Аронович Эйдельштейн (отец автора стихотворного сборника) и Владимир Александрович Меликов (отец автора книги «Ополченье, где ты? Отзовись!..»). Литературная общественность отметила Аркадия Эйдельштейна и Игоря Меликова призами Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы–2018».

Если официальная историография делает акцент на победоносных периодах и результатах войны в целом, это не означает отсутствия трагически проигранных сражений с огромным количеством жертв. Как отмечали на обсуждении книги «Ополченье, где ты? Отзовись!..» Евгения Васильевна Секретова (дочь ополченца 8-й Дивизии народного ополчения Москвы, Ветеран труда, почетный гражданин Петушинского района Владимирской области, г. Петушки) и Юрий Анатольевич Яновский (сын ополченца 4-й Дивизии народного ополчения Москвы, Ветеран труда, г. Химки), к малоизвестным событиям войны в последнее время обращено пристальное внимание людей, семьи которых непосредственно соприкоснулись с тяготами войны.

Одной из катастроф осени 1941 г. был так называемый Вяземский котел – окружение войск нескольких армий и десятков дивизий, среди которых были и дивизии народного ополчения (ДНО), сформированные из гражданского населения Москвы и подмосковных городов. На долю этих окруженцев выпало быть последним щитом против наступления германских войск в операции «Тайфун», нацеленной на захват Москвы. Теперь возрождение памяти о героях ополченских дивизий, задачи полевых и архивных разысканий ложатся на плечи внуков, правнуков ополченцев. Вяземским событиям в последние годы посвящен ряд профессиональных исследований военных историков. Среди них – работы Льва Николаевича Лопуховского [3], [4], отличающиеся скрупулезностью исследования и личностным отношением к событиям: его отец, командир артиллерийского полка, погиб в боях под Вязьмой. В 2016–2017 гг. опубликованы два тома летописей московского ополчения [1], [2], подготовленные руководителем сектора народного ополчения Государственного музея обороны Москвы Владимиром Ивановичем Каримовым.

Игорь Владимирович Меликов известен рядом публикаций по теме Московского ополчения 1941 г. в московской и региональной прессе, докладами на конференциях, в том числе на Патриотическом форуме Города во-

инской славы Вязьмы «Вязьма в годы Великой Отечественной войны. Подвиг Московского народного ополчения», которым Москва в октябре 2018 г. отметила 75-ю годовщину освобождения Вязьмы.

Истоком замысла рецензируемой книги послужила состоявшаяся осенью 2017 г. публикация статьи «Эпистолярное наследие московского ополченца 1941 года: взгляд очевидца-участника» [5]. В июне 2018 г., к 77-й годовщине формирования Московских ДНО, появился пилотный проект издания (LAP-LAMBERT Academic Publishing , ISBN-13: 978-613-9-85889-7). К дате гибели московского ополчения, осенью 2018 г., автор выпустил тиражом 60 экз. второе, дополненное издание, чтобы разослать книги в библиотеки, музеи (Музей обороны Москвы, Вяземский краеведческий музей), школы, подарить наиболее заинтересованным читателям, потомкам ополченцев. Более широкая аудитория могла бы познакомиться с книгой и найти в ней полезную информацию, будь у нас возможность издавать в приемлемом недорогом ценовом диапазоне достаточным тиражом. Автор обращался с предложением издать книгу для организаций и жителей своего региона в ряд московских префектур, жители территории которых уходили в ополчение 1941 г. Ответы, к сожалению, пришли отрицательные…

Книга является сборником эссе и размышлений об армейской жизни обычных московских ополченцев, о судьбах их семей в военной и послевоенной Москве (17 глав и 4 приложения). К двум основным частям добавлена третья, поэтическая.

Начало первой части «Война. 1941. Ополчение» затрагивает морально-этические и военно-профессиональные аспекты формирования московских ДНО. Отмечая высокий эмоциональный порыв наиболее активной части жителей, автор не умолчал о главных просчетах в формировании ополченских дивизий. Отец автора, Владимир Александрович Меликов, по профессии бухгалтер, имевший «бронь», добровольно вступил в ряды ополченцев в июле 1941 г. Стал рядовым бойцом 2-й ДНО Сталинского района Москвы. Из таких, как он, сотен тысяч жителей Москвы и Подмосковья создали 12 дивизий московского ополчения. Предполагалось, что им поручат охрану важных оборонных объектов. В силу каких обстоятельств рабочие, ученые, студенты, артисты, писатели, служащие – люди, ранее не знакомые с оружием, попали в трагическую круговерть Вяземского котла? Одной из причин названа (с опорой на опубликованные источники) передислокация в июне-июле 1941 г. регулярных войск в западные военные округа, ослабившая боеспособность Московского военного округа. Не менее существенным минусом была спешка: ополченские дивизии сформировали за три дня, 6–8 июля, – срок, нереальный для создания полноценных воинских соединений. Чтобы срочно отрапортовать о выполнении приказа, привлекали людей физически не подготовленных, даже больных. Автор приводит мнение старого коммуниста П. И. Сидорова, принимавшего участие в формировании ополчения, который даже обратился с письмом по этому вопросу к Сталину. Массовый отсев набранных бойцов начался при первом же пешем переходе, когда новобранцев направили в подмосковные лагеря для обучения.

Отдельную главу составил эпистолярий ополченца – письма Владимира Меликова из действующей армии в период перед активным боевыми действиями, начавшимся в первых числах октября 1941 г. Автор сравнивает прослеженный таким образом путь дивизии в начале июля – конце сентября с тем, как те же события показаны в воспоминаниях командира 2-й дивизии генерала В. Р. Вашкевича. Авторское осмысление моральной и практической составляющей действий народного ополчения 1941 г., безусловно, побуждает задуматься о сущности войны, погрузиться в мировоззрение и быт людей начального периода схватки с фашизмом, понять чувства и мысли поколения, встретившего войну лицом к лицу.

Уникальны материалы личного семейного архива, запечатлевшие жизнь оставшихся в тылу – тех, чьих родных и близких забрала война. Мужья и сыновья уходили по призыву или добровольно, матери и дочери гибли при вражеских авианалетах и артобстрелах. Быт и подробности армейской жизни московского ополченца, испытания его семьи в военные и послевоенные годы дополнены

фактами и статистикой, сведениями о продовольственном обеспечении. Основанные на богатом материале страницы серьезных изысканий перемежаются с трогательными письмами военного времени. Воспоминания мальчика, которому на момент начала войны было восемь лет, воссозданные по письмам образы ополченцев, командиров и рядовых солдат не дают книге стать сухим сборником сведений о фронтовых буднях. Оживает, становится близким подвиг людей, не жалевших жизни ради страны, ради спасения своих родителей, детей и внуков.

В последующих главах видим послевоенную судьбу вернувшихся с фронта. Мальчишки-сыновья ополченца, пропавшего без вести, взрослели и воспитывались без отца, но под влиянием людей, с которыми судьба сводила в разные периоды жизни. Особенно близка автору судьба двух ветеранов войны, бывших артиллеристов – Петра Алексеевича Михина и Горимира Горимировича Чёрного. Оба они несли в душе бесценный опыт пережитого. Трепетно относясь к их памяти и наследию, автор книги знакомит читателя с их литературными текстами, отразившими окопную правду о войне.

Сохранению памяти об ополченцах посвящена вторая часть книги. Глава о московских ополченцах из Петушинского района и города Петушки Московской области написана по материалам Книги Памяти в соавторстве с ветераном войны Анатолием Васильевичем Гавриловым. В другой главе рассказано, как поисковый отряд «Победа» (г. Железнодорожный Московской области) установил в окрестностях Вязьмы Памятный Поклонный Крест и стелу для размещения фотографий погибших бойцов на месте последнего боя полка, в котором служил и пал без вести отец автора.

Знакомя с разнообразными материалами и обстоятельствами, автор заражает читателя созидательным патриотическим настроем, чувствами, которые питают поэзию разных возрастов, поколений. Стихотворные тексты более 80 авторов, среди которых участники ополчения, их дети, жители города Вязьмы, участники поисковых отрядов, вошли в своеобразную антологию «Поэзия ополчения» (третья часть книги). «Ополченье, где ты? Отзовись!..» – строчка из стихотворения «Годуново, Бухоново, Нечаево…», сочиненного командиром поискового отряда «Победа» В. Шульгой.

Конечно, вызывает недоумение скромный тираж издания – 60 экземпляров, из которых в обязательную библиотечную рассылку ушло 16. Книга, проникнутая уважением и сочувствием к подвигу рядовых бойцов, достойна большего. Она дает возможность вглядеться в лица ополченцев (фотоснимки лета 1941 г.), увидеть фотографии полковых знамен ДНО, памятников на местах боев.

Живые в неоплатном долгу перед теми, кто не вернулся с войны. Для тех, кто на деле чтит свой долг перед защитниками Отечества, пафос памяти вызревает в осмысление единства, общности судеб, скрепленных эхом памяти. «Ополченье, где ты? Отзовись!..» – наше сердце живо, если слышит, если отзывается на эхо беспримерного подвига ополченцев, грудью заслонивших Москву-столицу и всю родную страну.

Olga E. SELYAVINA
The Civil Feat of the Moscow People's Militia

Abstract. The book under review is written in the genre of non-fiction – nonfictional documentary prose. It is a collection of historical and journalistic essays on the fate of the Moscow People's Militia divisions formed in the initial period of the Great Patriotic War, in the summer and autumn of 1941. The author of the book is the son of a soldier of the Second Division of the Moscow Militia of the Stalin District of Moscow. Based on specific life situations reflected in the memoirs of the participants in the hostilities, he makes it possible to feel the greatness of the feat, the heroism and the tragedy of the fate of the militia soldiers. The author applies a subjective yet document-supported approach to a variety of factors, ranging from the selection and structuring of the material to the assessment of the events.

The book is illustrated with photographs of the Moscow Militia of 1941, banners of the militia groups, monuments of the militia divisions at the places of their deployment and battles.

Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945; Moscow People's Militia; family chronicle and correspondence; front daily life; life of a militia soldier's family in Moscow; fate of militia; memory of the Moscow Militia; poetry of militia.

Использованная литература:

1. Каримов В. И. Они отстояли Москву: Летопись народного ополчения Москвы. М.: Планета, 2016.

2. Каримов В. И. По зову сердца, по велению совести. М.: Планета, 2017.

3. Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: Эксмо; Яуза, 2006.

4. Лопуховский Л. Н. 1941. На главном направлении. М.: Яуза, 2019.

5. Меликов И. В., Меликов Н. С. Эпистолярное наследие московского ополченца 1941 года – взгляд очевидца-участника [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 3. С. 96–113. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_.pdf

References:

1. Karimov, V.I. (2016) *Oni otstoyali Moskvu: Letopis' narodnogo opolcheniya Moskvy* [They defended Moscow: Annals of the Moscow people's militia]. Moscow: Planeta.

2. Karimov, V.I. (2017) *Po zovu serdtsa, po veleniyu sovesti* [At the call of the heart, at the command of conscience]. Moscow: Planeta.

3. Lopukhovskiy, L.N. (2006) *Vyazemskaya katastrofa 41-go goda* [Vyazma disaster of the year '41]. Moscow: Eksmo; Yauza.

4. Lopukhovskiy, L.N. (2019) 1941. *Na glavnom napravlenii* [On the main direction]. Moscow: Yauza.

5. Melikov, I.V. & Melikov, N.S. (2017) Epistolary Legacy of the Moscow Militiaman in 1941: the View of Participant Eyewitness. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 96–113. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_.pdf. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

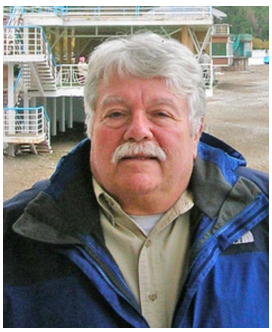
Селявина, В. Е. Гражданский подвиг московских ополченцев [Электронный ресурс] / В. Е. Селявина // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 111-115. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Selyavina.pdf (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Меликов И. В. «Ополченье, где ты? Отзовись!..» 1941, 2-е изд. Москва: Onebook.ru, 2018.

Full bibliographic reference to the article:

Selyavina, B. E. (2019) The Civil Feat of the Moscow People's Militia. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 111-115. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Selyavina.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ

Маршалл А. БОТКИН
доктор наук, профессор кафедры социологии
Фредрик коммюнити колледж
Мэриленд, Соединенные Штаты Америки
Marshall A. BOTKIN
PhD, Professor, Frederick Community College
MD, USA
MBotkin@frederick.edu



СПАЧИЛЬ Ольга Викторовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английский филологии
Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия
Olga V. SPACHIL
Cand. Sci. (Germanic Languages), Assoc. Prof.,
Department of English Philology,
Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation
spachil.olga0@gmail.com

УДК [008:061.3]:821.161.1(470.13)
ГРНТИ 13.01.13
ВАК 24.00.01

Пушкин, Чехов, Крым

Pushkin, Chekhov and the Crimea

Предлагаемая статья – краткий обзор пушкинской тематики, как она представлена на конференциях под традиционным названием «Чеховские чтения в Ялте». Международная научно-практическая конференция «Чеховские чтения в Ялте. От Пушкина до Чехова: классика и современность», собравшая 15–19 апреля 2019 г. ученых из России, Канады, США, Германии, Австрии, Китая, ЮАР, Франции, по счету – 39-я. А. С. Пушкин и А. П. Чехов посещали Крым, прекрасный южный берег полуострова оставил заметный след в их жизни и творчестве. Сегодня музеи, созданные там, где жили литераторы, объединены в составе ГБУК РК «Крымский

литературно-художественный мемориальный музей-заповедник». Не случайно названный Пушкиным в прозе, Чехов во многом опирался на достижения своего великого предшественника и по- своему развил их. «От Пушкина до Чехова» принято отсчитывать протяженность золотого века классической русской литературы XIX столетия. Этим обусловлена глубина и обширность проблем, рассматриваемых участниками конференций, – историко-биографический, теоретико-литературный, музейно-экскурсионный, культурологический и другие аспекты вопросов, обсуждаемых в чеховско-пушкинском контексте.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, А. П. Чехов, Крым, ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник», международная конференция «Чеховские чтения в Ялте», классическое наследие русской литературы и современность.

События имеют свою внутреннюю логику, которая видна только издали, из временного или пространственного далека. Когда Л. Н. Толстой сравнивал Чехова с Пушкиным в прозе, вряд ли он задумывался о том, что через сто лет творчество А. С. Пушкина и А. П. Чехова потомки будут рассматривать как самые яркие вехи начала и завершения классического периода русской литературы XIX столетия. Но время распорядилось именно так, носители русской культуры привычно мерят границы золотого века отечественной словесности Нового времени «от Пушкина до Чехова».

На сегодняшний день в состав нового, несколько лет назад созданного учреждения ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник» входят и Дом-музей А. П. Чехова в Ялте, и музей А. С. Пушкина в Гурзуфе. Крымчане считают предметом особой гордости то, что Пушкин и Чехов оставили заметный след в материальной и духовной истории южного берега Крыма, что здесь их имена встретились и переплелись.

Так называемая южная ссылка поэта началась в 1820 г., когда, назначенный на службу в провинции, Пушкин не по своей воле расстался с Петербургом: «Но вреден север для меня…». Вскоре по прибытии в Екатеринослав ему представилась возможность поехать в путешествие с семьей генерала Н. Н. Раевского, это позволило Александру Сергеевичу провести два месяца на Кавказских Минеральных Водах, увидеть Черное Море и его берега.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груды ваших гор,
Долин, деревьев, сел узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар…
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь

[2, т. 5, с. 202].

Так в отрывках из «Путешествия Онегина» переданы первые крымские впечатления, наполнившие душу новыми приливами вдохновения. Все новое и необычное поражало и запоминалось, будило поэтическую мысль и на страницах рукописных тетрадей вплеталось в раздумья о собственной участи. Читая по отпечаткам веков следы многовековой древности и свидетельства былого величия, поэт раздумывал о превратности исторических судеб. «Я посетил Бахчисарая / В забвенье дремлющий дворец…» В строках поэмы «Бахчисарайский фонтан» краски романтической легенды о фонтане слез усиливает искреннее восхищение красотами южного берега:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приютная краса,
И струй и тополей прохлада;
Все чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага

Пред ним и блещет и шумит
вокруг утесов Аю-Дага…

[2, т. 4, с. 194–195].

Ученый-филолог, писатель и поэт, знаток чеховского творчества Г. А. Шалюгин пишет: «Краеведы подсчитали, что за три крымские недели поэт посетил более 50 населенных пунктов, проделал в карете, верхом на лошади и пешком 650 километров, да еще 150 километров — по морю. Крымские реалии, чувства и впечатления нашли отражение в трех десятках произведений Пушкина, среди которых такие шедевры, как "Бахчисарайский фонтан", роман "Евгений Онегин"» [6, с. 3].

Известно, что А. П. Чехов жил в Ялте с 1899 г. и купил домик в Гурзуфе –той самой местности, где Пушкин, в свое время, гостил в имении Раевских. Антон Павлович приобрел в собственность кусочек берега у пушкинской скалы — место, с которого молодой поэт глядел на излучину береговой линии и сказочный абрис заповедной Медведь-горы.

Творчество А. П. Чехова было постоянно обращено к творчеству А. С. Пушкина. Исследователи подчеркивают, что цитаты, реминисценции, аллюзии на пушкинские произведения выступают «чуть ли не ключевыми» (М. М. Богоявленская), «необычайно значимыми» (П. А. Кузичева), произведения Пушкина становятся предметом споров и размышлений героев на страницах чеховской прозы и драматургии.

Так, рассказ «Учитель словесности» открывается стуком копыт: по деревянным подмосткам из конюшни выводят трех превосходных и дорогих лошадей для прогулочной поездки, и жених Маши Шелестовой Никитин садится на вороного коня по кличке Граф Нулин. В беседе за вечерним чаем Варя Шелестова, старшая сестра Маши, затевает спор о том, можно ли назвать Пушкина психологом, и Никитин, доказывая, что можно, произносит отрывки из «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова». Семнадцатую главу повести «Дуэль», которая содержит немало реминисценций к темам и мотивам «Кавказского пленника», «Евгения Онегина», предваряет эпиграф из стихотворения «Воспоминание» (1828): «…В уме, подавленном тоской, / Теснится тяжких дум избыток; / Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток: / И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклинаю, / И горько жалуюсь, и горько слезы лью, / Но строк печальных не смываю» [4, с. 435]. Пушкинские строки становятся средством воплощения глубинных, непередаваемых словами чувств, как, например, «У Лукоморья дуб зеленый» в устах Маши — одной из героинь «Трех сестер».

Пушкинская традиция усматривается у Чехова и в жанрах публицистических, очерковых: исследователи пишут о сходстве стилистической структуры «Путешествия в Арзрум» и «Острова Сахалин» [7, с. 179]. В творчестве классика, замкнувшего золотую цепь русской литературы XIX в., находили как сходство, так и отличия от первого в этом ряду — Пушкина. И в этой связи тема «Пушкин и Чехов» также неоднократно становилась предметом обсуждений в научном сообществе филологов, библиотекарей, культурологов, специалистов музейного дела.

Актуальность объединения исследований литературных, в данном случае, освещающих творчество Александра Сергеевича Пушкина и Антона Павловича Чехова, с научным освоением и сохранением природных ландшафтов Крыма несомненна. «Берега Тавриды» достойны быть одним из выдающихся современных культурных объектов, гармонично представляющих достижения искусств и естествознания. Закаты, скалистые берега, уникальная флора и фауна, географические особенности полуострова… Все то, как тысячелетиями формировались эти места, можно представить воочию — по обширным ландшафтным панорамам и по небольшим объектам, таким как отполированные морем скалы вдоль береговой линии. Но важно и то, что потребовались именно такие писатели и мечтатели, как Пушкин и Чехов, чтобы перевести красоту в слово, обогатив тем самым эмоциональный уровень восприятия крымских реалий. Через них пришло в литературу уникальное очарование этих мест.

Накануне 200-летнего юбилея А. С. Пушкина, в 1996 г., прошла большая международная конференция, по итогам которой был выпущен том «Чеховиана. Чехов и Пушкин» (М.: Наука, 1998). В 1997 г. тема «От Пушкина до Чехова: вершины русской классики» собрала исследователей, специалистов и любителей русской литературы в ялтинском доме-музее А. П. Чехова. Материалы этой

конференции, проведенной в рамках «Чеховских чтений в Ялте», зачинателем которых была сестра писателя Мария Павловна Чехова (1863–1957), вошли в сборник научных статей «Чеховские чтения в Ялте. От Пушкина до Чехова» (2001) [6].

М. П. Чехова, посвятившая всю свою жизнь Дому-музею, бережно сохраняла обстановку дома в том виде, в каком ее оставил талантливый брат. Среди комнат на Белой даче — так называли выстроенный А. П. Чеховым дом в прилегавшей к Ялте татарской деревне Аутка (ныне это место располагается в городской черте Ялты) — была комната, которая носила громкое название пушкинская. В этой проходной комнате, где на стене висел большой портрет Александра Сергеевича, обычно ночевали приезжавшие гости. На одной из южных стен комнат первого этажа во времена Марии Павловны висели в рамках дорогие ее сердцу цитаты: «Чехов, как Пушкин, двинул вперед форму. И это большая заслуга» (Лев Толстой), «Как стилист, Чехов недосягаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов» (Максим Горький) [5, с. 107].

До последних лет жизни Мария Павловна Чехова хранила воспоминания об одном из самых ярких событий московской жизни семейства — состоявшемся в начале июня 1880 г. открытии памятника Пушкину на Тверском бульваре и торжествах, сопровождавших это событие. В московском доме, который снимало семейство Чеховых на Садово-Кудринской, в комнате МаПа (так любовно называли Марию Павловну в семье) на самом видном месте находилась гравюра с изображением памятника работы А. М. Опекушина.

«На церемонии открытия был старший брат Антона Чехова — художник Николай Чехов: по его эскизу был сделан рисунок, опубликованный в журнале “Всемирная иллюстрация”. Был ли вместе с ним Антон, точно неизвестно, но, как полагает Г. Ф. Щеболева, “вряд ли Антон Павлович пропустил это торжество”, поскольку “он высоко ценил А. С. Пушкина. В семье был своеобразный культ Пушкина”» [3, с. 40–41]. Л. А. Трахтенберг приводит еще один веский аргумент в пользу того, что Антон Павлович присутствовал на открытии памятника. Это текст письма, отправленного Митрофаном Егоровичем Чеховым (дядей) Павлу Егоровичу Чехову (отцу Антона Павловича) всего через несколько дней после пушкинских торжеств, 10 июня 1880 г. М. Е. Чехов пишет, что «прослезился», читая письмо Антоши: «Я сам люблю великого Пушкина, а Антоша изобразил самое жалостное в его жизни — несчастную смерть его» [1, с. 72]. Письмо, безусловно, свидетельствует о теплом, очень личном отношении в семье Чехова к великому поэту и может быть доказательством того, что Антон Чехов видел открытие памятника и читал в прессе отчеты о мероприятиях 5–8 июня 1880 г., приуроченных к пушкинским торжествам в Москве.

Возвращаясь к современности, отметим, что состоявшаяся 15–19 апреля 2019 г. Международная научно-практическая конференция «Чеховские чтения в Ялте. От Пушкина до Чехова: классика и современность» была по счету 39-й. Ее организаторами выступили Министерство культуры Республики Крым, ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник», Чеховская комиссия Совета по истории мировой культуры РАН. В Ялту приехали ученые, издатели, сотрудники библиотек, работники музеев из многих городов Российской федерации (Александровск-Сахалинский, Москва, Мелихово, Санкт Петербург, Таганрог, Ростов-на-Дону, Великий Новгород, Курск, Истра, Симферополь, Ярославль и др.), из США, Австрии, Германии, Канады, Китая, Франции, ЮАР.

На открытии XXXIX чеховской конференции, ставшей ярким событием в культурной жизни Крыма, присутствовали представители Государственного Совета Республики Крым, республиканского Министерства культуры, Ялтинского городского Совета и Администрации города Ялта, почетные гости, научная и культурная общественность. С приветствием к собравшимся обратился директор Музея-заповедника А. А. Титоренко. Были зачитаны приветственные адреса от Председателя Государственного Совета Республики Крым В. Константинова, от Главы администрации А. Челпанова, Заместителя Председателя Совета министров Республики Крым — руководителя Аппарата совета министров Республики Крым Л. Опанасюк. Были вручены традиционные премии городского совета им. А. П. Чехова. Председатель Комитета по культуре и вопросам охраны культурного наследия Государ-

ственного Совета Республики Крым Н. Пермякова пожелала исследователям интересной и плодотворной работы.

От Чеховской комиссии Российской академии наук выступил ее председатель доктор наук, профессор Московского государственного университета В. Катаев. Вице-президент Международной академии русской словесности Л. Зорин отметил, что директору Музея-заповедника А. Титоренко присвоено звание академика Международной академии русской словесности. Старейший сотрудник Дома-музея Чехова Алла Ханило, удостоенная диплома лауреата Международной литературной премии имени А. П. Чехова, рассказала, что более 70 лет отдала музею, в молодые годы близко знала сестру писателя Марию Павловну и его вдову Ольгу Леонардовну Книппер.

С началом Чеховских чтений Ялту поздравили заместитель генерального директора по научной деятельности Государственного центрального театрального музея имени Бахрушина И. Баканова, директор Сахалинской областной универсальной научной библиотеки В. Малышева, артисты театра «Современник», чей творческий вечер включен в программу конференции. В культурную программу первого дня конференции входили старинные русские романсы, которые были популярны в чеховском доме (солисты А. Глушко, А. Меджидова, Д. Костенко, партия фортепиано — А. Тимербулатова) и экскурсия по мемориальному саду Антона Чехова и его семьи.

В рамках первого пленарного заседания Чтений начались будни конференции. Пушкинскую тематику затрагивали доклад М. М. Одесской о сходстве в основных конфликтах и сюжетах, о том, как Пушкин и Чехов откликнулись на вечную проблему отцов и сыновей. Противостояние России и Запада нашло свое выражение в формировании двух схожих, но, по существу, отличных друг от друга категорий — русской интеллигенции и западных интеллектуалов (пленарный доклад С. Б. Евдокимовой). Е. И. Стрельцова рассмотрела «Три сестры» А. П. Чехова и сон Татьяны А. С. Пушкина в контексте поэтики святочного рассказа. С. А. Макуренкова сделала пространный экскурс по семантике концептов: от «климата» А. С. Пушкина до «атмосферы» А. П. Чехова. Дискурс в субъектно-центрической перспективе был рассмотрен Т. А. Болдовой. Н. В. Францова рассказала о системе эпиграфов как средстве характеристики героев в романе «Евгений Онегин». Озвученные на конференции материалы будут в полном объеме опубликованы в очередном томе сборника «Чеховские чтения», которые регулярно издает музей.

Из особо запомнившихся назовем доклад «От “Моцарта и Сальери” до Треплева и Триго-

Фото 1. Модераторы пленарного заседания конференции доктор филол. наук, проф. А. Д. Степанов А. Д. (СПбГУ) и председатель Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН доктор филол. наук, проф. В. Б. Катаев (МГУ).

рина», в котором Элис Смит отметила курьезный факт: в ЮАР известна марка водки под названием «Пушкин», пока что, к сожалению, это единственная ассоциация, связанная у жителей Африканской республики с гениальным поэтом. В ЮАР Пушкина как писателя практически не знают; и аналогичная ситуация, сказала Элис Смит, характерна во многих странах для людей, не владеющих русским языком. Несмотря на титанические попытки Набокова передать красоту и смысловую емкость пушкинского стиха англоязычной аудитории, любимым и широко известным русский поэт за пределами русскоговорящего сообщества так и не стал. По популярности за рубежом Чехов опережает не только Пушкина, но, пожалуй, и остальных русских классиков. Сегодня его пьесы и рассказы известны на всех континентах, во всем мире, включая страны исламского шариата.

Заключительный день конференции прошел в Гурзуфе. Участники побывали в бывшем имении Раевских, где жил А. С. Пушкин, увидели кипарис, который поэт благословил.

Из доброго, содержательного общения на фоне прекрасных пейзажей, согретого радушным гостеприимством, участники вынесли единодушное пожелание — вернуть в названия музеев имена писателей. В результате абсурдной ситуации, когда имена знаковых для российской культуры личностей из названия исключены, не ясно, что именно охраняет ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник» (понятно лишь, что деньги на содержание музеев идут из государственного бюджета). Думается, как исправные налогоплательщики, мы можем вполне легитимно потребовать, чтобы в название музея-заповедника были возвращены имена Пушкина и Чехова, в память о которых сохраняются здания, предметы, территории мемориальных объектов. Лицо музеев уникально. Не надо его стирать и разлучать с прекрасными именами, составившими славу отечественной литературы.

Фото 2. Участники конференции в Доме-музее Чехова (Ялта)

Marshall A. BOTKIN & Olga V. SPACHIL
Pushkin, Chekhov and the Crimea

Abstract. The article is a brief overview of topics on Pushkin as presented at conferences under the traditional name “Chekhov Readings in Yalta”. The International Conference “Chekhov Readings in

Yalta. From Pushkin to Chekhov: Classics and Modernity", which brought together scholars from Russia, Canada, the USA, Germany, Austria, China, South Africa and France on 15–19 April 2019 was the 39th. Alexander Pushkin and Anton Chekhov visited the Crimea; the beautiful southern coast of the peninsula left a noticeable mark on their life and work. Today, museums established in the places where the writers lived are integrated into the Crimean Literary and Art Memorial Museum-Reserve. There was a reason for referring to Chekhov as Pushkin in prose. Chekhov largely relied on the achievements of his great predecessor and developed them in his own way. Pushkin and Chekhov are the initial and the closing landmarks of the golden age of classical 19th-century Russian literature. This determines the depth and vastness of the problems discussed by the conference participants: historical biographical, literary theoretical, museum excursion, cultural and other aspects of the issues were discussed in the Chekhov-Pushkin context.

Keywords: Alexander Pushkin, Anton Chekhov, the Crimea, Crimean Literary and Art Memorial Museum-Reserve, International Conference "Chekhov Readings in Yalta", classical heritage of Russian literature and modernity.

Использованная литература:

1. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова: Т. I: 1860–1888. М.: Наследие, 2000.

2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Наука, 1962–1965.

3. Трахтенберг Л. А. Общественная жизнь Москвы в 1879–1884 годах // А. П. Чехов – воспитанник Московского университета. М.: ИПО «У Никитских ворот», изд-во «Литературный музей», 2015. С. 28–78; 40–41.

4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 7. М.: Наука, 1977.

5. Чехова М. П. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте: Мемуарный каталог-путеводитель. Симферополь: Крымиздат, 1955.

6. Чеховские чтения в Ялте: От Пушкина до Чехова. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001.

7. Чудинова В. И. Поэтика прозы А. П. Чехова. Южно-Сахалинск: Изд-во ИРОСО, 2013.

References:

1. Gromovo-Opul'skaya, L.D. & Gitovich, N.I. (2000) *Letopis' zhizni i tvorchestva A. P. Chekhova* [The chronicle of the life and work of A.P. Chekhov]. Vol. 1. Moscow: Nasledie.

2. Pushkin, A.S. (1962–1965) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: In 10 vols]. Moscow: Nauka.

3. Trakhtenberg, L.A. (2015) Obshchestvennaya zhizn' Moskvy v 1879–1884 godakh [The social life of Moscow in 1879–1884]. In: Kataev, V.B., Orlov, E.D. & Podorol'skiy, A.N. (eds) *A.P. Chekhov – vospitannik Moskovskogo universiteta* [A.P. Chekhov as a Moscow University student]. Moscow: IPO "U Nikitskikh vorot", Izdatel'stvo "Literaturnyi muzey".

4. Chekhov, A.P. (1977) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: In 30 vols]. Vol. 7. Moscow: Nauka.

5. Chekhova, M.P. (1955) *Dom-muzey A.P. Chekhova v Yalte: Memuarnyy katalog-putevoditel'* [The House-Museum of A.P. Chekhov in Yalta: A memoir directory guide]. Simferopol: Krymizdat.

6. Shalyugin, G.A. (ed.) (2001) *Chekhovskiye chteniya v Yalte: Ot Pushkina do Chekhova* [Chekhov's readings in Yalta: From Pushkin to Chekhov]. Simferopol: Tavriya-Plyus.

7. Chudinova, V.I. (2013) *Poetika prozy A.P. Chekhova* [The poetics of A.P. Chekhov's prose]. Yuzhno-Sakhalinsk: Izdatel'stvo IROSO.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Боткин, М. А. Пушкин, Чехов, Крым [Электронный ресурс] / М. А. Боткин, О. В. Спачиль // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 116-122. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Botkin_Spachil.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Botkin, M. A. & Spacil, O. V. (2019) Pushkin, Chekhov and the Crimea. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 2. pp. 116-122. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Botkin_Spachil.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 2 (18) 2019

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

16+

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: *ii.gorlova@gmail.com*

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: ЭЛ № ФС 77 - 62997 от 04. 09. 2015

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки была использован фрагмент цифровой копии картины Н. Н. Ге А. Пушкин в селе Михайловском, 1875. Холст, масло. 78 х 103 см. Харьковский художественный музей. Харьков, Украина.
Полная информация: http://artmuseum.kh.ua/ru/collection/2.html
Фото Marshall A. Botkin (с. 116): The Frederick News-Post; Полная информация (англ.): https://www.fredericknewspost.com/news/education/first-job---marshall-botkin/article_64a59430-6ea6-507e-ab63-eafcb418604b.html

Дизайн сайта http://heritage-magazine.com:
Т. В. Коваленко
Верстка html-версии журнала:
А. В. Крюков
Дизайн pdf-версии журнала:
Т. В. Коваленко, А. В. Крюков
Компьютерная верстка pdf-версии журнала:
А. В. Крюков
Дизайн обложки: А. В. Крюков
Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:
Е. Ю. Третьякова, О. О. Карслидис
Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур
Редактура аннотаций на английском языке:
В. В. Кашпур

Издание индексируется:
- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).
Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593
- в системе Google Scholar.
Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**.

Номер сверстан: 28.06.2019
Размещен в сети Интернет: 30.06.2019
Гарнитура: Cambria
Формат: 210x297 (60×84/8)
Усл. печ. л.: 14,42
Уч.-изд. л.: 11,05
Размер файла: 9,354 Mb

© Наследие Веков
© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»
© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»